

Причастные

Ант Скаландис
Спроси у Ясеня

«Автор»

1996

Скаландис А.

Спроси у Ясеня / А. Скаландис — «Автор»,
1996 — (Причастные)

Кто управляет нашим миром? Президенты великих держав? Миллиардеры? Спецслужбы? Или все-таки тайные общества, издревле контролирующие все на свете? У героев нового романа Анта Скаландиса особое мнение на этот счет. Суперагент Ясень – из тех, кого не удастся убить с первого раза, а его любимая – Верба – и вовсе заговоренная. И они вдвоем непременно должны разгадать зловещие замыслы темных сил.

© Скаландис А., 1996

© Автор, 1996

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	27
Глава четвертая	36
Глава пятая	44
Глава шестая	51
Глава седьмая	57
Глава восьмая	66
Глава девятая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Ант Скаландис

Спроси у Ясеня

Моим немолодым родителям, которые, вопреки всем ожиданиям, сумели понять и полюбить эту книгу.

Автор считает своим долгом выразить благодарность военному консультанту – к.т.н., доценту, полковнику Борису Леонидовичу Житомирскому – за помощь в работе над романом.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АГЕНТАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Говорят, если вы намереваетесь раздавить помидор, то берите созревший. Зеленый тоже можно, но его раздавить труднее.
Виктор Островский «Я был агентом Моссада»

Глава первая

ПИАНИНО В КУСТАХ

Я опоздал на последний автобус. Это было нормально. Для данного периода жизни просто закономерно. А период выдался скверный. Еще в конце моего любимого месяца мая все пошло кувырком.

Сначала я потерял работу и сразу вслед за этим – друга, шустро занявшего освобожденную (от меня) должность начальника издательского отдела. Потом я сильно разбил машину. Очень сильно. А чинить ее было не на что. Во всяком случае, так считала Белка. "Сначала работу найди – потом будешь машину чинить". По-моему, это была ужасная глупость, о чем я и говорил Белке постоянно. А работу я вообще искать не хотел, просто надеялся летом отдохнуть, оглядеться, пожить в деревне, может, написать новый роман. Словом, из-за машины мы крепко поругались. Белка кричала: "Да чини ты свою поганую тачку! Уезжай куда хочешь! Отдыхай где угодно! Проедай все деньги! Только без меня!" И повторялось это все с утомительной регулярностью, так что в какой-то момент я был действительно готов развернуться и уехать. И вдруг умерла моя мать. Говорят, общее горе сближает. Но, во-первых, горе было не очень-то общим, а во-вторых, нам обоим хватило чувства такта лишь до девятого дня. Потом мы начали ругаться с удвоенной силой, как бы пытаясь наверстать упущенное за девять дней трагической тишины. И до того мне стало тошно, что я даже машину решил не чинить. Все равно ведь за один день мне ее никто бы не сделал, а рвануть в деревню хотелось немедленно. Иначе (я слишком хорошо знал и себя и Белку) я уже через день переменял бы решение и снова увяз в болоте бытового идиотизма. Итак, я ушел из дома.

Была суббота. Белка уехала к тете на дачу в несусветную рань, и, когда она закрывала дверь, я сделал вид, что сплю. Потом встал, позавтракал и неспешно собрался. В последний раз "задал корма" нашему роскошному сиамскому коту Степану – насыпал "вискаса" в специальную мисочку и оставил на кухне тоненькую струйку воды из крана – по-другому Степан пить отказывался. Расставаться с верным другом было, конечно, грустно, но, что поделать, Белка любила его еще сильнее.

Потом я уложил все необходимое в рюкзак: еды дня на два, блок любимых сигарет "Голуаз" в синих пачках, резиновые сапоги, стопку чистых листов, несколько ручек и шестой том Стругацких с "Малышом", которого могу перечитывать бесконечно. Наконец, извлек из антресольных дебрей завернутый в тряпку "ТТ", доставшийся мне год назад за символическую цену – триста баксов. Продал его один надежный знакомый Майкла, я мог быть уверен, что оружие не в розыске. Но Белка, конечно, психовала и только через полгода перестала спрашивать, когда же за нами придут. Применять "ТТ" по прямому назначению мне еще ни разу не приходилось, ну а на пустых бутылках я, разумеется уже потренировался, забравшись однажды поглубже в лес и не пожалев двух патронов.

Для Белки осталась записка следующего содержания:

"Уехал в Заячьи Уши. Возвращаться не намерен. Надоело все. Зое Васильевне и Марку Львовичу большой привет. Андрюшку забывать не буду. Миха. P.S. Забрал пушку и полторы штуки грин. Остальное можешь тратить как хочешь".

Остальное – это еще четыре штуки с хвостиком, которые как раз накануне вернул нам Майкл, державший их под восемь процентов. Три штуки мы собирались отдать Лене под десять на весьма долгий срок, так что Белке нашлось бы на что жить безо всякой работы. А если еще учесть, что осталась квартира моей матери, где перед смертью она жила совсем одна, и квартиру эту, конечно же, сам Бог велел сдавать... Да что там! Честно говоря все Белкины проблемы я как-то сразу выкинул из головы. Впереди у меня были Заячьи Уши – наша замечательная деревня с редким названием и редкими сохранившимися домами, с заросшей травой улицей, с аистами на поржавевшей неработающей водонапорной башне, с чистейшим воздухом и с удивительной тишиной, в которой, должно быть, так славно работается. Я уже года два не писал ни строчки, если не считать предисловий, аннотаций, договоров, смет и прочей чепухи, а в деревне трудиться творчески мне и вовсе не приходилось – там бытовуха заедала похлеще, чем в городе. И вот теперь я шел и думал о новом романе.

Да, я именно шел, а не ехал, потому что опоздал на автобус. Чуть больше двух лет назад я купил "шестерку", стал заядлым автолюбителем и очень быстро научился ездить в наши Уши на перекладных. Поэтому теперь напутал что-то с расписанием, безумно долго прождал обшарпанного разбитого "Икаруса" в Твери, а в Старице просто опоздал на последний транспорт. Путь предстоял неблизкий – почти тридцать километров по пустынному узкому шоссе с очень слабой надеждой на попутку. Грузовики в субботу вечером здесь практически не ездят, а дачники на легковушках (по себе знаю) никогда не останавливаются: либо нагружены под завязку, либо просто боятся, тем более, когда их тормозит одинокий мужик подозрительного вида. Пуганный нынче пошел народ.

Я вышагивал по шоссе грамотно, придерживаясь левой стороны, навстречу предполагаемому транспорту, но транспорта не было, даже встречного, а в качестве попутки один раз промчался какой-то безумный "мерседес", кажется, шестисотый, смотревшийся довольно дико в этих малообитаемых краях. Снова наступила долгая душная тишина летнего вечера, в которой слышалось только гудение случайных жуков и мух над лугами, да стрекотание придорожных кузнечиков. Потом где-то вдалеке, явно приближаясь, затрещало насекомое покрупнее – летел вертолет. "Вот бы подбросил!" – пришла нелепая мысль. Звук усиливался. Но тут его начал заглушать более радостный для меня шум: позади, за поворотом дороги ревело что-то большое и тяжелое вроде КамАЗа. Однако грузовик оказался не менее безумным, чем давешний "мерседес": он пронесся мимо на скорости около столбика, не обращая ровно никакого внимания на мою вскинутую руку. Я даже присел от обиды на пыльную траву у обочины – все-таки отмахал уже километров восемь. И тут появился вертолет. Он выскочил из-за деревьев совсем близко от меня, наверно, в полукилометре, не больше, и начал стремительно приближаться.

"Что ж он там, садился, что ли?" – удивленно подумал я, провожая взглядом гигантскую металлическую стрекозу в боевой маскировочной раскраске и абсолютно без каких-либо опо-

знавательных знаков. Стрекочущее чудовище проплыло прямо над моей головой, довольно низко, мне даже показалось, что я чувствую ветер, поднимаемый лопастями пропеллера, и я отчетливо увидел в вертолетном брюхе черный провал открытого люка. Какая-то неведомая сила заставила меня съежиться, поднять плечи и прикрыть голову руками. Выстрелов не последовало. И я мрачно произнес вслух, чтобы стряхнуть наваждение:

– Шиза поперла.

Я действительно очень устал. Страшно устал. Три года без отпуска. Три года бесконечной погони за инфляцией, за ускользающим благополучием, за тающим здоровьем, за умирающей любовью, за недостижимой в наше дикое время литературной славой... Суета сует, господа.

Ноги налились вдруг тяжестью. На лбу выступил пот. А я еще шел всю дорогу в штормовке. Старая привычка – любовь к большим карманам. Может, действительно присесть передохнуть? Эх, сейчас бы холодненького пивка! А в рюкзаке только термос с чаем да фляжка коньяку. А вокруг не ослабевающая даже к вечеру августовская жара...

Ну, ладно, вот сейчас дойду до ближайшей деревни и спрошу холодного... нет, пива там, конечно не будет, а вот молочка налить могут.

Однако до деревни я не дошел.

Слева, у дороги, сразу за очередным поворотом стоял под березами новехонький черный с серебристыми полосками "ниссан-патроль". В общем-то в коллекции безумного транспорта, встреченного мною в этот вечер, он смотрелся уже вполне нормально, но внимание, конечно, привлек. Тем более, что это была моя любимая марка, моя мечта. Я всегда говорил: "Вот будет много денег, куплю себе "ниссан-патроль" – самый лучший из джипов".

Теперь я уже не могу вспомнить точно, почему тогда сразу сошел с дороги и очень решительно направился к "самому лучшему из джипов". Может быть, надеялся, что меня подбросят (не глупо ли это?); может, хотел спросить у хозяина холодного пивка (еще глупее); а может, просто решил в очередной раз полюбоваться на свою мечту (совсем глупо). Но так или иначе, я подошел к нему очень близко.

Могли в машине сидеть бандиты? Могли. Подумал я об этом? Возможно. Даже скорее всего. Пистолет я переложил из рюкзака в карман штормовки еще в начале пути, а теперь довольно нервно сжимал его рукоятку пальцами. Я подошел к "ниссану" вплотную и первое, что увидел – упаковку пива "Туборг" в багажнике. Упаковка была вскрыта: из двадцати четырех не хватало двух банок и – провалиться мне на этом самом месте! – пиво было холодным: полиэтилен отчетливо запотел да и на баночках проступили искрящиеся капли. Второе, что я увидел: людей в машине не было. Не было их и вокруг. Никого. Третье, что я увидел: открытая водительская дверца. И наконец, четвертое: в замке зажигания торчали ключи. От вида этих ключей у меня сразу закружилась голова. Я инстинктивно схватился за дверцу, чтобы не упасть и еще раз воровато огляделся. Никого. Тишина. Только кузнечики стрекочут.

Из открытого бардачка выглядывала полупустая пачка "Парламента". Я как-то автоматически протянул левую руку и вытащил за длинный двойной фильтр белоснежную сигарету. Внезапно заиграла музыка, как будто радио включалось от этого. Я вздрогнул и уронил сигарету на сиденье. Вытер испарину все той же левой рукой, которой так неловко задел кнопку магнитолы, потому что правой по-прежнему сжимал в кармане "ТТ", поднял сигарету, зажал в губах и прикурил от своей зажигалки. Потом сел под березой и задумался. Собственно, думал я пока лишь об одном: успею ли вытащить баночку холодного "Туборга" до возвращения хозяев...

Вот так, наверно, и погибают идиоты. Что может быть нелепее: получить пулю в лоб за банку пива, а перед этим, не исключено, еще и убить кого-то с перепугу все за ту же банку...

"Спокойно, Разгонов, спокойно, – сказал я себе. – Посиди, покури, подумай. Как тебя учил Петрович на тренировках по самбо? Никаких резких телодвижений раньше времени".

Я посмотрел на часы. Было без десяти шесть. Сколько уже прошло? Судя по каплям на банках – немного. Судя по ключам в замке – еще меньше. Хотя... Надо бы следы вокруг изучить... Изучишь. Посиди. Сигарета курится десять минут, как любит говорить Майкл. Впрочем, он говорил это давно, когда мы все еще курили "Яву" и "Родопи". Современные сигареты, даже такие длинные, как "Парламент", превращались в пепел гораздо быстрее.

Огонек уже дошел до угольной части фильтра и умер. Я выбросил окурочек, снял рюкзак и обошел машину кругом. Мой окурочек, мой рюкзак и примятая мною трава были единственными видимыми следами возле "ниссана". Впрочем жесткая, августовская, перестоявшая трава, сухие березовые листья, тропинка, протоптанная к шоссе давным-давно – где тут заметишь следы! А бычки, банки и бумажки не все бросают где попало. Так что... Сматываться надо. Но почему? Как почему? Ты в Заячьи Уши шел? Ну, так и иди в Заячьи Уши. Тебя сюда никто не приглашал. А-а, ты все о пиве страдаешь! Клептоман. Думаешь, сигарету все равно уже украл, значит, можно и пива взять – Бог простит. Кстати, пиво надо хватать скорее. Нет, не потому, что сейчас придут. Пусть приходят – у тебя же "ТТ", а потому что оно нагреется в этой жаре, противным станет. Верно? Неверно. Можно до ночи подождать, тогда оно опять остынет. Ну, ладно, хватит!..

Я еще раз посмотрел на часы (немислимым образом пролетело уже больше двадцати минут) и внезапно понял, что страдаю совсем не о пиве. Понял, почему не могу уйти так просто с этого места. Здесь случилась какая-то беда. На радостях люди не бросают шикарных машин с ключами в замке зажигания. Случилась беда – это факт. И значит, я должен помочь. Замшелая, по нынешним временам, логика рассуждений, но что поделаться, так уж я воспитан. Для меня никогда не стоял вопрос: зачем помогать? Интересовало только, кому и как. Сейчас эти два вопроса были особенно актуальны.

Я взял еще одну сигарету из бардачка и выключил "Радио-101", отвлекающее меня от размышлений. Солнце начало заметно клониться к западу. У горизонта собирались тучи.

Я просидел больше часа. Никто не приходил. По шоссе за это время проехало несколько «жигулей» (возможно, «москвичей»), один УАЗик и два трактора. Но мне уже было плевать на них. А им, в свою очередь, было глубоко плевать на человека, сидящего возле пустого «ниссана».

Ну, хорошо, попробуем рассуждать логически. Вариант номер один. Разборка. Приехали на двух (или больше) машинах, постреляли всех кого надо, включая водителя "ниссана", и уехали. Трупы забрали с собой. В этом случае я сижу и жду милицию. Или друзей убитого. Или тех, кто убивал. Все они будут очень рады меня видеть. Но приехать могут не скоро. Можно успеть слинять. С машиной или без. Но с машиной потом все равно найдут. Сорок пять штук плюс все что с этой машиной связано. Можно обойтись и без "плюса". За такие деньги убивают сразу, не задумываясь. А если отогнать машину поближе к Заячьим Ушам, взять из нее все, что окажется полезным и бросить где-нибудь в другом месте? Но это очень рискованно. Очень... Боже мой, о чем это я?! Я же перебирал варианты. Итак: вариант номер два. Машину угнали ради ценного груза, настолько ценного, что сам "ниссан" рядом с ним – тьфу. Бросили, как обертку от конфеты и умчались на какой-нибудь другой тачке. А-а! Да ведь они умчались на вертолете, том самом, без опознавательных знаков. Впрочем, вертолет и по первому варианту проходит отлично. Да только какое мне дело до этого вертолета? Он бы уже три раза успел вернуться, если бы захотел. Ладно, поехали дальше. Вариант номер три. "Ниссан" – это ловушка, приманка. Для кого? Для меня? Очень остроумно. Значит, крупный зверь, которого ловят, еще не появился. Или уже не появился. Могли его прибить по дороге? Могли. И совсем не те, кто ловит. Да, вариантов тьма. Но, если хорошенько подумать, многие из них отпадают... Кстати, какой там у нас номер? Номер был желтый, то что раньше называли "эспэшный". Возможно, машину взяли в прокате. Это уже вариант номер четыре. И в таком случае ее начнут искать

еще позже. И скорее всего искать будет милиция. А случай стандартный, рутинный... В общем куковать мне тут добрую неделю. Так. Какие еще возможности? Больше в голову ничего не приходило. Оставались только варианты из области фантастики: шпионские страсти, инопланетяне, путешествия во времени, материализация желаний по шучьему велению...

Я уже перешел на "Голуаз", стыдливо оставив в пачке несколько штучек "Парламента". Во рту пересохло, голова сделалась совершенно квадратной и теперь, когда часы показывали почти восемь, проблема с пивом решила сама собой. Было уже просто глупо задаваться вопросом, а можно ли. Не то что страха, но и сомнений никаких не осталось. "Ниссан" казался теперь совершенно своим, родным, и все, что в нем находилось, тоже как бы принадлежало мне.

Я по-хозяйски открыл обе створки задней двери, которую тоже не заперли на ключ, и выудил из упаковки зеленовато-золотистую баночку "туборга". Пиво, конечно, нагрелось, но было еще ничего, и примерно с половину я выпил, почти не отрываясь, с истинным наслаждением. А потом медленно дососал остальное. И вдруг почувствовал, как спиртное ударило в голову. В общем ничего особенного. Бывает такое состояние организма, когда алкоголь действует очень быстро и сильно. Это, например, состояние крайнего утомления или состояние полной расслабленности. У меня скорее было второе: я медитировал под этой березой, как Будда под священным деревом бо. Бесконечными размышлениями я почти загнал себя в транс. Но вместе с пузырьками пива откуда-то из глубины поднялся вопрос: "Что же теперь делать?"

Я тихонечко рыгнул и сам себе сказал вслух:

– Пора принимать решение, дурень!

Дурень взял еще одну штучку "Парламента", забрался уже совсем внаглую на водительское сиденье и закурил от электрозажигалки.

Прошло больше двух часов.

Солнце неумолимо падало за горизонт. Погода портилась. Там, на западе собирались тучи, и, наконец, стало немного холодать.

В голове так шумело, что в какой-то момент я подумал: "Вот она, ловушка! В баночке-то было не просто пиво, а какая-нибудь дрянь психотропная. Вербуют, сволочи!"

И вот когда полезла в голову этакая ерунда, я отмахнулся от нее и сформулировал свой выбор. Я мог: первое – уйти; второе – уехать; третье – сидеть и ждать. Первое стало для меня совершенно невозможным (глупо, но я не ушел бы уже ни за какие коврижки); третье – безумно надоело, хотелось кушать и спать. И посему оставалось второе. Я решил поехать в свою деревню. Здесь, возле дороги, у меня даже аппетита не было, хотя голова, безусловно, начала болеть именно от голода.

Решение созрело. Оно было окончательным и обжалованию не подлежало, хотя с позиций здравого смысла и не выдерживало никакой критики. Сказать, что я совсем не подумал о последствиях, было бы неправильно. Я подумал. Но как-то странно. Я был совершенно уверен, что милиция сюда не приедет и вообще машину эту искать не будет: ведь ни следов крови, ни дырок от пуль, ни даже вмятин на ней не было – где повод для расследования? Угон? Не похоже, ну, совсем не похоже на угон. В общем можно было утверждать с очень высокой степенью вероятности, что машину эту будут искать бандиты. Почему же я не боялся связываться с ними? А вот это уже отдельный вопрос. Для начала надо разобраться, а кто такие вообще бандиты.

Лет пять назад словом "бандит" называли вполне конкретный социальный тип человека – такого коротко стриженного, небритого, со зверским взглядом мокрушника, отмотавшего половину сознательной жизни на зоне, бегло ботающего по фене и носящего с собой под ватником "Макарова", а за голенищем перо длиной в полторы ладони. Сегодня все у нас переменилось. Сегодня появились бандиты в изысканных костюмах-тройках от Кардена и бандиты с полковничьими погонами, бандиты с удостоверениями ФСБ и с депутатскими мандатами, бан-

диты, говорящие на пяти языках, имеющие по несколько офисов в Вене и Лос-Анджелесе, появились даже бандиты с министерским портфелем и бандиты... Впрочем, стоп, а то ведь придется и фамилии называть. А я сейчас не об этом, не о бандитах, которые на самом верху. Я сейчас говорю о бандитах, которые повсюду, которых стало едва ли не больше, чем обычных граждан. Попробуйте заняться каким угодно бизнесом, какой угодно коммерческой деятельностью, попробуйте сунуться в торговлю (на рынке или в магазине – неважно), займитесь, пусть даже в частном порядке, куплей-продажей недвижимости, возьмитесь за расследование серьезного дорожно-транспортного происшествия или подайте иск в суд по какому угодно поводу, лишь бы на приличную сумму – и вы со всей неизбежностью вступите в контакт с бандитами. Вынуждены будете вступить. Или придется бросить начатое дело. Потому что бандиты это основа основ современного Российского государства, его костяк, база, единственное структурное звено, сохраняющее жесткость и удерживающее страну от окончательного развала. Бандиты – это коммунисты сегодня. Если скрупулезно посчитать, окажется, что группировок по стране столько же, сколько раньше было райкомов. И обратите внимание, никаких новых эсэновских границ они не признают, планомерно укрепляя свою власть на местах по всей территории бывшего СССР. Трудно сказать наверняка, есть ли у них Политбюро, может быть, даже и ЦК нет, и это, конечно же, недоработка, которую нужно срочно исправлять, а вот первичные "партийные" организации функционируют отменно, ведут пропагандистскую работу среди населения, особенно с молодежью, и завоевывают с каждым днем все большее доверие. Вот так по жизни назвать своего знакомого бандита партторгом как-то даже оскорбительно. Партторги были людьми официальными и потому все-таки чужими. А с бандитами сегодня советуются как с добрыми наставниками, вызывают, как участковых врачей, и точнее всего будет сравнить их с домашними психоаналитиками в Америке пятидесятых-шестидесятых.

В общем были и у меня свои бандиты. Некие друзья Майкла, с которыми он меня познакомил на всякий случай. Случая до сих пор не представлялось, но жизнь постепенно приучала не слишком бояться бандитов и считать общение с ними чем-то абсолютно нормальным. Вот и теперь я был внутренне совершенно готов к встрече с представителями "новой власти".

По логике закона и морали я не имел права брать чужое. По логике бандитов все, что плохо лежит – твое. Я в своем решении опирался на какой-то средний вариант – на логику авантюриста: раз за машиной так долго не приходили, значит уже и не придут. "Пора не пора – иду со двора". Детский сад, одним словом. Но в детство я впал не от хорошей жизни, как вы сами понимаете. Просто от отчаяния. Козырей-то у меня не было никаких. Пистолет, деньги, умение драться, умение соображать и даже все знакомые бандиты ничем бы мне не помогли при печальном повороте событий. Но жизнь моя в последнее время стала настолько унылой, что я мог сказать, как тот грузин из анекдота, которому при вступлении в партию объяснили, что от всех радостей привычных надо отказаться, а потом спросили, готов ли он жизнь за партию отдать. "Конечно, готов, – печально ответил тот грузин. – На хрэна мнэ такая жизнь?"

Я тоже был готов. Во всяком случае, мне так казалось. Умирать было не страшно. Страшно было вернуться к той жизни, какую я жил последние два года. Вот что толкнуло меня в эту нелепую историю: тоска, отчаяние и чисто писательское любопытство пополам с природной склонностью к авантюризму. А еще – интуиция. Интуиция подсказывала, что я не погибну. В этой истории не погибну. Я смеюсь, если кто-нибудь утверждает, что интуиция помогла ему предвидеть скачок доллара на ММВБ, но когда дело касается жизни и смерти, тут уж, поверьте, интуиция кое-что значит.

Итак, решение созрело. Созрело в голове, а вот руки и ноги еще не готовы были слушаться. Я словно вошел в ступор и, положив ладони на баранку, очень внимательно смотрел через стекло на закат.

Алый шарик солнца в тот вечер не опускался за кромку земли, как обычно, а зависнув довольно высоко над горизонтом, медленно таял, растворяя в сером однообразии внезапно

нахмурившегося неба сначала свой нижний край, потом середину и, наконец, верхнюю уже совсем тонкую светящуюся полоску. Красный цвет равномерно растекался по окоему и все пространство на западе из скучновато-пепельного становилось кремово-розовым. Я по-детски загадал про себя, что вот, как солнце сядет, так я и тронусь в путь, а солнце, точно назло, не садилось, а таяло, как земляничное мороженое в теплом молоке, и я все смотрел и смотрел на это розовое марево, не понимая, какой же момент считать окончательным заходом, и все не решался, ну, никак не решался повернуть ключ в замке зажигания.

Березы над головой вдруг зашумели, словно переговариваясь. Поднимался ветер. Я глянул назад и увидел огромную свинцовую тучу, наползающую с северо-востока. Туча мне не понравилась, и я решительно начал обратный отсчет: десять, девять, восемь, семь... два, один, пуск!..

Я рисковал обнаружить, что машина не на ходу, допустим, в ней просто нет топлива (это был бы уже какой-то пятый вариант). И еще я рисковал попросту взлететь на воздух (в случае примитивной ловушки на крупного зверя). Но... движок завелся в одно касание и продолжал работать ровно и практически беззвучно.

"С Богом", – сказал я про себя и хлопнул дверцей. В тот же момент заорала сигнализация. То есть это я поначалу так решил, а уже в следующую секунду понял, что звук идет не снаружи, а изнутри и для сигнализации он слишком тихий. На панели мигала незнакомая фиолетовая лампочка. Однако в иномарках бывает много незнакомого, да и звуки они порой издают самые неожиданные. Я как-то ехал в девятьсот сороковой "Вольве", так она при включенном моторе и незакрытой дверце полонез Огиньского начинала играть. В общем я не очень всполошился, просто призадумался, но еще не успел ничего решить, когда после четырех или пяти гудков этого зуммера раздался голос:

– Ясень, Ясень, вызывает Тополь. Как слышишь меня? Прием.

Я молчал, онемев от страха. Ведь меня, как вора, схватили за руку прямо на месте преступления и сейчас начнут бить. Бить будут серьезно, потому что за дело. Потому что я и в самом деле вор.

Голос повторил:

– Ясень, я Тополь. Отвечай. Я знаю, что ты в машине. Прием.

И тогда (очевидно, я окончательно сошел с ума) помимо воли и разума открылся мой собственный рот, и в эфир полетело следующее:

– Тополь, Тополь, говорит Ясень. Как слышишь меня? Прием.

– Так-то оно лучше, Ясень. Слушай меня внимательно. Сиди в машине и жди. И никаких телодвижений до следующей связи. Как понял меня? Прием.

– Понял тебя отлично. До связи, Тополь.

И передатчик затих.

"Ну, вот и все, – подумал я. – Смертный приговор подписан. Теперь можно выпить хоть все двадцать оставшихся банок пива. Или сколько их там? Двадцать одна? А потом коньячком добавить. И даже закусить можно. И выкурить последнюю сигарету. Если успею".

Я заглушил мотор и как-то автоматически приоткрыл дверцу, еще не понимая, куда собрался. На панели погас сиреневый огонек передатчика. Ага! Значит, он срабатывает вот так. Я еще раз хлопнул дверью – огонек зажегся. "Я знаю, что ты в машине", – сказал этот Тополь. Прозвучало красиво, но ведь дверь можно было закрыть и снаружи. Или я все равно бы услышал сигнал вызова? А интересно, с открытой дверью он сможет выйти на связь? Впрочем, глупый вопрос: к чему нужна связь, если ее так легко оборвать? Или все это сделано только ради конспирации: переговоры при закрытых дверях. А вообще странный передатчик: я ведь переходил на прием ровным счетом ничего не переключая.

Мне вдруг ужасно захотелось снова поговорить с этим Тополем. Страх? Да нет, страх, пожалуй уже прошел, и скорее это опять было просто любопытство авантюриста. Я принялся

внимательно изучать передатчик. Кнопок на нем было немного, и после нажатия, кажется, третьей по счету (к чести своей должен заметить, я запомнил, какой именно) передатчик ожил. Сначала захрипел, потом посвистел протяжно и, наконец, уже знакомый голос спросил:

– Что случилось, Ясень? Прием.

– Да ничего не случилось. Просто хочу узнать, сколько мне тут еще торчать. Жрать охота, да и до дому бы добраться неплохо. Прием.

– Жратвы в машине сколько угодно. Пошукай в багажнике, Ясень. А вот насчет до дома добраться – это мы с тобой завтра поговорим. Прием.

– Что значит "завтра"? Мне тут что, ночевать что ли? Прием.

– А ты понятливый однако. Утром я тебя вызову. Утром. Понял. И упаси тебя Бог до утра куда-нибудь ехать. Или сбежать. Не потому, дружище, что придется искать тебя, время тратить, силы – это бы еще полбеды. А потому, что опасно. Понял? Прием.

– А тут сидеть не опасно? Прием.

Тополь выдержал паузу. Потом сказал:

– Здесь не так опасно. Ты уж меня послушай. А если что, я до утра на связи. Вопросы есть?

– Есть вопросы! – крикнул я, не дождавшись слова "прием".

Что-то захрипело и Тополь сказал:

– Повтори. Прием.

– Тополь, слушай, Тополь, дело в том, – я все еще мялся, – дело в том, Тополь, что я-то совсем не Ясень. Понимаешь, Тополь? Правда, Тополь. Прием.

– А вот это ты брешешь, парень! Раз ты сидишь в этой машине, значит ты – Ясень. Понял меня хорошо? Конец связи.

Я было хотел вызвать его еще раз, но сообразил, что после такой фразы ничего более важного уже не услышу.

Я вышел из машины, достал из рюкзака фляжку с коньяком (собственно не с коньяком, а с дешевым греческим бренди "Александр") и сделал глоток на добрую треть стакана.

"Ну, вот и все, старина, – сказал я себе. – Был ты начальником издательского отдела, членом Союза писателей, когда-то совсем давно был спортсменом, потом инженером, потом мелким коммерсантом, мужем и отцом. Да, и сыном. Совсем недавно. А еще – гражданином СССР. Была такая удивительная страна на карте планеты. И жил в ней неплохой в общем-то парень – Мишка Разгонов, молодой специалист, литератор и мастер по самбо. Но все это было. И прошло. А теперь ты – Ясень. Ясень – и все. Понял меня хорошо? Понял отлично. Конец связи. Или конец всему? Но, но, но!.. Мы еще повоюем! Я еще покажу этим тополям и дубам, кто такой Разгонов! Я так просто не сдамся..."

И я уже был готов сделать второй жадный глоток из своей фляжки, когда от дороги послышался визг тормозов и резкий хлопок закрывшейся дверцы. Я сжал в кармане рукоятку "ТТ" и выглянул из-за машины.

Глава вторая А ВОТ И ДЕВУШКА!

Сквозь сгушавшиеся сумерки я разглядел яркие задние габариты шестерки, темно-синей или, может быть, черной, заляпанный грязью и потому плохо читаемый частный номер новейшего образца с трехцветным флажком и около машины – две фигуры: женскую, буквально сорвавшуюся с переднего сиденья и быстро двинувшуюся по дороге, и мужскую, вылетевшую из-за руля ей вдогонку. Водитель в два скачка догнал свою спутницу и схватил за локоть.

– Ну, вот что, сука, куда ты не пойдешь! – закричал, а точнее заревел он несуразно громко и зло.

"Шизик, – подумал я. – Или просто пьяный. Но даже если это муж с женой, все равно есть повод поразвлечься".

И, сделав пару шагов в сторону шоссе, я окликнул их:

– Эй, на палубе!

Они обернулись одновременно, и женщина, воспользовавшись замешательством обидчика, выдернула свой локоть и, очень ловко увернувшись от его второй руки, кинулась ко мне с криком "Помогите!"

За те считанные секунды, пока она пересекала разделявшие нас пятнадцать шагов, я успел увидеть, что ей не больше тридцати, что одета она со вкусом и явно по-городскому, что бежит она красиво, как профессиональная спортсменка, даже в такую минуту, что сумочка у нее совсем маленькая, что ее недлинные и очень рыжие волосы уложены в изящную прическу у хорошего парикмахера, что лицо у нее в веснушках, а глаза – голубые даже в вечернем сумраке и что я в нее уже влюбился. Последнее я, конечно, не увидел, а почувствовал, почувствовал сразу, а когда на какое-то мгновение задержал в своей руке ее ладонь, сладостный озноб удивительного, забытого ощущения – ожидания счастья – охватил все мое тело, но я не расслабился, нет, а только наоборот осмелел, если не сказать обнаглел.

– Быстро в машину! – скомандовал я ей, кивнув назад, в сторону "ниссана".

И она исчезла за моей спиной. А мужик уже шел ко мне, и теперь я вынужден был обратить внимание на него. И очень своевременно. Мужик был лет, наверное, сорока, лысоватый, на голову выше меня и заметно шире в плечах. Из-под коротких рукавов клетчатой рубашки буквально выпирали его тяжелые бицепсы. Да-с, весовая категория не моя. Нет, я, конечно, без боя не сдамся, но нужен ли мне сейчас этот бой.

– Ты кто такой?! – рявкнул громила из "жигулей".

– Какая разница? – ответил я. – Вали отсюда.

И сделал осторожный шаг назад. Я отступал с достоинством, принимая откровенную боевую стойку, даже руку из кармана вынул, а про себя подумал: "Возможно, он просто здоровый от природы. Но вряд ли. Все-таки это руки настоящего спортсмена. Дай Бог, не боксера и не самбиста, но все равно дело может принять серьезный оборот. Пролить кровь за прекрасную незнакомку – это, конечно, красиво, но только в том случае, если выходишь победителем, а если очнешься утром, а вокруг ни прекрасной дамы, ни соперника, ни бумажника с деньгами... А то бывает, и вообще не очнешься..."

Все эти мысли промчались у меня в голове примерно с той же скоростью, с какой горнолыжник размышляет, куда ему повернуть перед очередным флажком на трассе гигантского слалома. И вывод был готов через две секунды: рука нырнула обратно в карман.

– Да ты кто такой?! – снова взревел громила, надвигаясь.

– Стоять! – сказал я с холодным бешенством, усилием воли заставляя не дрожать поднятую руку с пистолетом.

Все-таки первый раз в жизни целился в живого человека.

– Да ты что, офонарел, что ли? – как-то неправдоподобно тихо спросил мой враг и напряженно замер, по-моему, оценивая расстояние между нами спокойным взглядом профессионала.

Когда выхватываешь оружие и не стреляешь в ту же секунду, как учат учебники и инструктора по боевому самбо, ты рискуешь в основном тремя вещами: первое – кто-то может тоже выхватить оружие и выстрелить раньше; второе – оружие могут вырвать и применить против тебя; и третье (специфика нашей замечательной страны) – от тебя удерут, а потом накапают в ментовницу. В данном случае третье исключалось: он не знал меня, а стоящий позади "ниссан" должен был отбить всякую охоту от знакомства. Второе он исключил сам, внимательно просчитав свои и мои возможности. А первое оставалось, строго говоря, под вопросом, но кажется, он все-таки был безоружен.

– Вали отсюда, – повторил я почти добродушно. – Девушка попросила меня о помощи. Этого достаточно. Так что садись в свою тачку и чтобы через десять секунд тебя здесь уже не было. Я начинаю считать. Раз...

Он медлил.

– Два... – я держал теперь пистолет обеими руками.

– С-сука, – процедил он сквозь зубы, сплюнул, повернулся и не торопясь зашагал к "жигулям". Наверно, он был из тех людей, которые совсем не привыкли убежать.

И я подумал: "Ну, ладно, приятель, сейчас мы тебя испытаем".

Когда я громко произнес "Девят!", он уже закрыл дверцу, но машина еще стояла. По счету "десять" я выстрелил (в воздух, разумеется). Уж очень было интересно, как он себя поведет. И этот персонаж не обманул моих ожиданий: "жигуль" взревел, очевидно он вдавил педаль в пол на первой передаче, и рванул с места, как "мерседес", причем сильно вильнув вправо (то ли занесло, то ли он специально вывернул руль из соображений безопасности).

Я громко и радостно расхохотался, уронил "ТТ" обратно в карман и лишь тогда оглянулся.

Спасенная мною красавица стояла совсем близко и смотрела на меня в упор, но в глазах ее была вовсе не благодарность и обожание, а растерянность, недоверие, страх и еще что-то странное, чего я не мог назвать, но понимал: именно это чувство для нее сейчас главное. Упрек? Разочарование? Обида? Бессильное отчаяние? Ей было плохо, и я брякнул первое, что пришло на ум:

– Не бойся, дурашка, я тебя не обижу.

Ноль эмоций. Точнее, эмоции все те же – ноль изменений.

– Пистолет-то газовый, – соврал я. – С этим парнем все в порядке.

Этот новый заход тоже не дал эффекта. Она лишь нервно втянула носом воздух, и я счел нужным прокомментировать:

– Ветер не в нашу сторону.

Но она, кажется, даже не поняла, к чему я это сказал, и еще раз шмыгнула носом. Она плакала.

– Господи, да что с тобой?! – я вдруг словно проснулся.

И тут она, покачнувшись, сделала два неверных шага, упала мне на грудь и заревела в голос.

– Вот-те на! Девочка моя, я что-то не так сделал? Может, надо было ему помогать? Или вам обоим? Я бы сказал, обеим.

– Нет-нет, извини меня, все нормально, я просто очень перепсиховала, просто испугалась очень, у тебя сигареты есть, дай закурить, а еще бы лучше сейчас выпить, холодно очень, холодно, устала я как собака, ты-то здесь чего делаешь, на ночь глядя, грибы что ли собираешь, тачка у тебя крутая, спасибо, спасибо, что "Голуаз", я люблю "Голуаз", особенно синие, а выпить дашь, коньяку бы сейчас неплохо...

Вот так она и говорила: без пауз, без интонаций, тихо, неуверенно, словно заученный текст на незнакомом языке. А я смотрел на ее лицо, на мокрые голубые глаза, на бледные щеки, где веснушки перемешались со следами размазанной туши, на дрожащие губы и таял от нахлынувшей нежности. Я вдруг вспомнил, кого она мне напоминает. Майку Глумову из "Мальша" Стругацких, Майку Глумову с иллюстраций Рубинштейна в питерском издании семьдесят пятого года. А потом я вспомнил, кто еще напоминал мне мою любимую Майку – знаменитая фигуристка Лозова, имя которой гремело лет пятнадцать назад. Лозова... Чистякова... Боже! Ну, вот я и вспомнил о Маше Чистяковой. К чему это сейчас? Скоро уже тринадцать лет, как ее нет на этом свете...

– Тебя зовут-то как?

– Татьяна.

– Ну, слава Богу, не Маша, – сказал я какую-то глупость и добавил, представляясь: – Михаил Разгонов, известный писатель.

– Правда, что ли? – спросила она, словно и впрямь знала такого писателя.

– Могу показать членский билет.

– Не надо.

Мы стояли на узкой тропинке очень близко друг к другу и курили. Стало уже совсем темно, и только огонек сигареты при каждой затяжке выхватывал из мрака ее чумазные щеки и крохотные капельки, застывшие на ресницах.

– Пошли, – сказал я, – чего тут стоять? Я же коньяка обещал.

"Ниссан" уютно светился изнутри маленькими внутрисалонными лампочками и мне вдруг пришло в голову, что прежде чем доставать свою походную фляжку, следует, как выразился этот Тополь, "пошукать в багажнике". Почему-то я решил, что там и коньяк будет. И, можете удивляться, но я не ошибся.

Коньяк я увидел почти сразу, едва открыл большую створку задней двери и смахнул с верхней коробки в сторону бесчисленные пакетики с орешками, сушеными фруктами, конфетами и печеньем. Я увидел коробку коньяка "Хэннеси". Запечатанную коробку. Сомнений не было. Это я возил в коробке из-под компьютера картошку или в коробке из-под голландского бренди Андрюшкины шмотки. А в этой машине коробок "из-под" явно не держали. Здесь было все без дураков: раз коробка "Хэннеси" – значит, шесть бутылок роскошного французского коньяка. Я вынул одну.

– О! – сказала Татьяна. – Красиво жить не запретишь.

– К сожалению, – сообщил я, срывая черное колечко плотной фольги и аккуратно вынимая пробку, – традиционных для этого напитка фужеров в форме тюльпана я с собой не захватил – есть только пластиковые стаканчики.

– Сойдет, – улыбнулась Татьяна.

Улыбнулась впервые за вечер. А улыбка у нее была чудесная, какая-то по-детски чистая и беззаботная. И опять накатило. Все тот же ностальгически сладкий и горький одновременно поток ассоциаций: Майка... Лозова... Чистякова... белый лед арены... белые костюмы... белый снег на замерзшей реке... белый дом... белые цветы на могиле... "белый, белый день"...

– Выпьем! – сказал я решительно, отгоняя наваждение.

– Со свиданьем! – предложила она.

– Со свиданьем, – согласился я.

Коньяк был мягким и изысканно ароматным, однако я выпил свои сто граммов единым махом. Удивительно, но Татьяна сделала то же самое, хотя я налил нам поровну, и не закашлялась, не поперхнулась, а облизнув губы соблазнительным язычком, сказала:

– Класс!

Мы помолчали, смакуя оставшийся во рту тонкий привкус. Потом она спросила:

– Тачку на гонорар, что ли, купил?

– Издеваешься? На гонорар от последнего романа едва можно было купить видеодвойку. Теперь мало кому платят так, как раньше. Да и тачка-то не моя, – поспешил я добавить зачем-то. – Конторская. Видишь, номер какой?

– В номерах я ничего не понимаю. А ты, значит, водитель, а не писатель, – разочарованно протянула она.

– Нет, – сказал я, – особо ценный сотрудник, которому доверяют такую машину.

– Вот как. – Не очень-то она мне верила. – И чем же ты занимаешься?

– А вот это, дорогая моя Танюшка, коммерческая тайна.

– Понятно. Ну, а едешь-то ты куда?

– Хороший вопрос. Я бы сказал, законный. На него не ответить трудно. Но можно я отвечу вопросом на вопрос? Ты куда-нибудь торопишься?

– Теперь уже нет.

– Что значит "теперь"?

– Н-ну, во всяком случае, до утра мне спешить некуда.

– Аналогично. Я тоже утром жду именно здесь одного человека.

– Женщину? – спросила она быстро.

– А это имеет значение?

– Может быть, – Татьяна загадочно улыбнулась.

– В таком случае отвечаю как на духу: я жду мужчину и сексуального влечения к нему не испытываю. А больше я ничего о себе не скажу. Давай поиграем в "Последнее танго в Париже".

– Уже не получается: мы назвали друг другу свои имена.

– Но ты не назвала фамилию.

– А ну ее к черту, мою фамилию! – с сердцем сказала она. – Не получается "Последнее танго", тем более, что я читала твой роман, твою "Подземную империю".

– Ого! Ну, и как?

– Нормально.

– "Нормально"! – передразнил я. – Да это гениальная вещь! Роман века.

– Нахал ты, Разгонов, ужасный нахал. Пожалуй, даже хам. А эти непристойные намеки с "Последним танго"! Во что ты здесь собираешься играть?

– Узнаешь, – произнес я многозначительно. – Ты все узнаешь. Но давай сначала покончим с некоторыми формальностями.

– С какими еще формальностями?

– Ну, как же, откровенность за откровенность. Я признался, что не жду завтра утром женщину, а ты расскажи, кто был этот человек в "жигулях".

– Господи, да никто! Почти случайный попутчик. Знакомый знакомых, который согласился меня подвезти... Оказался полнейшей свиньей.

– И это все?

– Все. Очень кушать хочется.

– Золотые слова, Танечка! Я уже битых три часа хочу жрать, как сто китайцев.

Сначала мы решили сделать костер. Нет, не потому, что холодно, а потому что темно, и вообще для романтики. Казалось как-то пошло ужинать летним вечером, сидя в машине, да еще когда ужин праздничный – с коньяком и шампанским. Шампанское в багажнике тоже нашлось, и естественно, французское. А еще там нашлись офигительные австрийские лоточки из фольги со встроенным подогревом. Я о таких раньше только слышал от приезжающих из-за границы, но в последнее время, поговаривали, что их завозят и в наши супермаркеты. И было в этих лоточках на выбор несколько ресторанных блюд. Мы с Татьяной остановились на лангете с грибами. Из багажника «ниссана» сыпалось все, как из рога изобилия: ветчина,

осетрина, соленые огурчики, маринованные оливки, свежие помидоры, бананы, киви, какие-то соки, крекер, шоколадные конфеты и еще черт знает что.

– Ты каждый день так ужинаешь? – поинтересовалась Таня.

– Нет, – ответил я как можно серьезнее. – Обычно я ужинаю в ресторане. Просто сегодня день такой странный получился.

Потом мы обнаружили почти на дне багажника складной столик и четыре складных стульчика. И уже окончательно войдя в роль, я пробурчал:

– Забыли тент положить, мерзавцы!

– Обойдемся, – сказала Татьяна.

– А если дождь?

– Продолжим праздник в машине.

"Да, кто-то явно собирался на пикник", – думал я, рассеянно осматривая еще не вынутые из "ниссана" припасы, и наткнулся взглядом на красноречиво промасленную тряпку, под которой угадывались очертания АКС или чего-то вроде. Ужасно захотелось развернуть его, но при Татьяне это было бы полным безумием.

– Накрывай на стол, – сказал я ей тихо, и в этот момент новая мысль обожгла меня, как прикосновение оголенного провода: "Ну, я-то завтра собрался умирать, а причем здесь Таня?! Имею ли я право пудрить ей мозги? Ведь автомат в тряпочке – это уже не игрушки. Я должен рассказать ей правду. Но тогда... Тогда не будет романтического ужина, прекрасного вечера, не будет любви, и едва послышавшиеся звуки танго, последнего парижского танго, растворятся в тишине или в пронзительном вое сирены... Вот именно! (Это была еще одна мысль примчавшаяся вдогонку.) Ты можешь рассказывать всю правду о себе, но не о Тополе. Тебе что, разрешили болтать кому попало о хозяевах "ниссана"? Да, может, тут в каждом шурупе жучки установлены. Ясень, у тебя нет выбора. Ты уже работаешь на Тополя, кем бы он ни был. И с этой девчонкой ты будешь молчать о работе. И вам будет хорошо вдвоем, а наутро ты попросишь ее уйти, ничего не объясняя. Она поймет, ты же видишь, какая она – она обязательно поймет. А еще ты должен сообщить Тополю, что ты не один. Хотя бы потому, что ты не знаешь, в котором часу наступит его утро".

– Миш, у тебя есть ножик, помидоры порезать?

Ее вопрос словно разбудил меня, и в задумчивости я чуть было не брякнул, как Деточкин в "Берегись автомобиля": "А черт его знает, что там есть".

– Ножик... – протянул я, собираясь с мыслями.

В "ниссане" я бы искал его глупо и долго. Поэтому шагнул к своему рюкзаку и извлек из кармана любимый складной офицерский нож.

– Слушай, – улыбнулась Татьяна, – а зачем ты возишь с собой рюкзак?

Я перешел на зловещий шепот и сообщил:

– Я – диверсант. В рюкзаке у меня тротил, чтобы взрывать железнодорожные мосты.

– А-а, – сказала Татьяна.

– Да просто старая привычка автомобилиста. Любая машина может выйти из строя, а при движении пешком, ничего нет лучше рюкзака.

– А вот эта машина часто выходит из строя?

– Эта? Пока еще ни разу.

Потом я пошел поискать дров для костра. И мне повезло. Совсем неподалеку кто-то спилил березу, а увез не все – бревнышки помельче остались аккуратно сложенной кучкой. Как раз то, что мне надо. Вряд ли это были дрова все для того же пикника, но я уже ничему не удивлялся. Если бы даже бревна были поколоты, а рядом стоял мангал, лежали бы шампуры и коробок спичек с приколотой к нему запиской: "Вам, дорогой Михаил Григорьевич", я бы и это воспринял как должное. Ведь когда идут такие навороты, становишься вдруг отрешенным и царственно спокойным. Кажется, это называется запредельное торможение. С запредельным

царственным спокойствием я надрал с бревен бересты, рассовал ее по карманам, а поленьев взял столько, сколько мог унести. И пошел к машине.

– Все почти готово, – поведала мне Татьяна. – Пойду позвоню по телефону.

– Что?! А-а... Валяй. Только далеко не отходи. Темнотища. Мало ли что...

– Далеко не пойду. Хворосту только пособираю. А то ты принес какие-то столбы. Как их разжигать-то?

– Эх, женщины! Ничего вы в кострах не понимаете. От хвороста один треск, а эти гореть долго будут. Ну, давай скорее...

И она скрылась за березами. Нужно ли объяснять, куда я ринулся в ту же секунду?

– Тополь, Тополь! Вызывает Ясень! Прием.

– Говори, Ясень. Прием.

– Тополь, я здесь не один. Если она подойдет, я мгновенно прерву связь. Ты понял?

Просто я хотел...

– Ясень, ты идиот? Почему сразу не сказал? Кто она? Прием.

– Я не знаю, кто она. Зовут Таня. Она проезжала мимо, ей надо было помочь. Вот я...

– Дальше что?! Прием.

– Ничего. Она побудет со мной до утра. Прием.

– Ясень, ты действительно придурок. Ты понимаешь, что ты должен избавиться от нее?

Прием.

– Что?! Да пошел ты!..

– Кретин! Я же сказал, не убирать, а избавиться! Ты должен сделать так, чтобы она ушла.

Ты понял меня? Прием.

– Она уйдет, – сказал я спокойно. – Но только утром.

И без предупреждения вырубил передатчик, хотя Татьяна еще бродила где-то между березами. Просто он мне надоел, этот Тополь. Ишь, распыхтелся! Может, я его разбудил. А может, он просто скучает там один на своем ночном дежурстве, и ему, конечно, завидно, что я тут девочку наклеил. Ладно, ладно...

Я включил магнитола по-прежнему настроенную на "Радио-101", и в "ниссан" стремительно ворвался полный экспрессии голос неполнозубой звезды Ардис:

– Ain't nobody's business!

Слова весьма соответствовали моменту: "Это никого не касается!" Действительно, никого. Весело! Я закурил и стал качать в такт руками, головой, потом начал притопывать ногами.

Подошла Татьяна с охапкой хвороста.

– Любишь Ардис? – спросил я ее.

– Ничего. – Она бросила хворост прямо под колесо, словно собиралась подпалить машину.

– Неполнозубая, – сказал я, – а как поет!

Татьяна улыбнулась.

– У нее просто строение челюсти такое. А неполнозубая – это я.

– Почему?

– Зуб сломался, а вылечить некогда.

– В пьяной драке? – поинтересовался я.

– Не-а, за завтраком в осетрине хрящик попался.

– А-а... Ну-ка покажи! – Я включил фары и вышел из машины. – Иди сюда.

И она встала в свете этих ниссановских прожекторов, как актриса в лучах лампы, и лихо откинула со лба челку, и улыбнулась нарочито широко. Такой я ее еще не видел: рыжее полыхание волос над голубым блеском глаз, нежной россыпью веснушек, розовой влажностью губ

и белоснежным сиянием зубов. И одного зуба – четвертого вверху справа – действительно не хватало. Но это не портило ее – это было как-то удивительно мило и трогательно, как у ребенка.

Я бросил сигарету, сделал шаг к ней и приблизил свое лицо... Дальше все получилось само собой, честное слово, я этого не планировал. Наши губы оказались слишком уж рядом. Я порывисто обнял ее и жадно захватил своим ртом ее розово-жемчужное великолепие. Она не противилась, нет, она ответила. Губами, языком, маленькими нежными ладонями, всем телом, прильнувшим ко мне. И мир исчез. Сладкий оранжевый туман плыл сквозь меня и вокруг, окутывал, обволакивал мягким теплом и ароматной шелестящей тишиной... Когда я последний раз так целовался? Со Светланой на острове Валаам, когда все было впервые, и закачались сосны, и огромное красное светило опрокинулось в озеро? Или с Белкой десять лет назад в продувном московском дворе, где посреди холодной черноты мартовского вечера мы были отдельно от всего и всех, и под двумя сомкнувшимися капюшонами наступил жаркий май и мы летели куда-то вперед и вверх, к теплу и свету... Но, кажется, теперь было еще прекрасней.

Крикнула вдалеке ночная птица, и мы очнулись.

– Подожди, – шепнула Татьяна. – Давай поедим, наконец, а?

– Пора, – согласился я. – Только очень быстро разведу костер.

Наступило минутное отрезвление. Я вспомнил внезапно, где я, с кем, почему здесь оказался и что ждет меня завтра. Все это был полнейший дурдом. Я забрался в чужую машину, нахамил какому-то важному бандиту и собирался провести ночь с абсолютно незнакомой, загадочной женщиной. Вот уж действительно "Последнее танго в лесу под Степуриным". (Михаил Разгонов по мотивам одноименного фильма Бернардо Бертолуччи). Мое танго вполне могло стать последним. Да и ее тоже. Кому же из нас суждено умереть наутро? В лучших традициях правдивого российского кино последних лет – умереть придется всем, в том числе, и нашим убийцам. Ах, как легко катились эти мрачные мысли, словно барашки по теплой глади моря, так легко, что я им совсем не верил. В глубине души я чувствовал, что мы оба останемся живы. Поэтому в глубине души царил праздник.

И на столе разворачивался праздник. Я даже согласился выпить шампанского, которого вообще не пью. Но это все-таки французское и вдвоем с такой женщиной! Шампанское было божественным. Татьяна была в восторге. Закуски были сказочно хороши. Про коньяк я вам уже рассказывал, а про остальное рассказывать просто лень. Поверьте, все было очень вкусно. И веселые тосты были. Совершенно дурацкие, отвлекающие от серьезных мыслей. Но после третьей мы загрустили. Оба, одновременно, как это случается у влюбленных. Татьяна в третий пластиковый стаканчик шампанского добавила коньяку, а я в третий пластиковый стаканчик коньяка шампанского добавлять уже не стал. Может, поэтому мы загрустили. Возникла пауза, обычно предназначенная для вдумчивого пережевывания пищи. Но я это сделал настолько вдумчиво, что в итоге прервал паузу следующей фразой:

– А знаешь, кого ты мне напомнила?

– Кого? – спросила она с интересом.

– Майку Глумову. Помнишь, кто такая Майка Глумова у Стругацких?

– Я даже помню, кто такая Майя Тойвовна Глумова.

– Не надо о грустном. До Майи Тойвовны тебе еще далеко. Ты похожа именно на Майку из "Малыша". Ты в каком издании его читала?

– В "текстовском", ну, в этом, двенадцатитомнике.

– Не объясняй. Я там работал, в "Тексте"... Господи! Неужели я такой старый? Ведь люди, читающие Стругацких по полному собранию – это уже другое поколение.

– Брось, Мишка, просто я слишком поздно увлеклась фантастикой.

– Стругацкие – это не совсем фантастика. Ну, ладно, вернемся к Майке. Знаешь, кто еще напоминал мне ее? Татьяна Лозова. Была такая фигуристка, помнишь? Ты и на нее похожа. Правда.

Таня сделала неловкое движение и опрокинула стаканчик, потом ладонью смахнула со стола пролившееся вино и, задумчиво вытирая одну руку о другую, тихо произнесла:

– Это очень хорошо, что я еще похожа на Татьяну Лозову.

– Что значит "еще"?

– Ну, старая облезлая кошка, а все еще похожа на девочку-фигуристку.

– Перестань. Какие твои годы!

– Для спорта? – быстро спросила она.

– А при чем тут спорт? – не понял я.

И мы оба помолчали.

– Слушай, – прервал я эту новую паузу, – хочешь, расскажу тебе одну историю? Только давай сначала выпьем.

– Давай.

Мы хлопнули еще по грамушке, и я начал.

История о влюбленном мальчике

Жил-был мальчик. Учился в институте на инженера, занимался самбо и боксом, играл на гитаре, писал стихи, песни, даже рассказы писал. Любил друзей, очень любил кино и фигурное катание. А к девочкам относился странно. Влюблялся в них и смотрел издали. Поэтому ему было все равно, на кого смотреть: на актрис в кино, на однокурсниц в институте, на спортсменок по телевизору или на случайных попутчиц в транспорте.

И вот однажды он влюбился. По телевизору. Но всерьез. В девочку-фигуристку на четыре года младше него. В девочку – мастера спорта международного класса. В девочку, у которой были родители, тренер, партнер, подружки и миллионы поклонников. В общем, у нее было все. У нее была слава. А у мальчика не было ничего. Только мечты о ней. И они даже встретиться не могли. Так он думал, по крайней мере. Ему было не привыкать к этому, и поначалу он сам не понял, что произошло. Смотрел на нее по телевизору, ходил на все ее выступления в Москве, учился наукам, сдавал сессии, тренировался, ездил на соревнования, получал новые разряды, и писал, и пел под гитару свои стихи. Про нее и не про нее. Но с каждым днем все больше и больше про нее...

Прошло три года.

Он был уже не мальчик. Назовем его теперь юношей. А она, безусловно, стала девушкой. Но все оставалось по-прежнему. Кроме одного. За три года юноша успел заметить, что ей на соревнованиях сопутствует удача именно тогда, когда ему везет на экзаменах и зачетах. И наоборот. Мистика? Конечно, мистика. Хочешь, верь, а хочешь нет, но пока она с партнером блистала на всех аренах мира, он был отличником. А как только юноша обрастал "хвостами", у нашей звездочки начинались срывы и провалы. Потом все выравнилось: у него так-сяк, и у нее так-сяк. И вот у юноши наступил серьезный кризис. Он не хотел больше учиться в техническом вузе. Он хотел только писать, петь песни, снимать кино... И это на последнем-то курсе! Он завалил экзамен по спецпредмету – небывалое дело вообще, а на их факультете особенно. И в те же дни его любимая проиграла подряд два крупных турнира. Собственно, это представлялось началом конца ее спортивной карьеры. Скоро они поменяются местами, понял он. Закат его научной карьеры, начавшийся раньше восхода, станет очень своевременным поворотом в жизни, собственно, даже трамплином в творчество. А ее закат обернется просто обломом, по существу, крушением всего ее мира. Теперь у него будет все. Будет. За ним – будущее. А у нее – ничего. Только прошлое. В неполных восемнадцать лет. Ведь придет день, когда ее перестанут показывать по телевизору. В сущности это будет ужасно для них обоих. И тогда он понял: пора. Он понял, что любит ее, любит по-настоящему, и только он может теперь помочь ей, только он сделает ее снова счастливой...

Дело было за малым.

Требовалось познакомиться.

А вот этого он как раз и не умел. Ведь на самом деле мальчик, то есть юноша, уже почти год носился с этой идеей. Называл план знакомства Планом с большой буквы. Продумывал до мелочей место, время, свой внешний вид, первые слова, которые он скажет, подойдя к ней... И несколько раз ему представлялась наиреальнейшая возможность осуществить План, но в каждом случае он оказывался не готов. Скорее всего потому, что никакой это был не план. Планы ведь пишутся для того, чтобы их выполнять (или перевыполнять, как было принято в те годы), а у него была все та же привычная хрупкая мечта, вечно улетающая химера, в самой недостижимости которой и таилось для него счастье, иногда дико будоражившее, иногда мучительно грустное, но счастье... Впрочем, подобные самокопания (очень свойственные, кстати нашему герою) – это все уже от Фрейда и от лукавого. Это он потом себя успокаивал, утешал и обманывал всей этой лабудой, а тогда подступил момент действительно переломный, когда он устал от бесплодных мечтаний, когда он опротивел сам себе и молодая кровь ударила в голову грубым и сильным плотским желанием, и была отчаянная решимость, и он подкараулил ее в очередной раз. Не на улице, и даже не в институте физкультуры... Господи! Он будет помнить всю свою жизнь тот вечер в Лужниках, когда он совершил невозможное. Он проник за кулисы Дворца спорта. Зачем? Это была разминка, говорил он себе. Он проник за кулисы – а ведь входы туда охранялись натуральными гэбэшниками в штатском! – после международного турнира фигуристов, на котором его любимая, была, конечно же, просто зрителем, но она там была. И пройдя в служебные помещения, он оказался в двух метрах от нее, и она стояла совсем одна... Вот прекрасный повод заговорить! Но он тоже просто стоял и курил, и поглядывал на нее, и делал вид, что оказался здесь случайно, и млел от счастья, и дрожал от страха, и не подошел к ней, не сказал ни слова, и она, конечно, ничего не поняла, может, даже не запомнила его, и у него потом была куча аргументов и куча причин, которыми он оправдывал свой поступок, точнее отсутствие поступка. Она ушла в итоге с какой-то компанией, и он ушел, ощущая муку, переходящую в облегчение.

А через два дня узнал. Из "Советского спорта". О том, что она погибла. В автокатастрофе. В тот самый вечер.

И тогда он сразу поехал к ней домой. Он давно уже знал ее адрес. Он вообще знал про нее все. После расследования, проведенного им с этой безумной любовной целью, он бы, наверно, мог работать в частном сыскном агентстве. Только зачем теперь все это?

Он постоял некоторое время на заснеженном берегу Москвы-реки, где стоял уже не раз и не два, глядя на ее дом, обычный высокий панельный дом, облицованный белой плиткой, потом вошел, поднялся на седьмой этаж и позвонил в квартиру. Дверь открыл ее отец.

– Простите, – сказал юноша и потупил глаза.

– Ты к ней? – спросил отец.

– Да, – сказал юноша.

– Проходи.

Отец провел его на кухню, достал из холодильника бутылку водки и налил юноше полный стакан. Потом налил себе.

– Ты давно ее знал? – спросил отец.

– Очень давно. Я любил ее.

– Выпьем, – сказал отец.

И они выпили.

– Как она погибла? – спросил юноша, помолчав.

– Ее повез домой какой-то пьяный матрос. И они врезались в грузовик с солдатами.

– Бред, – пожегился юноша. – Почему матрос? Почему с солдатами? У нас что, семнадцатый год?

Отец ответил очень коротко. Он согласился:

– Бред.

Потом были похороны.

В тот день с утра и до поздней ночи падал снег. Падал и падал. Уже позднее юноше казалось, что там, на похоронах, не было никого – только он, она и этот безумный снег, от которого все вокруг становилось белым. Как у Арсения Тарковского: "...белый, белый день..."

А на самом деле народу там было – прорва: ребята из сборной СССР в своих красных олимпийских куртках с капюшонами, заваленные снегом, похожие на ватагу сошедших с ума и ошибшихся адресом санта-клаусов; большая группа солидных угрюмых военных, по запорошенным шинелям которых невозможно было определить не только их звания, но и род войск; наконец, какая-то немислимая толпа черно-белых молчаливых фигур, протекавшая мимо, колыхавшаяся, таявшая...

И он вдруг понял раз и навсегда,
что нет на свете ничего страшнее,
чем слабость, нерешительность и глупость.
Ведь слабый, нерешительный и глупый,
он стал убийцей. Он знал наверняка,
что это так, но никому ни слова.
Он не хотел, чтобы его разубеждали
из жалости... Прошло тринадцать лет.

Он по-прежнему жив и по-прежнему считает себя убийцей. И, наверное, все так же, по-мальчишески беззаветно любит ее. Любит сильнее, чем живых. Ведь мертвые вне конкуренции.

В пачке, лежавшей на столике, не оказалось больше сигарет, и я поднялся, чтобы взять новую. Потом вспомнил, что в бардачке еще оставался «Парламент», и принес его, включив по дороге радио.

В умирающем костре потрескивали поленья, ветер в березах зашумел сильнее, из облаков показался мутный, непроставшийся глаз зеленоватой луны.

Татьяна сидела, поставив локти на столик и уперев лоб в ладони. Я опять не понимал, что с ней.

– Будет дождь, – начал я с нейтральной темы.

Она даже не шевельнулась.

– Извини, что я рассказал такую грустную историю.

– Да что ты, – сказала она, не поднимая головы. – За что извиняться? Просто я не понимаю, как ты жил с этим тринадцать лет. Кошмар. – Она еще помолчала. – Когда-нибудь я расскажу тебе другую историю про Машку. Только не сейчас, ладно?

– Про какую Машку? – вырвалось у меня.

– Про Машку Чистякову. Ты мне, конечно, не поверишь – тут надо все подробно рассказывать – но я-таки скажу. Скажу. Ты не убийца. Постарайся просто поверить мне. Я потом все тебе объясню. Ладно? И как ты жил с этим тринадцать лет?..

Она по-прежнему говорила, не поднимая головы. И я вдруг понял, и чуть не закричал, захлебываясь от непонятной мешанины всех чувств сразу:

– Да ты... Откуда?.. Неужели?!.. Да ты же...

И она вскинула на меня глаза.

– Да, я очень похожа на Татьяну Лозову. Очень похожа. Правда, на Татьяну Лозову тринадцать лет спустя! Паспорт показать? Или тебя устроит только пропуск в ЦСКА восемьдесят второго года? Дурачок ты мой!.. Ну, ладно, хватит.

Она резко встала и одним изящным движением сбросила с плеч голубую джинсовую жилетку. А потом медленно, томно изгибаясь и покачивая бедрами в такт тихой музыке, сняла футболку.

Я задохнулся от восторга и предвкушения. Она была права. Момент настал. Еще немного, и кто-то из нас сошел бы с ума. Лично я уже поскользнулся на самом краю и начал падать в клокочущую пучину безумия, когда моя восхитительная неполнозубая звезда протянула мне руку скорой сексуальной помощи. Чувствуете, какая лексика? Это у меня уже крыша поехала. Было с чего. Ну, посудите сами: десять дней назад похоронил мать, с утра ушел от жены, сразу вхлопался в жуткую аферу, тут же спас прекрасную незнакомку, влюбился с первого взгляда, а оказалось, что он не первый, а сто двадцать первый, и всколыхнулась в памяти страшная история тринадцатилетней давности, и заняла больная совесть, и это была лишь половина всего, моя половина, потому что у нее тоже было не все в порядке, она тоже кого-то близкого потеряла, я чувствовал это, только не мог и не хотел спрашивать... Вот уж действительно Бертолуччи с Ремарком пополам! Писатель-фантаст и знаменитая фигуристка в чужой бандитской машине черт знает где совершенно случайно за несколько часов до рокового рассвета... О, Боже, как я хотел ее! А она – век воли не видать! – по-моему, так же страстно, если не еще сильнее хотела меня! Уф.

– Обычно, – сказал я, пряча за цинизмом свой неуместный юношеский восторг, – я делаю это своими руками.

– В следующий раз, – улыбнулась Татьяна и, обогнув столик, приблизилась ко мне. – Я тоже люблю это делать своими руками.

Она скинула с меня мою дурацкую штормовку, и было слышно, как "ТТ", лежавший в кармане, тяжело стукнулся о землю. И это был последний из звуков реального мира. Дальше началась сказка. Не переставая танцевать, Татьяна совершенно невысказанным образом растегивала одновременно мою рубашку и свои джинсы. Все остальное расстегнулось и попадало как-то само собой. И на жесткой траве стало мягко. И в остывающем ночном августовском воздухе стало жарко. И березы шумели, и руки блуждали, и луна стыдливо пряталась в тучи, и дрожали тела, и костер потрескивал, и упругая теплая мякоть была податливой и влажной... Господи! Да мы набросились друг на друга, как дети, как неискушенные юные любовники, как эки, десять лет не знавшие нормального секса. Это было какое-то безумие! Луна уже исчезла, костер уже погас, а березы наверное сгорели или вообще рванули куда-нибудь в космос белыми свечками, как ракеты, и закачалась не только земля – под нами закачалась вселенная... И тогда вспыхнула молния, и где-то вдали громыхнуло, и мы умерли. Татьяна упала мне на грудь с последним мучительным вздохом, а я распластался, размазался, растекся по траве тонким слоем того, что от меня осталось – зыбким мерцающим слоем неопишущего блаженства. (Наверно, у наркоманов бывают такие глюки.)

Первые редкие и крупные капли начинающейся грозы воскресили нас.

– Быстро все в машину! – скомандовала Татьяна, и сама решила начать почему-то не с одежды, а с еды.

– Ты что, голодная? – спросил я. – Шмотки же вымокнут.

– А я всегда после этого голодная, – призналась она, жуя на ходу кусок копченого бекона. – Ты давай пошевеливайся и налей мне чего-нибудь покрепче, а то простужусь сейчас к едрене-фене!

Мы едва успели побросать все в машину, когда хлынул настоящий тропический ливень. Даже не все: столик и стулья остались под дождем. Буйные потоки обрушивались на крышу и заливали стекла, словно мы въехали под водопад. После довольно долгой и ужасно смешной возни с раскладыванием сидений, перетаскиванием вещей, перелезанием друг через друга и сервировкой импровизированного стола из коньячной коробки – после всего этого в "ниссане" стало дивно как уютно.

Мы открыли вторую бутылку "Хэннеси" и выпили по чуть-чуть.

– Что ты лопаешь киви, дурень, – сказала Татьяна. – Тебе сейчас полагается подкрепляться йогуртом, бананами и орехами.

– Слушаюсь, мэм, но я и без орехов уже через десять минут буду крепким орешком, и все что полагается будет у меня как банан безо всяких бананов.

– Для писателя с мировым именем так себе каламбурчик, – съязвила Татьяна.

– Не с мировым, лапочка – со вселенским.

И мы выпили еще по чуть-чуть. Оказалось очень вкусно заедать французский коньяк датским йогуртом. Хотя по классической традиции французский коньяк вообще не закусывают.

– Слушай, Мишка, – спросила Татьяна с нарочито похотливой улыбочкой, – а как ты относишься к оральному сексу?

– А, примерно, как Гиви к помидорам. Только наоборот.

– То есть? Не поняла.

– Ну, анекдот: Гиви, ты любишь помидоры? Кушать – нэт, а так – очэн. А я вот кушать – очэн, но так... в походных условиях...

– Дурачок! А дождик-то на что?

– Правда?.. – теперь уже я похотливо улыбнулся.

И мы выскочили под грозу. Хляби небесные разверзлись капитально. Было действительно такое ощущение, будто мы шагнули под душ. В вышине снова громыхнуло.

– Сделай музыку погромче, – попросила Таня, – давай перекричим природу. Что она расшумелась?

– А если молния в антенну попадет?

– Да и черт с ней! – она уже плясала под тугими струями ливня. – Как говорили в русской бане, заодно и помоемся!

Татьяна танцевала, оглаживая руками свои плечи, грудь, живот, бедра... Магнитола оказалась мощной, и через открытое окошко в ночное небо взмывали громовые раскаты "Miracle" Меркьюри с такой силой, словно Фредди сам сидел у нас в машине.

– Танька, ласточка моя! Давай договоримся. Я буду мыть тебя, а ты меня. По-моему, так интереснее. Ты согласна?

Она была согласна. И тут началось такое!..

Вы когда-нибудь мыли свою любимую под летним дождем? Нет? Мне тоже раньше не приходилось. Но теперь я знаю, как это здорово. Только молния видела нас, только молния, поминутно выхватывавшая из мрака два мокрых блестящих тела в замысловатых позах. А потом омытые этим фантастическим ливнем, омытые с ног до головы, чистые, как молодая листва, как предрассветные звезды, мы упали на траву, уже совсем не жесткую, а шелковистую и мягкую, как в мае, и сплелись в самой лучшей из поз, в той, которую древние индусы называли "какила" или "крик вороны", если художественно перевести с санскрита (читайте "Кама Сутру"), и я пил жадным ртом дождевую воду из трепещущих складок божественной плоти и чувствовал, как ее прохладные губы и быстрый язык играют потрясающую мелодию на моей флейте, и как мелодия эта, становясь все громче и громче, сливается в единый радостный гимн с шумом дождя, голосом Меркьюри, раскатами грома и сладостной дрожью двух разгоряченных тел...

Мир раскололся надвое. В образовавшуюся трещину ворвалось безумно яркое, ультрафиолетовое пламя. Фредди закончил свою песню. И в тот же миг мы оглохли от чудовищного грохота. Когда же все стихло, уши заложило от ватной тишины: мы уже были не способны слышать дождь, а у магнитолы, очевидно, сбилась настройка, и из машины не доносилось ни единого звука. Мы лежали на траве, обессиленные, как после рекордного забега на десять тысяч метров, как после выигранной схватки на татами, как после блестяще откатанной произвольной программы... Впрочем, нет, фигуристы на льду, кажется не лежат, даже будучи в пол-

ном восторге. Зато вот фигуристки с большим удовольствием валяются на мокрой траве, я бы сказал, со вкусом валяются: рыжие локоны прилипли к лицу, лапки – во все стороны, глаза закрыты и блаженная улыбка от уха до уха.

Я встал и торжественно прогнусавил:

– На лед приглашаются: Татьяна Лозова – Сергей Ковальчук.

Татьяна хитро приоткрыла один глаз и сказала:

– Ща выходим.

Потом спросила:

– У тебя полотенце есть?

Я ничего ей не ответил, но полотенце в "ниссане", конечно, нашлось, абсолютно новое, и с ним два комплекта свежего белья – мужского и женского. Собственно, если бы там нашелся еще и фен для просушки ее рыжей шевелюры, я бы ничуть не удивился. Чему уж там удивляться! В этой машине, если хорошенько поискать можно было найти, я думаю, и набор точильного инструмента, и корм для щенков буль-терьера, и пару аквариумов с рыбками из Карибского моря, и мешок фосфатных удобрений, и скрипку работы самого Страдивари, и большую бухту иридиевой проволоки, и даже золотой гроб старика Тутанхамона, умершего совсем молодым... В общем крыша у меня в очередной раз поехала. И поехала весьма далеко.

Помню, как мы растерли друг друга досуха большим махровым полотенцем, а потом выпили еще по чуть-чуть и забрались под одеяло... Нет, наверно, все-таки не под одеяло, а под спальный мешок, но было под ним тепло и уютно, как в лучших домах. Однако мы не стали сразу спать. Это я точно помню. Мы слишком сильно любили друг друга, чтобы вот так вот сразу уснуть, оказавшись впервые вдвоем под одним одеялом, то есть спальным мешком... И мы опять придумали что-то совершенно необычное, изобразили какую-то экзотическую позу из "Кама Сутры", а может быть, из "Ветки персика" или "Дао любви" – не помню, но было просто шикарно. Очень здорово было. А потом мы окончательно разгулялись, допили вторую бутылку "Хэннеси", кажется даже третью открыли и вообще раздумали спать. И помнится, я вещал, что больше шести раз за ночь кончить невозможно. Для мужчины. Потому что для женщины и двадцать пять не предел. И пошел подсчет. Азартный, как на хоккейном матче. Все-таки мы оба были спортсмены! Как говорит современная молодежь, прикиньте: самбист и фигуристка, вместе, под одним одеялом, то бишь спальным мешком – это же круто!..

Уже светало, когда, отерев пот со лба, я сказал:

– Восьмой.

А она возразила:

– Все ты врешь, поросенок, это только пятый. А у меня семнадцатый.

А я говорил:

– Верю. Я тебе верю. Наверно, те три просто были во сне.

А когда яркое рыжее солнце, такое же рыжее, как Танюшкины волосы, поднялось над зеленовато-синим туманным горизонтом, и я в очередной раз (шестой, девятый или восемнадцатый – разрази меня гром, если в тот момент я еще был способен считать) доставил ей неземное наслаждение, Татьяна изогнулась, застонала и, заламывая руки, жарким свистящим шепотом выдохнула мне в лицо:

– Ах, Сережа!..

Я хорошо помнил, что Сергеем звали ее партнера, но хохмы ради спросил:

– А почему это я – Сережа?

– А потому, – сказала она. – Это ты раньше был Мишей. А теперь ты – Сережа.

И она показала мне документ типа удостоверения личности, куда фотографию налепили мою, точно мою, а вот имя стояло – Сергей и фамилия какая-то эстрадная, то ли Маликов, то ли Малинин...

Но это уж точно было во сне. Такая бредятина. Наверно, я просто заснул гораздо раньше, чем мне казалось. А восходящее солнце? Ну, кто ж не видел восходящего солнца? Точно, братцы, все это мне приснилось.

Глава третья

ТОПОЛЕК МОЙ С КРАСНОЙ КНИЖКОЙ

Я проснулся от жажды. Мне понадобилось секунды две, чтобы вспомнить, где я. Но за эти две секунды я успел подняться, открыть дверцу и выглянуть наружу. Пели птицы.

И я подумал, как это было бы красиво – написать: я проснулся от пения птиц. Вот только введливый читатель тут же поймал бы меня на вранье: в "ниссане" нельзя проснуться от пения птиц. Если все окошки закрыты и включен кондиционер (а мы так и сделали под утро в целях безопасности), там внутри ни черта не слышно – полная звукоизоляция.

Итак, если быть пунктуальным, тело мое проснулось от жажды, а душа – от пения птиц. Потому что ведь только выйдя из машины, и глотнув свежего утреннего воздуха и прохладного апельсинового сока, оставшегося с вечера в пакете, я понял, что жизнь прекрасна. А уже в следующую секунду вспомнил, что прекрасная жизнь кончилась. Я вспомнил Тополя с его прибабасами и наш последний разговор. "Ты должен избавиться от нее". Я должен избавиться от нее. Ха-ха. Сейчас займусь.

– Татьяна, я должен избавиться от тебя. Слышишь?

– Уммм, – сказала Татьяна, сворачиваясь в клубочек.

– Вставай! – я потряс ее за плечи. – Пива хочешь?

– А шампанского не осталось? – спросила она не открывая глаз и переваливаясь на другой бок.

– Осталось, – сказал я, – но шампанское по утрам пьют только аристократы и дегенераты.

– Я вполне сойду за первую категорию, – хвастливо заявила Татьяна и окончательно проснулась. – Гарсон, кофе в постель.

– Вот ты и попалась, аристократка! Гарсон – это официант в кабаке, кофе в постель он принципиально подать не может. И я, кстати, тоже не могу, потому что никакого кофе нет, а вот шампанское – пожалуйста.

Я открыл бутылку, и Татьяна с наслаждением хлебнула из горлышка.

– А я предпочту коньяку, – поведал я, точно так же из горла прихлебывая "Хэннеси", – один мой друг-писатель совершенно справедливо утверждал, что по утрам можно пить только "Наполеон".

– Мишутка, стоп! А как же ты будешь вести машину?

– Наивная девочка, разве ты не знаешь, что похмельный водитель гораздо страшнее пьяного. Наверно, осталась только одна страна в мире, где не разрешают садиться за руль после малых доз алкоголя. И наконец, неужели ты думаешь, что в обозримом будущем мне придется иметь дело с ГАИ?

– Не знаю, – сказала Таня и как-то грустно замолчала.

Я замолчал еще более грустно. Потом напыжился и сказал:

– А вообще, девочка моя, ты сейчас соберешься, оденешься и пойдешь на шоссе ловить машину. Так надо. Я оставлю тебе свой телефон, а ты оставь мне свой. Ладно?

– Хрен тебе, – ласково сказала Татьяна. (Она сказала еще ласковее, но я решил пощадить нравственность моих читателей).

– Я не могу тебя здесь оставить, – пожаловался я. – У меня очень важная встреча.

– А мне насрать на твою важную встречу, – сказала Татьяна (здесь я уже перестаю щадить нравственность моих читателей), – я люблю тебя и отныне буду любить всегда. И навсегда останусь с тобой вместе. Писатель, ... твою мать!

"Хана, – подумал я. – Вот так мне, пожалуй, еще никто в любви не признавался. А может быть, я все еще сплю?"

И тут замигала сиреневая лампочка и загудел этот проклятый сигнал.

"О, Боже!"

– Татьяна, я сейчас буду разговаривать, так вот: тебя здесь нет. Ты поняла?

– Поняла, – ответила Татьяна, хлебнув еще немного шампанского.

– Ясень, Ясень, с добрым утром, вызывает Тополь.

Конечно, он сказал "прием", но, пересказывая наш исторический диалог, я позволю себе не употреблять это дурацкое слово. Здесь и далее. Поверьте, очень тяжело с похмелья говорить каждый раз "прием" – сблевануть можно.

– С добрым утром, Тополь, – вяло откликнулся я.

– Как самочувствие, Ясень?

– Нормально. Движемся прежним курсом.

– Ты один, Ясень?

– Почти. Со мной пятеро друзей с женами и двое слуг, но все пьяные в жопу, поэтому мы можем считать наш разговор конфиденциальным.

– Идиот! Прекрати паясничать. Пойми, наконец, уже настало утро. Она слышит нас?

– Нет, Тополь, она как раз пошла пописать.

Татьяна хрюкнула в ладонь, но Тополь, наверное, услышал и сказал:

– Бреешь ты все, Ясень. Тебе сейчас, конечно, хорошо, я понимаю. Наверно, принял уже. Но дело начинается серьезное. Пора включиться, Ясень. Иначе ты плохо кончишь.

– Кончаю я всегда изумительно хорошо, – самодовольно заявил я, но это была последняя шутка, я уже сам почувствовал, что хватит. – Слушаю тебя очень внимательно, Тополь.

– Ты ...енно внимательно слушаешь! – Тополь сорвался на матюги, но в эфире что-то отчаянно заверещало, словно некий вселенский цензор вычеркнул из контекста площадную брань. – Ну, скажи, идиот, что я буду делать с этой твоей девкой?!

Я ответил холодно и зло, подчеркнуто разделяя слова:

– С этой. Моею. Девкой. Ты, Тополь. Ничего. Делать. Не будешь. Понятно?

И он почему-то вдруг сразу успокоился. Помолчал секунды три и начал говорить совсем о другом:

– Ты ехал в Заячьи Уши?

– Да.

– Ну, вот туда и поезжай.

– На "ниссане"?

– Нет, на лошади. Я буду ждать тебя возле твоего дома.

– И сколько вас там?

– Ну со мною, естественно, будут пятеро друзей с женами и двое слуг. Все – трезвые.

– Понятно. А ты знаешь, где мой дом?

– Я про тебя все знаю, идиот. И чтобы ты был там через полчаса. В экстренных случаях вызывай. Долгий завтрак и всякие утренние нежности экстренным случаем считать запрещаю. Опоздание без уважительной причины будет строго наказано. Все. Конец связи.

– И вот с такими людьми приходится работать, – сообщил я, повернувшись к Татьяне.

Она сидела какая-то совершенно потерянная и невидящими глазами смотрела в одну точку.

– Кто он? – спросила она.

– А вот этого тебе лучше не знать, – подыскал я эффектный ответ на ее незамысловатый вопрос. – И вообще, Танюшка, лучше уходи, честное слово, не ввязывайся ты в это дело, не надо. Они еще не знают тебя. Ты сейчас оденешься, поймаешь машину и уедешь отсюда навсегда. А если все будет хорошо (а все еще будет хорошо, Танюшка) я тебе обязательно позвоню. Договорились?

Она молча помотала головой.

– Уходи, – сказал я и выдал последний аргумент: – Ты можешь погибнуть.

– Наплевать. Я не брошу тебя. Я не могу тебя бросить.

– Что за детский сад, дурашка? Тебе же тридцать лет. У тебя дети есть?

– Неважно.

– Неважно? А что же тогда важно? Ты понимаешь, что мне нельзя помочь? Ты мне не сможешь помочь! Понимаешь?!

– Смогу, – оборвала она меня с такой уверенностью, что я вздрогнул. – Одевайся скорее, чудик. Мы же опоздаем.

Мы. Она сказала "мы". Она уже все решила для себя. И было бесполезно уговаривать ее, что-то объяснять, рассказывать чистую правду или наоборот красочно врать, придумывая киношные ужасы про ожидающуюся бандитскую разборку. Она сказала очень просто: мы опоздаем. И это подействовало. Я хлебнул из бутылки еще капельку и чисто ради выпендрежа надел давеча обнаруженные вместе с полотенцем новые трусы.

– Люблю после ночи любви надевать свежее белье, – прокомментировал я этот свой поступок.

– Можешь и джинсы новые натянуть, – буркнула Татьяна.

– А что, есть? – удивился я.

– Валялись тут где-то... Да вот же они!

Я натянул новые "левиса" аккуратно по мне и растерянно спросил:

– А мои-то где штаны?

– Не знаю, – зевнула Татьяна и невинно предположила: – Может, сгорели вчера в костре?

– Здорово мы, стало быть, нахрюкались, – ответил я.

В итоге не удалось найти ни одного предмета из моей вчерашней одежды. Но эта странность не показалась мне самой важной, тем более, что пистолет, нож и "набрюшник" с деньгами и документами были на месте. Некогда было думать обо всякой ерунде. И особенно некогда стало, после того, как роясь в багажнике в поисках новых носок и кроссовок, кои там, конечно же, нашлись, я снова наткнулся на давешний злоедейский сверток. Внутренний голос подсказал мне: разверни. Это был все-таки "калашников". Укороченный десантный вариант. И к нему два запасных рожка. Я поднял все это хозяйство и переложил на сидение справа от водительского. Татьяна подошла, посмотрела, задумчиво провела тонкими пальчиками по стволу и спросила:

– Этот тоже газовый?

Вот это девчонка! Я обнял ее, прижал к себе на мгновение и прошептал:

– Пять баллов, как говорил один мой старый знакомый. Или у вас принято шесть? Но все равно я сдаюсь. Едем вместе.

А когда я завел машину, потихонечку разворачиваясь, вывел ее на шоссе и там остановил, по жигулевской привычке давая движку прогреться, Татьяна, севшая сзади, показала мне на часы.

– Сколько минут прошло после его звонка?

И я уже не удивился, услышав уверенный и пунктуальный ответ:

– Семь.

– За двадцать три минуты отсюда и до Ушей... Маловероятно. Но попробовать можно. Все-таки "ниссан-патроль".

Я сделал последний глоток, передал бутылку Татьяне, чтобы она ее убрала подальше, и дал по газам.

– Давай вернемся когда-нибудь на это же место, – предложил я, ностальгически глядя в зеркальце заднего вида.

– Давай, – согласилась Татьяна.

Она сидела, посреди груды торопливо сваленного барахла и зевала.

– Слушай, а у тебя хороший дом?

– У меня очень хороший дом. И двенадцать яблонь.

– Яблоки еще не поспели, – проявила она знание фенологических сроков Тверской губернии. – А на печке у тебя поспать можно?

– Можно. Но летом лучше спать на сеновале.

– Хорошо. Я лягу спать на сеновале.

– Я тоже там лягу. Если только нам дадут поспать.

Татьяна промолчала, словно не услышала этой реплики, и снова зевнула.

Я гнал машину уже со скоростью сто семьдесят. Быстрее боялся – все-таки дорога была извилистой. Я гнал машину и думал.

"Татьяна Лозова. Совершенно случайно встретила на дороге психа, афериста, чокнутого писателя Разгонова, ну, получила от него известную помощь, ну, провела с ним ночь, ну, очевидно, не самую плохую ночь в своей жизни... Однако неужели этого достаточно, чтобы теперь умчаться с ним в неизвестность, навстречу опасной авантюре, навстречу смерти, быть может? Любовь? Возможно, это любовь. Возможно."

Я чувствовал, была еще какая-то тайна, была какая-то страшная, зловещая тайна в судьбе этой рыжей девочки Тани Лозовой, и она действительно хотела помочь мне, и действительно могла помочь, а я действительно хотел и, наверное, мог помочь ей. Вот в чем было дело. И мы летели сквозь этот безумный грозовой и солнечный август со скоростью сто семьдесят в неизвестность.

Неизвестность встретила нас очень скоро. Она вышла на дорогу, и я вынужден был затормозить, увидев издали перегородившую мне путь фигуру.

Ручку передач я бросил в нейтралку, а скорость упала, думается, почти до пешеходной, когда метрах в пяти от стоящего с широко расставленными ногами человека, я понял, что тормозить-то было как раз и не надо. Дальше все произошло одновременно.

Татьяна крикнула:

– Газуй!

Я включил вторую передачу и вдавил педаль в пол.

Человек на дороге выстрелил с двух рук, точно прицелясь в мою инстинктивно наклонившуюся к баранке голову. И в ту же секунду, отбросив тяжелый пистолет-пулемет типа "Кедра", подпрыгнул и "колесом" перекатился по асфальту в кювет, кажется, его ботинки даже чиркнули по капоту рванувшегося вперед "ниссана".

Я еще не успел подумать, почему это звук выстрела показался мне очень странным, когда Татьяна, схватив с переднего сидения автомат, переместилась в хвост салона, с невероятным проворством распахнула маленькую створку задней двери и коротко распорядилась:

– Пригнись!

Я еще успел увидеть, что за нами едет машина, а потом все зеркала ушли из поля моего зрения, потому что на повороте нужно смотреть только вперед, если лежишь мордой на руле, вокруг свистят пули, а помирать еще не хочется.

Трескотня стояла оглушительная, кажется, она выпустила в них пол-обоймы. И наконец, выдохнула сладострастно:

– Есть!

Я приподнял голову и до следующего поворота дороги успел разглядеть их машину, кажется, "Джип Гран Чироки", развернутую поперек шоссе. Преследователи теперь стремительно удалялись от нас.

На панели отчаянно пищала фиолетовая лампочка, но в автоматике после всей этой пальбы, видно, что-то разладилось, и голос Тополя все никак не хотел проклониться.

– Кажется, тебя вызывают, – сказала Татьяна.

– Да-да, – откликнулся я рассеянно и нажал кнопку.

– Ясень, Ясень! Что случилось?! Прием, – откровенно перепуганный голос Тополя ворвался в стереодинамики "ниссана", и я, внутренне торжествуя, небрежно ответил:

- Да, ничего особенного, Тополь, ты же сам все знаешь. Прием.
- Идиот!!! – он буквально взорвался. – Говори быстрее, от этого зависят жизни людей.
- "Ага", – подумал я и, встряхнувшись от алкогольно-романтического угара, сообщил:
- В меня стрелял человек на дороге. Машина пряталась в кустах. "Джип Гран Чироки".

Затем нас преследовали. Таня их подстрелила. Прием.

- Кто подстрелил?! – взревел Тополь.
- Моя Таня, – невинным голоском пояснил я. – Прием.

А Таня скорректировала информацию:

- Просто "Чироки", Миша, и я всего лишь пробила им передние баллоны.
- Слышь, Тополь, это был просто "Чироки", говорит Таня, и она всего-навсего прострелила ему передние колеса. Жертв нет. Прием.
- Вас понял. Уроды, – процедил Тополь сквозь зубы. – На каком километре это было?

Прием.

Мы с Татьяной переглянулись, и я ответил первым:

- На девятнадцатом. Прием.

Татьяна кивнула.

– Хорошо, – буркнул Тополь, – высылаю команду. В Заячьи Уши можете не торопиться. Я опоздаю. Минут на десять. Конец связи.

- Скотина, – проворчал я, и дальше мы ехали молча.

На длинном прямом участке дороги я снова вдавил педаль в пол и впервые в жизни узнал, что такое двести двадцать километров в час. Чуваки, это – кайф! Кстати, странный спидометр был у этого "патроля". В обычном разметка до ста восьмидесяти (я однажды специально приглядывался), да и сто восемьдесят для такого тяжелого джипа много – мотор начинает перегреваться. Странно. Почему все так странно?

А торможение было плавным, зато до нуля. Я остановил машину возле Степурино сельского кладбища, там, где дорога, уже грунтовая, спускалась в овраг. Склоны его хорошо закрывали от посторонних глаз и прицельного пулеметного огня. Последнее казалось теперь особенно актуальным.

- Почему ты остановился? – спросила Татьяна.

– Он подарил мне десять минут. Я хочу потратить их на разговор с тобой. Без пальбы и метания гранат. Можно?

- Можно.

– Тогда я задам вопрос. Кто ты такая?

- Но мы же договорились. У нас "Последнее танго в Париже".

– Извини, дорогая, "Танго" давно закончилось. Теперь уже другое кино идет. По-моему, "Бонни и Клайд" или это – "The Real McCoy". Уж очень стрельбы много для "Последнего танго". Так что будь добра, девочка, я повторяю вопрос: ты кто?

– Я – Лозова Татьяна Вячеславовна, мастер спорта международного класса по фигурному катанию.

- А еще?

– Художник-полиграфист, выпускница...

– Понятно. А протектор разрисовывать дырками от пуль тебя кто обучал? Заслуженный тренер СССР Виталий Иванович Крайнов или великий график Гюстав Доре? Я хочу знать правду.

– Мишук, – Татьяна придвинулась и пощекотала мою щеку рыжими локонами, – ты можешь подождать?

- До чего? До своей смерти?

– Дурачок! До встречи с Тополем.

Я задумался и внимательно посмотрел на нее.

– А автомат ты можешь мне вернуть? Или наоборот – я должен сдать и свое личное оружие?

– Да, Господи, зачем он мне теперь-то! – она бросила автомат обратно на переднее сиденье и предложила: – Давай покурим.

Я закурил, вышел из машины. Потрогал пальцами след от пули на лобовом стекле. След был занятный: небольшая такая выбоина, ну, примерно, какую оставляет осколок гранаты на каменной стене. А я готов был поклясться, что в меня стреляли в упор, и не из "Макарова". Это был действительно "Кедр" или какой-нибудь "Хеклер и Кох" девятого калибра. От таких попаданий на стеклах даже самых серьезных бронемобилей остается сетка трещин. На моем ветровом стекле не было ни единой трещинки. Ни единой. Интуиция, подсознание, шестое чувство подсказывало: возможно, это и есть самое важное из всего, что я узнал про них, и меня уже охватывал мистический ужас (не пора ли вооружиться осиновым колом вместо "Калашникова"?). Однако стекло я трогал рассеянно, машинально как-то, и мысли о его волшебной непробиваемости текли лениво и явно на втором плане. На первом плане выстраивался совсем иной ряд. Татьяна. Любовь. Счастье. Игра. Ложь. Смерть.

"Я люблю ее. – Чушь. Ты просто увлекся. Она просто очень вовремя появилась. – Но ведь и Татьяна любит меня. – Татьяна выполняла задание. – Чье? – Да какая разница? Бандитов, ГБ, ЦРУ, Космической разведки Эпсилон Эридана... – Положим, разница есть. Но я понимаю, что ты хочешь сказать. – Правильно. Все это был цирк. – Не все. Задание могло предусматривать интимную связь со мной или в еще более общем виде – неформальный контакт. А все остальное... Помилуй! Какому шефу контрразведки по зубам сочинить такой сценарий? – Да, разумеется, она подошла к заданию творчески. – А почему? – Н-ну... просто... – Да потому что она влюбилась в меня! Понял? И за этот творческий подход я люблю ее теперь еще сильнее, теперь, когда я узнал правду, еще сильнее люблю, понял? Понял, скептик хренов?! – Прекрати истерику. Ты еще не знаешь никакой правды".

Действительно, правды я еще не знал. Были пока одни догадки. Я взглянул на Татьяну. Она сидела на жухлой придорожной траве и, дотягивая уже совсем короткий бычок, внимательно изучала свои красиво наманикюренные ногти, очевидно, слегка пострадавшие в ходе стрельбы.

– Слушай, и часто ты вот так работаешь?

– Как?

– Ну, вот как со мной этой ночью.

Татьяна посмотрела на меня долгим и пристальным взглядом.

– Ты специально говоришь мне гадости?

Мне стало стыдно. Действительно, за что? Я просто хотел знать правду.

– Я просто хочу знать правду, – сказал я ей.

– Ты уверен в этом? – спросила она.

– Да. Потому что я люблю тебя.

– Врешь, Разгонов. Ты любишь Машку. А я у тебя так, в качестве дублера. Верно? Ведь мертвые вне конкуренции. Цитирую по памяти.

Меня поразило, как точно она определила свою роль. В моем дневнике четырнадцатилетней давности (Боже, когда-то я еще и дневники вел!) была такая запись про Татьяну Лозову. На очередном турнире, куда я пришел любоваться Машей Чистяковой, Маши не оказалось, но выступала Лозова. Она мне тоже нравилась, даже очень нравилась, и в отсутствие Чистяковой я в нее действительно влюбился, от любования ею я получал ничуть не меньше удовольствия, и вот тогда я назвал ее дублером в своем дневнике. Конечно, я не сказал этого Татьяне. Я сказал совсем другое, впрочем, совершенно искренне:

– Это жестоко, Таня. Зачем ты так?

– Извини, – она поднялась, шагнула ко мне, и мы обняли друг друга. – Извини, любимый.

Господи! Да как я мог подумать о каком-то шпионском задании!

Я целовал ее щеки, глаза, лоб, губы, все еще горячие и солоноватые после стрельбы и нервотрепки.

– Ты все узнаешь, Мишик... ты все узнаешь, любимый... ты узнаешь всю правду... ты узнаешь даже больше, чем можешь себе представить, – шептала она, а я тушил ее шепот поцелуями, и наконец мы совсем замолчали, и мир опять закачался, не стало неба, травы и дороги, не стало машины, оружия и бандитов... Только страшно знакомый звук назойливо врвался в наш иллюзорный мир.

Сигнал вызова. Тополь.

– Десять минут, – сказал я с трудом оторвавшись от Татьяны, – это очень мало.

– Да, – согласилась она, и я рванулся к передатчику.

– Ясень слушает. Прием.

– Я Тополь. Приземлился в полукилометре от Заячьих Ушей. Через двенадцать минут жду вас возле вашего дома. Как понял меня? Прием.

– Понял тебя хорошо. Конец связи.

Я мог себе позволить не торопиться. Я устал от скорости. По так хорошо знакомому пути я ехал медленно, зато не выбирая направления, нарочито спрямляя все изгибы проселочной дороги. "Ниссану" было все равно: тракторная колея, луг, скошенное поле, лужа или стожок сена – он пер себе как танк, и, конечно, не забуксовал ни разу.

Серую крышу своего дома рядом со старой ветлой на краю деревни я, как всегда, увидел издали. А чуть позже увидел и фигуру Тополя. Наверняка это был он. Больше никому. Фигура помаячила возле дороги и скрылась за кустами жасмина перед моим крыльцом.

– Это Тополь? – спросил я Татьяну.

Она молча кивнула.

Я попал колесом в лужу, и взлетевшие веером брызги окатили мирно гулявших кур возле дома Петровны. Куры, возмущенно кудахтая и хлопая крыльями, ретировались. Зато появилась Петровна. С тех пор как три четверти деревни скупили московские дачники прошло уже лет пять, и теперь Дарью Петровну, живущую в крайнем доме напротив моего и почти одиноко зимующую в Заячьих Ушах, трудно было чем-то удивить. Заезжали в эту глушь и джипы и лимузины, а Генка Терехов пригнал однажды на совершенно фантастического вида спортивном "мазератти", взятом напрокат. Более того, пару лет назад дядька игнатовской Лариски с другого конца деревни, военный летчик, лично доставил всю их семью на могучем армейском вертолете с двумя винтами. Так что Дарья Петровна вышла теперь не на диковинную машину поглазеть, а просто полюбопытствовать, кто же это приехал.

Я уважительно высунулся из окошка и поприветствовал ее:

– Здравствуйте, Дарья Петровна, как поживаете?

– Спасибо, хорошо. За грибам приехали? Готовь куженьку. Грибов в лесу – любоваться. Летось не было столько.

(Что в переводе с тверского диалекта означало: "За грибами приехали? Готовь корзину. Грибов много. Больше, чем в прошлом году".)

– Грибочков пособираем, – ответил я скорее уже самому себе и подрулил к дому.

Тополь сидел на лавочке у крыльца, курил и шурился на солнце. Был он ужасно длинный и на первый взгляд удивительно нескладный, особенно когда сидел, сложившись весь под острыми углами, как кузнечик. Потрепанные высокие армейские башмаки сорок восьмого приблизительно размера, вытертые кожаные брюки, ковбойка с закатанными рукавами, очень смуглая кожа, лицо в морщинах и седоватый ежик на голове – то ли ему лет сорок пять, но можно дать шестьдесят, как Штирлицу, если посмотришь внимательно в усталые и печальные глаза; то ли наоборот – возраст уже пенсионный, а держится молодцом, как настоящий спортсмен "доанаболической" эпохи. Улыбка грустная, но обаятельная, зубы – белоснежные,

как у американского политика и в длинных пальцах длинная сигарета "Мор". Кто он? Ковбой? Разведчик? Спортсмен? Путешественник? О! Я понял, какое сравнение будет самым точным. Звездолетчик дальних рейсов, прилетевший в отпуск на Землю. Этаким Леонид Андреевич Горбовский, член Всемирного Совета. Полдень. Двадцать второй век...

"Ну, вот ты и допился, приятель: начали оживать потихонечку герои любимой книжки детства, которую ты без всякой задней мысли взял с собой. Сначала Майка, теперь Горбовский... кто следующий? Держись, старина! То-то будет весело, когда изо всех щелей твоего старого дома полезут негуманоиды".

И только одно я знал теперь наверняка: они не бандиты. Еще тогда, в дороге, я подумал, что Татьяна Лозова не может работать на бандитов. Детский сад, конечно, наивное стремление выдать желаемое за действительное, но в поисках аргументов я отметил слишком уж странный стиль работы у них с Тополем. Помилуйте, какая мафия станет вот так вести себя с попавшим к ней в лапы придурком, каким бы ценным заложником или носителем информации он не являлся! И, наконец, этот звездолетчик. Ну, нет, ребята, ну, режьте меня, мафиози такими не бывают!

Я вышел из машины без оружия, протянул ему руку и представился:

– Михаил.

– Леонид, – ответил он, вставая.

– А я-то думал поначалу, что вы бандиты.

– Мы сами так иногда думаем, – улыбнулся Тополь, наклоняясь за своей кожаной дорожной сумкой, огромной, такой же нескладной, как он сам и словно изжеванной бегемотом. – Пошли в дом. Откроешь дверь, хозяин? А то деревня у тебя больно шумная. Даже много народу.

– Да? – удивился я. – А мне казалось, тут очень тихо.

Я открыл ему дверь, а сам вернулся к машине. Татьяна стояла, прислонившись к капоту в трогательной растерянности, словно решала, с кем ей теперь держаться рядом: со мной или с Тополем.

– Леонид, – спросил я, – а оружие из машины забрать?

– У вас тут воры, что ли, кругом?

– Да нет, просто меня так учили: никогда не бросать оружие.

– Ишь ты! Ну, тогда бери. В общем, это правильно.

И, пригнувшись в дверях, он шагнул в полумрак сеней.

В доме было прохладно, все-таки август, а не топили уже давно. Мы прошли в комнату, сели вокруг стола. Молча закурили. Татьяна поежилась и первая нарушила тишину:

– Печка работает?

– Две печки, – поправил я, – обе функционируют. Сейчас организуем.

– Погодите, ребята, – вмешался Тополь, то бишь Леонид, – с печками вы без меня разберетесь. Я, конечно, вижу, что вы сейчас гашеные, и даже догадываюсь, почему. Абсолютно не возражаю, если уже через пять минут вы оба отправитесь спать: но прежде, ты не сердись, Верба, я все-таки представлюсь нашему новому другу, а то он, боюсь, не уснет без этого. И давай договоримся: ты воздержись от комментариев и сейчас, и потом, вплоть до моего возвращения.

– Вас понял, Тополь. Прием, – дурашливо козырнула моя славная рыжая Верба.

Тополь церемонно поднялся, изобразил легкий поклон, чуть ли не шелкнув каблуками, извлек из кармана брюк красную блестящую ксиву и протянул мне.

– Взгляните, сэр.

И я взглянул. Тополь еще что-то такое говорил, объяснял что возьмет нашу машину, сгоняет на ней куда-то и к вечеру обязательно вернется, обмолвился о каком-то Кедре и о возможных радиовывозах, что-то персонально выговаривал Татьяне, но я это все слышал вполуха, как

если бы голос его звучал за стеклянной стенкой, а по эту сторону невидимой преграды было только одно – красная книжечка в блестящем полиэтилене. Удостоверение генерала-майора ФСБ на имя Горбовского Леонида Андреевича.

Наконец, ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

– Выпить можно?

– Можно, – сказал Тополь-Горбовский, – сейчас даже нужно. А вообще, приятель, придется с этим завязывать и как можно скорее.

Он достал плоскую фляжку, снял с моей полочки три маленьких граненых стакашки и расплескал по ним рыжеватый напиток.

– Не бойся, не самогон, – зачем-то пояснила Татьяна, хотя меня в тот момент устроил бы даже денатурат, – по-моему, Тополь, кроме "Мартеля", ничего с собою не возит.

– Он родимый и есть, – подтвердил Тополь. – За знакомство.

Мы выпили. Вместо закуски я сказал:

– Значит, меня вербуют.

– Не совсем так, Ясень, просто сейчас нет времени рассказывать, а чтобы тебе стало хоть чуточку понятнее...

Он замялся, поглядел на Татьяну, и теперь уже она сунула руку в задний кармашек джинсов, доставая оттуда вторую красную книжечку...

Вот тут, ребята, я и понял, что пора просыпаться. Ведь документик-то был не на имя Лозовой Татьяны Вячеславовны, зам. директора ЦРУ или Сикрет Интелидженс Сервис (это бы я еще как-нибудь пережил) – документик был (да, да, вы почти правильно догадались!) на имя генерала-лейтенанта ФСБ Малина Сергея Николаевича, а фотография в нем была моя. Вот вам истинный крест, ребята!

Глава четвертая РАЗГОВОР ПРИ СВЕЧАХ

И снова я проснулся от жажды. Глаза, постепенно привыкая к темноте, различили вверху кривые нестроганные жерди кровли, темное окошко, заросшее паутиной, наконец, нависавшие со всех сторон клочья сена. В дальнем углу сеновала шуршали мыши, внизу деловито протоптал прикормленный ежик, сквозь неплотную дверь из сеней пробивался свет. Все было очень знакомо. Все. Даже головная боль. До боли знакомая головная боль – во какой оригинальный литературный штамп!

Для начала я решил вспомнить, какой сегодня день, а не справившись с этой проблемой, задался вопросами посложнее: когда мы приехали в Уши, зачем и в каком составе, по какому поводу я надрался, что именно пил и почему лежу здесь совсем один. Оказалось, что не помню я ровным счетом ничего.

Не то чтобы я сильно испугался, но сразу вскочил, пытаюсь отбросить остатки сна. Сделалось как-то неуютно: уж слишком глубокая амнезия. И хохмы ради я задал себе мысленно вопрос:

"Ну, а как зовут тебя, помнишь?"

"Разумеется, – лихо начал я и запнулся, потому что имя-то я вспомнил, но оно мне не понравилось, не мое это было имя, но помнил я именно его... – Сергей Малин. Малин Сергей Николаевич. Малин..." – повторял я словно в бреду и, кажется, уже вслух, когда в сенях звякнули ведра и раздался громкий голос Белки (то есть, Господи, какой Белки – Татьяны, конечно!):

– Сережа, вставай, пожалуйста, Леонид приехал.

И тогда словно кто-то дернул за веревочку, белая простыня амнезии упала быстрыми складками вниз, и перед взором моей памяти предстал величественный монумент всех событий, происшедших со мной за последние дни – от смерти матери до знакомства с Горбовским. Монумент оказался тяжеловат, голова моя закружилась и я рухнул навзничь обратно в сено.

Что же случилось после знакомства с Горбовским? Здесь не было провала в памяти, но был какой-то туман, неясность какая-то, неуверенность в реальности происходившего. Наверняка я мог сказать лишь одно: увидев свое лицо на гэбэшной ксиве, я, разумеется выпил еще стаканчик "Мартеля", а может быть, и два. А вот потом... Кажется, Горбовский потом уехал, но мы еще успели вынуть из "ниссана" еду и даже что-то убрали в холодильник, кажется, Татьяна сделала замечательную яичницу с ветчиной, зеленым луком и помидорами, нет, с баклажанами, точно с баклажанами, было очень вкусно, и мы снова выпили за мои генеральские погоны, только теперь уже какое-то красное вино (откуда взялось красное вино?), а потом пили кофе, должно быть, опять с коньяком, и страшно хотелось спать, и мы пошли на сеновал, но спать конечно не стали, потому что с этой рыжей бестией, да еще на дурманяще ароматном сеновале спать совершенно невозможно, и было нам опять очень хорошо, и мы окончательно разгулялись и пошли купаться на пруд, и по дороге я показывал Татьяне все местные достопримечательности и предлагал пойти "за грибам", но, кажется, в лес мы так и не пошли, а вернулись домой на сеновал с известной целью, а потом с наслаждением хлебали ледяную крошку из холодильника, потому что день был жаркий, и больше ничего не хотелось. Интересно, когда и из чего мы делали крошку, главное, где квасу взяли, разве что вместо него использовали пиво "Туборг"? Кстати, похоже, что именно так и было, потому что как раз после крошки я и вырубился насовсем...

А теперь была ночь. И была Татьяна. И был Тополь. И меня звали Сергеем. Я должен был привыкнуть отзываться на это имя.

И очень, очень болела голова.

Слева от меня валялась открытая баночка пива и, к счастью, она оказалась не пустой. Мне стало чуточку легче, я спустился по шаткой лестнице и вышел в сени.

Татьяна наливала воду в самовар, а Тополь только вошел, поднырнув под притолоку, он даже еще не успел разогнуться и сумку свою чудовищную держал в руке. Тополь смотрел на льющуюся из ковшика в Таниной руке воду с таким пристальным вниманием, словно от этого процесса зависела вся наша дальнейшая судьба. Торжественность момента нарушил соседский кот, неожиданно свесивший с чердака свою большую черную морду и сказавший:

– Мр-р-р.

– Ух ты, лапочка, – отозвался Тополь, – пойдем я тебе рыбы дам.

Он распахнул дверь, и кот, свалившись с чердака тяжелым черным комком, охотно ринулся в комнату.

– Устал, как собака, – вздохнул Тополь. – Танюш, сделай чайку поскорее. Настало время поговорить. Серьезно поговорить. Слышишь, Ясень?

– Слышу. Только башка тяжелая.

– Выпей таблетку.

– Таблетки на меня не действуют.

Это была правда. Чего я только не перепробовал в свое время, но действенными оставались для меня только два средства: хороший коньяк или сон в зависимости от ситуации. В остальных случаях мою головную боль излечивало время.

Тополь достал ярко-синюю блестящую облатку и протянул мне:

– Эти помогают всем. Возьми. Запивать только водой.

Таблетка и сама оказалась ярко-синей, а название я, разумеется, не запомнил. Зато эффект от таблетки запомнил навсегда. Не прошло и минуты, как невидимая нежная рука стерла в моей голове даже воспоминание о боли – так влажной тряпкой протирают пыльный плафон и свет вспыхивает ярче. Мне показалось, что в комнате и впрямь стало светлее. Нет, мне не показалось. Я поглядел на лампочку под потолком и понял, что горит она ярче обычного.

– Знакомая история, – сказал я. – Сейчас свет погаснет.

И свет погас. Естественно, во всем доме, точнее, во всей деревне..

– Это надолго? – спросил Тополь.

– Возможно, на всю ночь, а то и на сутки. Но могут и сразу починить.

– Вот и попили чаю из самовара, – грустно констатировал Тополь.

– Ерунда, – возразила Татьяна, – я сейчас на газ чайник поставлю, а потом, если хотите, перелью в самовар. У тебя свечи есть, Сергей, или будем лучиной пользоваться?

– Ну, до лучины мы еще не скоро дойдем, потому что есть керосиновая лампа. Но и свечи тоже есть.

– Давай свечи, – распорядилась Татьяна.

Вода на плите закипела быстро. И Тополь принялся колдовать над моим захрюканным треснутым кофейником (заварочный чайник куда-то запропастился), подсыпая в него из нескольких коробочек любовно отмеряемые дозы разных сортов чая.

Пять свечей – Татьяна зачем-то зажгла их все – горели на столе тихо и торжественно, создавая в комнате атмосферу таинственного заговора.

– Слушай, Тополь, а таблетка – это надолго?

– У всех по-разному. Но на пару часов точно хватит. Вообще, смотря какая боль. Такая, как у тебя скорее всего уже и не вернется. А если вернется, так можно и повторить. Только больше двух таблеток в сутки не рекомендуется.

– А я как-то четыре слопала, – поведала Татьяна.

– Ну, и чего хорошего? – отозвался Тополь. – Ты у нас и без того девушка не фригидная.

– А что, – удивился я, – влияет на это дело?

– Еще как! От передозировки люди становятся сексуально агрессивными, я бы сказал, сексуально неумными.

– Иди ты! – сказал я и посмотрел на Татьяну.

Она игриво показала мне кончик языка и хитро улыбнулась.

– Слушайте, – не выдержал я, – у вас вообще секретная служба или бордель?

– А вот об этом мы сейчас и поговорим.

Тополь разлил по чашкам свой изысканный ароматный напиток и сел к столу. Потрескивали свечи. Дрожали язычки пламени. Колыхались тени на бревенчатых стенах. Пахло дымом, плавленным воском, жасмином, смородиновым листом и еще маракужей, что ли, в общем чем-то экзотическим. Я сделал глоток и почувствовал, что сейчас начну медитировать.

– Видишь ли, Разгонов, – проговорил Тополь, закуривая и глядя в стол, – я знаю, что ты не любишь ГБ.

– Откуда? – поинтересовался я, ожидая ответа типа: "А я все про тебя знаю".

Но Тополь ответил по-другому:

– Из твоего романа.

– Да у вас там что, мой роман входит в программу обязательной подготовки сотрудников?

– Где у нас? – спросил он.

– На Лубянке, естественно.

– А мы не с Лубянки, Разгонов.

– Вот как, – не очень-то я ему верил. – Откуда же?

– Мы из двадцать первого главка ФСБ.

– Что-то не слыхал про такой.

Тополь пристально и с интересом посмотрел на меня. Но от вопроса удержался.

– А про него никто и не должен слыхать. Это новое и очень секретное подразделение. Специальная служба по контролю за специальными службами. Мы поставлены над ними над всеми, и в штате у нас только старшие офицеры.

– Ну и что? – сказал я. – В некоторых главках бывшего КГБ, Пятнадцатом, например, тоже служили одни лишь старшие офицеры.

Тополь вскинул на меня глаза теперь уже с явным удивлением.

– Откуда ты знаешь про Пятнадцатый главк?

– Из своего романа, – буркнул я.

– В романе этого нет, – не приняв шутку, возразил Тополь.

– Ну, нет. А что это за вопрос? Я не понял. Ты предлагаешь мне расколоться? Заложить хорошего знакомого?

– Не обязательно.

– "Не обязательно"! – передразнил я. – В вашей славной госбезопасности сотни тысяч сотрудников. И уж как минимум десять тысяч из них треплются не по делу с друзьями за рюмкой чая. Какая разница, кто из них что сказал? Платить надо больше, как на Западе, тогда все будут молчать. А еще можно на кол сажать, как при Иване Грозном – тоже метод. Или как при Отце народов: сказал лишнее – к стенке! Или куда там? Живьем в печку?

– С чего ты завелся? – не понял Тополь. – Упреки не по адресу. Я же тебе еще раз объясняю: ты будешь работать не на ГБ и не на военную разведку.

– А я этого пока не понял. Весь букет новых спецслужб в нашей стране – это либо бывшая ГБ, либо ГРУ, как бы они там не разваливались от переизбытка демократии. И разубедить меня в этом будет очень непросто.

– Я постараюсь, – скромно сказал Тополь.

А Татьяна подтвердила решительно:

– Он постарается.

– Ну, валийте, – согласился я. – Буду задавать вопросы. Хорошо? Допустим, вы – двадцать первый главк. Директору ФСБ вы подчиняетесь?

– Да нет же! Двадцать первый главк ФСБ – это условное название. Ну, вроде как восьмое чудо света, или там, Четвертый Интернационал. Нет такого главка в структуре сегодняшней ФСБ. Мы пользуемся удостоверениями и вообще всеми правами сотрудников службы безопасности просто для удобства работы в этой стране. В других странах мы пользуемся другими удостоверениями.

– Ага. Значит, вы – международная организация. Понятно. Но кому-то же вы подчиняетесь? Совету Объединенной Европы, Интерполу, Международному валютному фонду, Совету безопасности ООН, ну, я не знаю, лично генеральному секретарю, в конце концов!

– Эх, Разгонов. Боясь показаться законченным параноиком с манией величия, не стану говорить что мы надо всем этим, скажу мягче – мы в стороне от всех этих организаций, мы – отдельно. Двадцать первый главк – это российское подразделение Международной службы контроля, МСК или службы Икс, как еще мы ее называем по первым буквам английского наименования – International Control Service. Служба возникла...

– Стоп, стоп, стоп, – прервал я его. – В общем масонская ложа, иезуитский орден, Союз Девяти и так далее. Все понятно. Наверно, не обошлось и без зеленых человечков.

– Обошлось, – спокойно возразил Тополь.

– Слава Богу. Но я не поэтому тебя прервал. У меня вопрос, так сказать, о порядке ведения. Если ты рассказываешь мне сказки, то, по-моему, момент не очень подходящий, да к тому же по части сказок я сам специалист. А если все это правда, то, извини, почему я должен ее знать? Меня что, убьют через полчаса, потому что роль свою я уже для вас выполнил? Или мне все-таки предстоит поработать, но никто не спросит, хочу ли я этого?

Тополь надолго замолчал.

– Слушай, Верба, – произнес он, наконец, – а какой дотошный парень попался!

– Писатель, – вздохнула Татьяна.

– Ну и что – писатель? Кто у нас не писатель?

И он опять замолчал надолго. Я успел выкурить целую сигарету, прежде чем он разродился новой фразой.

– Ну так вот, дорогой мой Ясень. Сергей Николаевич Малин – это не твой кагэбэшный псевдоним, как ты изволил давеча выразиться. (И когда я успел так выразиться?) Это на самом деле был такой человек. Утром ты оказался невнимателен и, я бы даже сказал, недогадлив, чем, признаться, удивил меня. Там же не твоя фотография, Разгонов.

Вот это да! Вот это промах! Действительно, люди от любви глупеют. Правда, я поглупел не только от любви. Было от чего и совсем задвинулся.

Я достал свою красную книжицу и еще раз поглядел на фото. Да нет же, лицо мое, ну, ей Богу! А вот пиджак, галстук... Господи, как же я сразу не заметил? Из-за этого досадного промаха до меня даже не сразу дошло главное, что сказал Тополь, а он меж тем продолжил:

– Так вот. Сергея убили. Три дня назад. Но мы хотим, чтобы об этом никто не узнал.

Теперь уже я замолчал надолго, переваривая услышанное.

– На, выпей, – предложил Тополь, плеснув в стакан коньяка.

– Ты же сказал завязывать.

– Правильно. Но это алкоголикам следует резко выходить из запоя. А обычным пьяницам из состояния похмелья рекомендуется выползть очень плавно, потихонечку.

Я выпил и произнес. Тихо так произнес, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Стало быть, тень война.

Собственно, это были мысли вслух. Вольная ассоциация. Но Тополь понял.

– Ты имеешь ввиду фильм Куросавы? Да, что-то вроде. Ты абсолютный его двойник. Даже наш антрополог подчеркнул, что подобные совпадения встречаются очень редко.

– Прелестно, – сказал я. – Редчайший экземпляр. Уникальный биологический вид – двойник натуралюс. И кем же мне суждено теперь быть? Кем был ваш Сергей? Императором Японии? Прокуратором Иудеи? Президентом Тасеевской партизанской республики? Или надо брать выше?

– Бери выше, Разгонов.

– А что это за Тасеевская республика? – поинтересовалась Татьяна.

– Была такая в Красноярском крае в девятнадцатом году. А когда я там лес валил шестьдесят лет спустя, ей как раз юбилей отмечали. И на какой-то пьянке меня избрали почетным президентом.

– Ты еще и лес валил в Сибири? – удивилась Татьяна.

– Ах, где я только не был, чего я не изведаль, ах, сколько душ я загубил!.. Слушай, Тополь, эта твоя таблетка, она с алкоголем как?

– Нормально, – сказал Тополь. – Очень весело.

– Ах ты, зараза! Ну, ладно. Так кто он был все-таки, ваш Сергей?

– Выражаясь в уже понятных тебе терминах, Сергей был начальником двадцать первого главка.

– Отлично, – сказал я. – Значит, теперь вы все мои подчиненные. Почему сидите в присутствии начальника?! Встать!! Выходи строиться!!!

– Ну, брат, начальником ты станешь, конечно, не сразу. Ясень ведь по первости был диссидентом, потом агентом, потом суперагентом и лишь после этого – шефом спецслужбы.

– Нет, – заартачился я, – так не пойдет! Мы так не договаривались. Агент из меня никакой. Я от природы человек добрый, мягкий и очень открытый. Руководить могу. Гуманно и мудро. А шпионом работать – фу, какая гадость! Не мое это дело.

– Агентами не рождаются, – серьезно и строго объяснил Тополь. – Ими становятся. И в нашей конторе умеют сделать суперагента из любого человека.

– Ну, тогда ладно, – продолжая дурачиться, согласился я.

Я не верил ему. Не верил фантастическим сказкам про восьмое чудо света – двадцать первый главка. Но вот история с двойником, кажется, была настоящей. Иначе, как еще объяснить, зачем я им понадобился? И ветровое стекло "ниссана" было вполне реальным, и немислимые синие таблетки... Ощущалась огромная сила, стоящая за этим нескладным звездолетчиком Тополем и этой шальной фигуристкой Вербой. Оставалось только понять, кто же за ними действительно стоит и чего они на самом деле добиваются. И путь к пониманию был у меня только один – согласие на все их условия, работа с ними. Строго говоря, у меня вообще не было выбора. Я слишком серьезно вхлопался в эту историю. Татьяну я уже просто любил, по-настоящему любил, не вру. А Тополь, честно говоря, был мне искренне симпатичен. С образом гэбэшного офицера (а я знавал одного при личном контакте) он у меня никак не монтировался. Уж скорее вспоминался придуманный мною накануне Центральный комитет Бандитской Партии Бывшего Советского Союза. Может, их пресловутая служба контроля и была на самом деле международной мафией, но если генеральным секретарем ЦК у них Тополь, а одним из членов Политбюро – Татьяна, я готов вступить в эту мафию-партию даже рядовым бойцом. А еще каким-то краешком сознания я понимал: бежать невозможно. Я уже слишком много знаю, и если побегу, они будут стрелять. Люди они, конечно, замечательные, может быть, потом даже всплакнут, но огонь откроют на поражение, обязательно откроют. Потому что инструкция. И потому что привычка – вторая натура. И все-таки я оставался с ними не за страх, а за совесть, точнее за любовь. За любовь и за любопытство.

Свечи уже догорали. Я закурил последнюю в пачке сигарету и спросил:

– Так что я должен делать, ребята?

– Молодчага, Ясень! Мне нравится твой вопрос. Отвечаю: завтра у нас день отдыха и общей подготовки, а вот послезавтра – ответственная операция по захвату убийцы Ясеня.

– Ясеня?

– Да, твоего двойника.

– И вы так быстро узнали, кто его убил?

– Мы умеем работать, приятель, – ответил Тополь по-киношному лихо.

Потом сам улыбнулся этой хвастливой фразе и добавил:

– Если, честно, нам повезло. Но подробности расследования – как-нибудь в другой раз, тем более, что оно еще не закончено. Мы ведь, как водится, знаем пока только исполнителя. Его необходимо взять, и взять довольно хитро, чтобы использовать не как "языка", а как наживку на более крупную рыбу. В общем, все, что надо, я объясню тебе завтра в деталях, а если успеем, расскажу и многое другое, как говорится, из области лирики. Понятно?

– Понятно. А этот исполнитель, кто он?

– Профессиональный киллер высшего класса по кличке Золтан. Возраст – сорок два. Вес – около восьмидесяти. Мастер спорта по боксу. Семь лет службы в спецназе ГРУ. Афган, Карабах, Босния. Сорок шесть заказных убийств за три последних года. Ни одной судимости. Связи на уровне кабинета министров. Покровительство двух сильнейших бандитских группировок. Счет в швейцарском банке. Личная охрана. В общем еще один Карлос. Санчес Карлос Рамирес Ильич. Слышал про такого? Сидит сейчас во Франции.

– Слышал.

– Еще вопросы есть?

– Почему вы не посадили этого Золтана раньше, если так много о нем знаете.

– Потому что не всех надо сразу сажать. И не всех можно. К тому же Золтан последние годы работал все время за границей. Ему приписывают только четыре убийства в России. Это – пятое. Но причастность к тем четырем доказать не удалось. Не думай, что все так просто.

– А я и не думаю. Ладно, объясни мне теперь мою роль в операции захвата.

– Пожалуйста, но только вкратце. Подробности – тоже завтра. Ты должен показать ему свое лицо и сделать выстрел из газового пистолета. Убивать нельзя – требуется только напугать. По нашим расчетам, он будет полностью выбит из колеи появлением перед ним собственноручно уничтоженного три дня назад суперагента Ясеня. По имеющимся у нас неофициальным данным Золтан склонен к мистицизму и панически боится всякой нечисти: вурдалаков, привидений, зомби. А как профессионал, он отлично помнит, что размозжил тебе голову весьма основательно. Поэтому, сам понимаешь, все козыри будут в твоих руках. Ну а подстраховку мы берем на себя.

– Где это будет происходить?

– На его даче, в Завидово.

– Рядом с Ельциным?

– Не совсем. Но Завидово то самое.

– Понятно. Отсюда недалеко.

– Вот именно. Поэтому и завтрашний день мы проведем в здешних краях – на нашей базе под Тверью. Потренируемся. Я бы с удовольствием в твоей деревне остался. Красиво тут. И люди все такие приветливые, лишних вопросов не задают. Но от греха лучше уедем. Кстати, кроме Дарьи Петровны, видел тебя кто-нибудь?

– Никто. В эти выходные удивительным образом ни один из москвичей не приехал – как сговорились все. А постоянные жители – сам видел сколько их тут – к общению мало предрасположены.

– Это точно. Но утром из дома все-таки не вылезай. Запомни: ты сегодня же, еще с утра, отсюда уехал на "ниссане", а остались мы, твои друзья. Это очень важно, Михаил. Ты понял?

– Понял, но меня как-то больше волнует завтрашняя операция. Что, Татьяна тоже будет участвовать в захвате?

– Нет, но она хочет там быть вместе с нами. Это ее право.

– Она большой человек в вашей конторе?

– О, да, – сказал Тополь, – высшая категория причастности.

– Не понял. По званию она кто?

– По званию-то она, полковник, с менее серьезным документом просто работать будет тяжело. Но дело не в этом. Ты ведь уже должен понять, Разгонов, что в службе ИКС чины и звания – не главное. У нас другая система ценностей. У нас есть категории причастности. И те, кто принадлежит к высшей категории, не подчиняются друг другу, среди нас всякое подчинение просто бессмысленно. Впрочем, извини, тут надо все по порядку.

– Нет, нет, и так нормально, Тополь, я, кажется, уже начинаю въезжать.

– Ты все поймешь, Ясень. Просто, по-моему, нельзя сразу. Для тебя слишком многое поменялось за один день. Правда, Разгонов? Правда, Ясень? Правда, Сергей?

– Правда, – сказал я. – На сегодня хватит.

– И я про то же, – Тополь встал. – Танюшка, сделаешь чего-нибудь пожрать перед сном, а?

– Слушаюсь, Андреич, только чуть попозже, ладно?

– Ладно, и кстати, можешь теперь говорить этому типу все, что тебе заблагорассудится.

– А можно этот тип задаст последний на сегодняшний день вопрос?

– Можно. Какой?

– Ты действительно Горбовский?

– Нет. Я действительно Леонид Андреевич и я действительно люблю Стругацких, а Горбовский я по матери. Когда пришло время выбирать себе гэбэшный псевдоним, я назвал именно эту фамилию. А изначально, по отцу, я Вайсберг. Кстати, ты часом не антисемит?

– А что, похож?

– Да ну вас к черту! – возмутилась Татьяна. – Разгонов, пойдем воздухом подышим.

– Пойдем.

Мы вышли на улицу. Там было удивительно здорово. Небо в звездах. Роса на траве. Трели ночных птиц.

– Татьяна, скажи мне, это все правда, то что он рассказал?

– Правда, Мишка.

– Но это же совершенно невероятно!

– Да, Мишка, мне тоже было очень трудно поверить. Но ты постарайся. У тебя получится.

Ты же фантаст.

– Бред, Танюшка, это какой-то бред. И ты считаешь, я должен на вас работать?

– Ты ничего не должен, дурачок! Просто я очень хочу, чтобы ты был с нами. И Тополь тоже хочет. Ты нам нужен. И не только потому, что ты двойник Сергея. Пойми, нас очень, очень мало. Но мы многое можем, когда мы вместе. Очень многое. Понимаешь, от нас зависит весь мир, все люди в мире зависят от нас, понимаешь?

– Ни черта я не понимаю, ни черта! Кто вы такие, в конце концов? Можешь ты объяснить мне это просто, в двух словах? Тополь вот не смог. Или не захотел.

– В двух словах? – задумалась Татьяна. – Нет, в двух не получится. Я попробую объяснить тебе словами Сергея, но их будет больше, чем два. Ладно? Так вот, нашим миром реально управляют алчность и злоба, то есть деньги и секретные службы. Деньги принадлежат по большей части людям нечестным и малообразованным, а в спецслужбах работают беспринципные, озверевшие и зачастую тупые. Меж тем жизнь на планете теплится благодаря совсем другой и очень небольшой части человечества: поэтам, целителям, философам, мастерам, проповедникам, самоотверженным героям, у которых нет ни денег, ни власти. Так вот Сергей всегда мечтал соединить несоединимое. И он решил создать спецслужбу из поэтов и честных людей. Все, конечно, смеялись. А он ее создал. Так и возник двадцать первый главк. Все. Если коротко.

– Ты это серьезно?

– Абсолютно серьезно.

– Да вы же просто шизики! Я всегда догадывался, что этой страной управляют сумасшедшие. Но чтобы такие!..

– Наверно, – спокойно согласилась Татьяна. – Наверно, мы психи. Правда, у нас десятки тысяч отборных бойцов по всему миру, тысячи специалистов-ученых и самая современная техника на вооружении. И президенты великих держав с нами советуются, прежде чем что-нибудь серьезное предпринять. А в остальном, по большому счету, мы и вправду шизики...

– Хватит, Танюшка, правда, хватит, – взмолился я, чувствуя, как в голове снова зарождается боль. – Тополь был прав, на сегодня достаточно.

Мы оба сели на лавочку под стеной дома, молча закурили и стали смотреть на звезды.

Глава пятая ЯЙЦОМ И СЫРОМ

Я проснулся на рассвете. Боже, в который раз я просыпался за эти безумно долгие сутки, разорванные на несколько кусочков и очень плохо склеенные, словно оператор в монтажной был пьян, порезал края у пленки, залил все клеем и заляпал грязными пальцами. Фрагменты этого сюрреалистического фильма, который я начал смотреть, едва опоздал давеча на автобус, соотносились очень слабо, и теперь я проснулся с жутким ощущением непоправимости. Не было уже ни эйфории, ни амнезии, ни романтического ожидания борьбы и приключений – был только банальный, противный, липкий страх. И даже какое-то омерзение от собственных поступков.

Сколько раз я говорил себе, что ничего нет на свете хуже спецслужб. Хотя, черт возьми, иногда очень приятно смотреть на них в кино, иногда очень увлекательно читать о них в книгах и искренне сочувствовать этим суперменам, иногда и в жизни невозможно без восторга смотреть на то, как они работают – блистательные профессионалы – в стране, которая скоро погибнет от засилия дилетантов во всех областях.

А может быть, страна гибнет как раз от рук этих самых профессионалов?

Вот именно. Потому что они – профессиональные убийцы, профессиональные перегрызатели глоток, профессиональные восходители на вершины власти. И все. Больше они ничего не умеют. И когда они захватят всю власть, полностью, страна погибнет, а вместе с нею погибнет мир.

И я теперь буду этому способствовать.

Я вдруг вспомнил, как меня хотели убить. Это было впервые в жизни, но во вчерашней круговерти я как бы не придавал значения этому эпизоду: ну, еще одно приключение, не более. Теперь же я вдруг осознал: есть люди, и похоже, это настоящие мастера своего дела, которые всерьез намерены меня убить, возможно, таких людей даже много, и уже вчера все могло сложиться по-другому. Когда же следующий раз, когда? Я должен спросить об этом. Хотя, впрочем, это ведь частность, действительно мелочь. Главные вопросы другие: куда я попал, кто я, зачем это все?

Вот в каком настроении довелось проснуться. Нежные чувства к Татьяне и восторженное уважение к "человеку из будущего" Горбовскому никак этого настроения не лечили, а к упомянутой вскользь идее моего двойника об охране, состоящей целиком из поэтов и мечтателей, относиться всерьез было трудновато. В свое время, работая над романом, я, наверно, слишком много прочел всяких книг о ВЧК, Гестапо, Моссад, ГРУ, ФБР и прочих замечательных изобретениях человечества. В памяти осталось, застряло, налипло много омерзительных подробностей, и сейчас от воспоминаний этих даже замутило.

Мы снова спали с Татьяной на сеновале, и я, бесцеремонно растолкав ее, спросил (это вместо "Как почивали, сударыня? С добрым утром!"):

– Во что я влип, Верба?! Ядрена корень, я хочу знать, наконец, во что я вхлопался!

Татьяна даже не обиделась. Приподнялась, поглядела на меня, потерла глаза и спросила заботливо:

– Ты боишься?

– Очень боюсь.

– За себя?

– Не только. И не только боюсь. Мне противно. Стыдно. Мерзко. Я не верю тебе и не верю Тополу. И мне стыдно, что я не верю. Но я знаю, что верить нельзя. Верить просто глупо.

– Ты не хочешь с нами работать?

– Да я жить не хочу, дурилка ты картонная! Вы меня что, спросили, хочу ли я с вами работать?

– Спросили, – невозмутимо ответила она.

– Когда, – ошалело поинтересовался я. – Зачем ты врешь?

– Остановись, Ясень. Спать хочется ужасно. Но ты меня все-таки послушай минутку. Все, что ты сейчас говоришь – это совершенно нормально. Я вчера разговаривала с нашим психологом Кедром, и он меня предупредил, о возможности такой реакции с твоей стороны именно на утро. У тебя утро – неблагоприятный период суток, особенно первый час после пробуждения. Ну, и вообще. Через это все проходят. Немножко странно, что ты до сих пор не спросил, откуда взялся "ниссан" у дороги, и почему мы тебя уже вторые сутки так странно или, как ты любишь говорить, так шизоидно вербуем. Я бы на твоём месте давно уже спросила. Но ты не спрашиваешь. У тебя другой характер. У тебя на первом месте – оценка роли спецслужб в развитии человечества. А уже на втором – Михаил Разгонов и его роль в Русской революции. Это тоже нормально, это даже очень хорошо. Потому что ведь и Сергей был задвинут на глобализме. Но для меня странно, честное слово, странно. Ну, признайся, ты ведь еще не задал себе этого вопроса: почему они вербуют меня именно так?

– Теперь уже задал. И не себе, а тебе.

– Отвечаю. Потому что вся эта сюрная история суть специально подготовленная система психологических тестов. У нас не было другой возможности проверить тебя.

Чего-то подобного я ожидал, конечно, но все равно был оглушен.

– Значит, все-таки обман? Значит все, все, все было сплошной игрой в психологические тесты, все – от минета до омлета.

– Нет, – обиженно надула губки Татьяна и тут же очень искренне улыбнулась. – Ни минет, ни омлет (кстати, это была просто яичница, омлет я не люблю) в программу тестов не входят, клянусь тебе.

– И я не люблю.

– Я не поняла. Чего не любишь?

– Омлет не люблю. Ну, а этот мужик на дороге?

– Ну, мужик-то был наш, конечно. Это Кедр как раз и есть. Ты с ним еще познакомишься.

– Буду страшно рад. А бандиты на "Чироки"?

– Вот эти нет. Тут совсем другая история. Я еще сама не разобралась. Но там были действительно бандиты. И полная для всех неожиданность. Непонятно, как наши парни их прохлопали. Тополь уже поднял шухер по этому поводу. Так что со всеми вопросами, пожалуйста, к нему.

Удивительно, как легко она переломила мое настроение. С известием об этих немислимых тестах что-то еще раз щелкнуло у меня в мозгу, и начался опять новый фрагмент фильма. Монтажный стык оказался все таким же скверным, зато сам фильм теперь обещал быть долгим, непрерывным и от кадра к кадру все более понятным.

– Одним словом, – подытожил я, – ты хочешь сказать, что подопытный кролик Разгонов всем своим поведением дал согласие на работу с вами? Правильно я понимаю твое заявление, что вы со мной так советовались?

– Именно. И мало того, что в глубине души ты с самого начала был готов работать с нами, ты еще оказался весьма подходящей кандидатурой. Хочешь верь, а хочешь нет, но Кедр уже провел предварительную обработку данных и сказал, что по комплексу требований, предъявляемых к сотруднику службы ИКС, ты проходишь процентов на девяносто, а по комплексу личных характеристик совпадение твоих данных с данными Малина достигает шестидесяти, если не шестидесяти пяти процентов. Случай уникальный, хотя для Кедра и не удивительный, он давно носителю с идеей прямой корреляции внешнего и внутреннего облика человека. В общем ты не мог отказаться от работы с нами. И никогда не сможешь. Мы ляжем костями,

мы будем уговаривать тебя, будем угрожать, будем пытаться или ноги целовать, будем покупать или шантажировать, убеждать или вкалывать психотропные препараты, но ты все равно останешься с нами. Ты понял меня, Ясень?

– Да я тебя давно понял. И очень благодарен за откровенность, свойственную, кстати, спортсменам, бандитам и влюбленным (по какому разряду тебя зачислить, я еще не решил), но прошу учесть, что при любом раскладе у меня остается выбор: работать или умереть.

– Это безусловно, – подтвердила Татьяна без тени улыбки. – В "Декларации прав человека" такого пункта, кажется нет, но мы, работники службы ИКС, признаем неотъемлемым правом каждого человека право на смерть.

– Вот и спасибо, – сказал я.

Мы помолчали. Потом Татьяна словно встряхнулась:

– Бред собачий! О чем мы говорим? Да еще в шесть утра! Меня вообще-то так учили, что на свадьбе о похоронах не принято.

– А у нас тут свадьба? – удивился я.

– Еще какая! Только можно мы погуляем на ней чуть попозже, Мишка? Ну, правда, сил нет, как спать хочется.

– А мне не хочется.

– Ну, покури.

– Не поможет.

– Ну, выпей тогда, хотя Тополь и не велел больше. Выпей, правда, выпей. Только дай поспать. Договорились?

– Договорились, – сказал я, слез с сеновала, закурил и вышел в огород, забыв о просьбе Тополя.

Поднималось солнце. Огромный густо-розовый диск над седыми от росы лугами и серовато-синим в тумане дальним лесом. И необъятное чистейшее небо, меняющее цвет от красновато-палевого внизу до пронзительно-голубого в вышине. Дьявольски красиво! И от взгляда на все это невыносимо захотелось жить. А вот пить коньяк уже наоборот совсем не хотелось. Зачем? Выпить, чтобы уснуть? Глупость какая-то. Я метнул за забор наполовину недокурную сигарету и подумал, что хорошо бы еще и курить бросить. Был же я когда-то спортсменом. Это воспоминание подтолкнуло меня к утренней зарядке. И автоматически начав с упражнений для плечевого пояса, я стал тщательно восстанавливать в памяти свою стандартную разминку перед тренировкой. Это оказалось нелегко, и не успел я проделать весь комплекс до конца, когда в поле, буквально метрах в пятидесяти от моей ограды, появился человек в костюме диверсанта и с коротеньким автоматом в руках. Шел он не то чтобы крадучись, а просто с профессиональной осторожностью, глазами и стволом оружия по сторонам не водил, в общем, похоже, не ожидал никого здесь встретить в столь ранний час. А впрочем, какой же он ранний, для деревни-то! Если, конечно, не знать, что деревня наша по сути давно превратилась в дачный поселок... Все это я обдумывал, уже лежа в густой траве и уперев в землю напружиненные согнутые руки. Я готов был поклясться, что человек меня не видел. Среди старых яблонь с поникшими корявыми ветвями фигура моя, конечно, не выделялась, но человек приближался, а мне еще предстояло преодолеть метров пятнадцать до стенки крытого двора и незаметно проскочить внутрь через полуотворенную дверь. Впрочем, незаметно – это уже не самое главное. Почему, собственно, я должен был прятаться. Ну, увидит он, что в дом вошел человек. Может быть, даже лучше: затаится, не пойдет сюда напролом. А в том, что ищет он именно нас, я был уверен. Не стала же в конце концов деревня Заячьи Уши центром мироздания! Хотя дело к этому явно шло.

На карачках, спрямляя путь, сквозь репы и крапиву я промчался до входа в дом и, совсем чуть-чуть отодвинув дверь, проскользнул в убежище. Здесь я позволил себе рассла-

биться, разогнулся и глянул через щель наружу. Диверсант уверенно шагнул прямо в сторону моего сада. Три секунды понадобилось мне, чтобы взлететь на сеновал.

– Верба! Подъем! Чужой возле дома.

Еще не открыв глаз, она отбросила в сторону правую руку и, лишь схватив автомат, приподняла голову и быстро огляделась.

– Где?

– Там, – я махнул рукой ей за спину, и Верба, мгновенно оценив ситуацию, прильнула к маленькому чердачному окошку и просунула ствол автомата в довольно широкое отверстие между осколками пыльных стекол. И как раз вовремя.

Диверсант стоял под яблоней и прислушивался. Его автомат был угрожающе приподнят.

– Ни шагу! – резко выкрикнула Татьяна. – Бросить оружие!

На какое-то мгновение он напрягся, готовясь к прыжку, потом очевидно поймал взглядом смертоносный раструб и мушку, торчащие из-под крыши в слишком уж явной близости, выпустил оружие и поднял руки.

– Я – шестьсот семьдесят второй. У меня послание первому. Двадцать семь пятнадцать.

– Первому? – удивилась Верба. – Я – второй. Сорок шесть двадцать один.

После этого идиотического обмена цифрами они перешли на более или менее нормальный язык, и Верба тоже автомат опустила.

– У меня шифровка для Ясеня.

– Я не поняла. Почему не по радио?

– Такая шифровка, – лаконично ответил семьдесят второй.

– Заходи в дом, – распорядилась Верба, и когда в полумраке сарая, он появился перед нами, поинтересовалась: – Звать-то тебя как?

– Зовите Вохой.

– Ну, вот что, Воха, ты проходи пока в сени, а я сейчас.

Татьяна торопливо натянула трусы, джинсы и не снимая моей рубашки, в которой спала, спустилась вниз. Я спустился следом и услышал, как она тихо сказала ни к кому не обращаясь:

– Хреново это.

Я не стал переспрашивать, что именно хреново, просто пошел за ней.

Все трое мы вошли в комнату. Тополь не спал. Он сидел за столом и что-то бормотал в передатчик. Затем нажал кнопку, отключился и внимательно посмотрел на нас.

– Шифровка для Ясеня, – пояснила Татьяна, кивнув на Воху.

– Что ж, принимай, Ясень, – невозмутимо отреагировал Горбовский.

Я как мог, постарался скрыть свою растерянность, повернулся к Вохе и сказал:

– Давайте.

Воха под номером шестьсот семьдесят два извлек из кармана сложенную вчетверо бумажку и протянул мне. Я развернул. Там были цифры. Много цифр. Аккуратными распечатанными на компьютере столбиками. Очень интересное послание.

– Спасибо, – сказал я вежливо.

– Не за что, – так же вежливо ответил Воха. – Вопросы есть?

– Вопросов нет, – сказал я и передал шифровку Тополью.

Тополь посмотрел на меня немного странным взглядом, потом склонился на шифровку и помрачнел.

– Через кого шифровка? – спросил Тополь.

– Через Клена, – ответил Воха.

– Ясно, – протянул Тополь. – К нам тоже вопросов никаких?

– Водички можно глотнуть?

– Можно. Спрайту хочешь?

– Лучше простой воды.

– Правильно. Долго пешком шел?

– Изрядно. Степанов, скотина, не мог поближе подлететь!

– Степанов? – улыбнулся Тополь. – Степанов никогда близко не подлетает. И это верно. Шагай, Воха, и не стреляй ни в кого. Ладно? Не надо уже ни в кого стрелять.

– Ладно, – согласился Воха как бы неохотно и, допив свою воду, удалился.

Дверь давно закрылась за ним, а Тополь все молчал, тупо глядя в шифровку. Похоже было, что он тоже ни черта в этих цифрах не понимает. И Верба была какая-то гашеная. В общем, я ни на шутку встревожился и почти собрался завопить дурным голосом, чтобы покончить с этой тишиной, когда Тополь первым нарушил молчание:

– Верба, ты уже объяснила ему или он сам догадался?

– Что именно? – встряхнулась Татьяна.

– То, о чем мы с тобой вчера говорили.

– Н-ну, – Татьяна замялась, – наверно, он сам понимает...

– Наверно? Теперь уже "наверно" не годится. Теперь уже точно надо. Слышь, Ясень.

Мы с Татьяной будем сейчас говорить об очень серьезных вещах. О самых серьезных. А ты будешь слушать и постарайся понять. Все, что не поймешь, мы тебе потом объясним. У нас теперь нет от тебя никаких тайн. Более того, по возможности, ты должен знать все, что знаем мы. Обязан знать. И прежде, чем ты все это узнаешь, я хочу, чтобы ты понял, Ясень: ты больше никогда не будешь Михаилом Разгоновым. Потому что Михаила Разгонова послезавтра похоронят. Буквально. И у тебя больше не будет прежних друзей, родственников, знакомых. А если случайно, где-то они встретят тебя, ты не имеешь права их узнавать. Потому что тебя уже нет, Разгонов. Тебя убил Золтан. Три дня назад. Выстрелом в упор. Официальная версия для твоих родственников будет, конечно, другая, но тебе не нужно ее знать. Ты никогда не был знаком с Михаилом Разгоновым. Ты только читал его книгу. И что-то слышал о нем. Впрочем, в очень узком кругу посвященных, можно будет признать, что Разгонов был твой двойник. Ты знал об этом. А вот перечень лиц, знающих всю правду, будет совсем невелик, каждого из них ты будешь знать в лицо, ты будешь знать, кто они, где они, что делают, ты будешь поддерживать с ними постоянную и неразрывную связь. Вот, примерно, так. А теперь посиди и послушай.

– Можно вопрос?

– Нет. Не надо сейчас никаких вопросов. Лучше посиди, послушай и подумай немного.

– Хорошо, – согласился я.

Мысли путались. До чего еще я не смог догадаться? Чего еще не учел? О чем не подумал? Ведь это же все элементарные вещи, которые надо схватывать на лету: о фотографии двойника на удостоверении, о психологических тестах, о покушении на мою жизнь, о невозможности быть одновременно Ясенем и Разгоновым... Это же все как дважды два, а я соображаю туго, словно тяжело раненый с похмелья и спросонья одновременно. Впрочем, примерно так оно и есть на самом деле. Господи! Да какой из меня разведчик! Или кем они там меня прочат? А вот сейчас и узнаем поточнее. Ну, что же ты молчишь, Тополь, я жду разговора о самых серьезных вещах!

Я посмотрел на Тополя и встретился с его внимательным взглядом. Не менее внимательные, только еще более заботливые глаза были у Татьяны.

– Мы тебя ждем, – пояснил Тополь, откровенно читая мои мысли. – Переварил?

– Ага. Я уже спокоен как танк.

– Ну, вот и славненько. Погляди, Верба. Это трогательное послание Дедушки закодировано личным шифром Ясеня. Ты его знаешь?

Татьяна на секунду замешкалась, словно впадая в легкую панику, но тут же ответила:

– Конечно.

– Тогда читай. Кроме тебя, никто не знает.

Татьяна взяла три листа бумаги, ручку и минут десять была полностью потеряна для общества. Сосредоточенно чертила таблички, расписывала по клеточкам цифры и буквы, считала что-то на уголке, снова писала, потом, сложив два листа, смотрела напросвет, непрерывно шевелила губами и даже иногда высовывала кончик языка от напряжения и сосредоточенности, как это делают дети. Я так увлекся, наблюдая за ней, что даже перестал думать о своих проблемах. И не услышал стука в дверь. А Тополь услышал, вскочил, как ошпаренный, и вылетел в сени. Оказалось, приходил сосед дядя Федя по поводу баллона с газом. Тополь старика вежливо выпроводил, объяснив, что меня нет, а сам он с женой приехал пожить на пару дней и ни в чем здесь не разбирается.

Наконец, Татьяна закончила расшифровку и спросила:

– По-русски читать?

– Да хоть по-китайски, лишь бы понятно было.

Очевидно, пощадив меня, она еще раз прокрутила в голове содержание письма, переводя текст на родной язык, и умирающим голосом сообщила:

"Дедушка – Вербе. 20 августа. Ясень для всех жив. Покушения могут повторяться. Золтана брат живым. Схема прежняя. Планы заморозить. Враги могут оказаться сильнее. Имитировать свертывание деятельности. Ближайший вызов Центра будет означать общий сбор. Счастье для всех."

Мне ужасно хотелось спросить, как это все расшифровывается дальше, потому что непонятного осталось больше половины. Для меня. А Тополь за каждой фразой видел вполне конкретный смысл и зацепился почему-то лишь за одну, для меня – так самую простенькую.

– Черт бы его побрал с этими его многозначными формулировками, – прошипел Тополь. – "Враги могут оказаться сильнее"! Сильнее кого, чего? Сильнее нас? Сильнее, чем мы ожидали? Сильнее, чем они были раньше? Или сильнее всех на свете? Что он хотел сказать, мать его?! В оригинале-то это как?

– А в оригинале еще двусмысленней получается, – сказала Верба. – Enemies may be stronger. Чувствуешь элемент сомнения?

– Чувствую, – угрюмо согласился Тополь.

– Ну, а это "счастье для всех" как тебе нравится? – Татьяна выделила свое.

– Думаешь, Дедушка помирать собрался?

– Не-ет! Я думаю он нас хоронить собирает. Планы заморозить, общий сбор, имитировать какое-то фуфло... Тушит нас потихонечку.

– Брось, – возразил Тополь. – Не похоже. Так не тушат. Спустили бы просто на нас свору натасканных золтанов, и все – вместо российского ИКСа – штабель тушенки.

– Значит, предупреждает.

– Правильно. Об этом и шифровка: враги могут оказаться сильнее. Все остальное – лирика. Вот только какие враги?

– Ну, если я правильно понимаю, – сказал Татьяна, – Дедушка сам не знает, какие.

– Думаю, что ты правильно понимаешь, потому что, если Дедушка врагов знает, можно считать, что их уже нет. А Дедушка просто чувствует, что кто-то ему в затылок дышит. Чутье-то у него отменное.

– И когда же, ты полагаешь, он почувствовал это дыхание? Вчера?

– Очевидно. Или позавчера. Ведь восемнадцатого у него было совсем другое настроение. Клянусь.

– Да, я помню. Что же могло случиться?

– Все что угодно. Глупее всего сейчас гадать на кофейной гуще, – сказал Тополь. – Эту информацию Дедушка счел избыточной. Можно с ним не соглашаться, но для экстренной встречи я не вижу достойного повода, а общий сбор по вызову Центра не может откладываться надолго.

– Согласна. А ты не побоишься ехать на этот общий сбор?

– Да ты с ума сошла, Верба! Ты опять про похороны?

– А я всегда про похороны. Вспомни, разве Ясень доверял Дедушке полностью?

– Когда-то доверял, – подумав, ответил Тополь.

– Вот именно – когда-то! Когда был еще мальчишкой. А вообще полностью нельзя доверять никому и никогда.

Тополь сделался совсем мрачным и закурил.

– Так ты, девочка моя дорогая, предлагаешь общий сбор РИСКА провести до общего сбора ИКСа? Я тебя правильно понял?

– Именно, – кивнула Татьяна. – Именно это я и предлагаю. Дай сигарету, понятливый ты мой. И пора дергать отсюда.

А я сидел рядом совсем непонятливый, но очень, очень старался понять. Во мне даже что-то перегревалось от напряжения. Но вопросы задавать было не велено, и я тоже закурил. Сразу стало ужасно муторно. Ну, конечно: вторая сигарета натошак – это просто издевательство над собственным организмом. Я выбросил длиннющий бычок и не сдержался:

– Что вы курите до завтрака, уроды! Контрразведчики хреновы! А ну-ка быстро: зарядка, душ, овсянка с соком и горячий кофе с булочками, беконом, яйцом и сыром!

Татьяна посмотрела на меня несколько ошалело, а Тополь мрачно повторил:

– ...яйцом и сыром.

Прозвучало это ужасно торжественно, как клятва. Например: огнем и мечом, или, скажем: словом и делом. И мы с Татьяной невольно рассмеялись. Тополь улыбнулся и прогрохотал уже совсем торжественно:

– Яйцом и сыром!!!

И мы все трое стали хохотать, как сумасшедшие.

Глава шестая КРАТКИЙ КУРС

Неаполитанский паренек Фернандо Базотти родился в семье потомственного мафиози. Младший из четырех братьев, был он любимым сыном старого Джузеппе Базотти, который, конечно, не мечтал тягаться с могущественными сицилийскими кланами, но у себя в Неаполе был не последним человеком. Коррупция в тогдашней Италии начала двадцатого века еще не достигла своих всепоглощающих масштабов, но мэр города все ж таки дружил с Джузеппе и в нужный момент прикрывал его перед карабинерами и судом. Фернандо был ростом невелик, но крепок и физически очень развит, а к тому же необычайно способный, сообразительный и хитрый, в общем к восемнадцати годам отец стал поручать ему дела, более ответственные, чем остальным трем братьям, а в двадцать Фернандо придумал и осуществил собственную блестящую операцию по вытряхиванию денег из нечистого на руку хозяина галантерейного магазина. Фернандо рос на глазах, и когда через пару лет старик Джузеппе попал в тюрьму, где и был повешен кем-то из конкурентов, старшим в семье безоговорочно был признан младший брат. Братья хотели мстить за отца, уже собиралась приличная хорошо вышколенная неаполитанская банда для броски на юг, на вожделенную Сицилию, но Фернандо сказал строго:

– Лучшие времена прошли. Оставаться здесь – это тупик. Здесь мы все перережем друг друга или нас передушат цепные псы Дуче. Ни черта мы здесь не заработаем. Надо ехать в Америку.

Начинались тридцатые годы. В Америке царствовал Аль Капоне.

– Но в Америку нельзя ехать без денег, – возразил Сержо, самый старший.

– Верно, – согласился Фернандо. – поэтому сначала мы возьмем их здесь.

И они сумели с большими деньгами удрать вчетвером в Америку. А потом с еще большими деньгами – вернуться домой. И отомстить за отца. И стать первыми на Сицилии. И с совсем уже огромными деньгами, полученными благодаря войне и послевоенной разрухе – снова рвануть в Америку. А там выгодно и хитро вложить их и приумножить. И как-то незаметно подкрались уже пятидесятые годы, даже вторая их половина. И Фернандо вдруг сказал: ша. Почему он так сказал? Да потому что был не дурак. Потому что появилась редкая возможность отмыть несколько сотен миллиардов долларов и выйти из игры.

А игра уже надоела. Надоела так, что от нее мутило. Мутило от крови, от трупов, заделанных в бетон, от детских пальчиков, высылаемых по почте, от изнасилованных девочек, от полуживых наркоманов с черными кругами вместо глаз, от подвешенных за единственную ногу инвалидов, от распухших утопленников и разбрызганных по стенам мозгов... Ша, сказал Фернандо и вышел из игры. Вышел так, как, наверное, еще никто и никогда до него не выходил. Его просто не стало. Совсем не стало. Вместе с братьями и вместе с деньгами.

Через два года в Майами появился Фонд Базотти. Внаглую. Под той же фамилией. Учредителем его был только один из братьев Базотти – Фернандо. Об остальных трех больше никто и никогда не слышал.

А была и еще одна причина, побудившая великого Фернандо выйти из игры. В апреле пятьдесят седьмого у него убили единственного сына – двадцатитрехлетнего Марио. А примерно за какой-нибудь месяц до смерти у отца с сыном состоялся такой разговор:

– Отец, а ты никогда не думал бросить это все и начать новую жизнь?

– Чтобы замаливать грехи перед Всевышним?

– Можно это и так назвать, но ты же знаешь, отец, я никогда не хотел стать священнослужителем, и тебе вовсе не советую уходить в монастырь. Просто мне кажется, что твои деньги могли бы послужить доброй цели.

– А ты знаешь добрую цель в этом мире?

– Мне кажется, что да, отец.

– И это не служение Богу?

– Нет, отец. То есть, конечно, это служение Богу. Но не только. Это еще и служение людям. Людей можно спасти, так мне кажется. Надо только оградить их от зла. Надо остановить бандитизм и произвол властей во всем мире. Для этого нужно совсем немного. Собственно, всего две вещи: деньги и сила. У тебя, отец, есть и то и другое. Просто нужно это делать одновременно во всем мире. Нужно навести порядок.

– Постой, постой, Марио. Мне кажется порядок в этом мире один раз уже наводили. Капитально так, с размахом. И ты же помнишь, я лично знал Дуче... Лучше бы я не знал его... Ты что же, хочешь, чтобы все мои деньги были потрачены на новый фашистский режим, только теперь уже во всем мире сразу?!

– Если хочешь, отец, можешь назвать это так, но пойми, международный фашизм – это уже не фашизм, международное гестапо – это уже не гестапо, сегодня самое главное – объединиться. Хватит грызть друг другу глотки по национальному и религиозному признаку. Давайте наведем порядок и будем жить в мире и благоденствии. Это очень просто, отец. Надо только, наводя порядок, *никогда не убивать людей*. Надо это взять за правило. Для этого понадобятся деньги, очень большие деньги, отец, гораздо большие, чем для того, чтобы людей убивать, но у тебя они есть. Ты должен успеть потратить их с умом. Бог-то простит тебе всю кровь, тобою пролитую, а вот люди... Подумай о людях, отец.

Фернандо призадумался. У него было достаточно информации и связей, достаточно денег и сил, исполнительных слуг и новейшего оружия, чтобы в одночасье уничтожить все крупнейшие мафиозные кланы Италии и даже Америки. Заманчивая цель. Но что дальше? Можно поменять на руководящих должностях всех коррумпированных чиновников. Где? В Италии? Безусловно. В Америке? Да. Во всей Европе? Пожалуй, и это возможно. Но как быть с Россией, с этим чертовым Советским Союзом, и его безумным социалистическим лагерем, как справиться с этим МГБ и ГРУ? А Япония, Китай, весь Дальний Восток? А Иран и Ливия, весь Ближний Восток, будь он проклят! Сколько денег потребуется на наведение порядка там? И помогут ли там деньги? Если одни орут "Вперед, к победе коммунизма!", другие объявляют джихад, а третьи сидят и медитируют?

– Ты бредишь, Марио, – сказал, наконец, Фернандо, – международный фашизм, не признающий наций и религий, фашизм, запрещающий убивать людей, всемирное благоденствие, купленное на деньги кровавого мафиози! Ты бредишь, Марио.

Так и закончился тот исторический разговор.

А потом Марио убили.

Это известно: слова погибших приобретают особый смысл. Тем более слова любимых нами и ушедших безвременно.

Фернандо понял, что сын его был в чем-то прав: единственное, на что в этой жизни стоит тратить деньги (большие деньги, по большому счету), так это на спасение самой жизни, на спасение человечества, а путь к этому спасению один – борьба с такими, как он – Фернандо Базотти. Базотти против Базотти. Стопроцентная шизофрения. Кто-то помимо него должен был возглавить или хотя бы организовать эту борьбу.

И такой человек нашелся.

Дьордь Балаш, чудом сбежавший в Штаты в пятьдесят шестом из отутюженного советскими танками Будапешта. Юрист, публицист, поэт, правозащитник, сподвижник Имре Надя – Балаш был страшно знаменит у себя в стране, а после кровавого ноября – и во всем мире. В Америке, предоставившей ему политическое убежище, Балаш, уже тогда выдвинутый на соискание Нобелевской премии мира, неблагодарно заявил в одном из интервью: "Америка Эйзенхауэра и Маккарти ничем не лучше России Хрущева и Семичастного, потому что коммунизм – явление временное и годы его сочтены, а вот спецслужбы, по мнению многих, вечны, и в

них главное зло. Спецслужбы – это узаконенный бандитизм, – вещал Балаш, – и потому нет принципиальной разницы между ЦРУ и МГБ, между ФБР и ГРУ. Да что там – я вообще не чувствую особых различий между сотрудниками "Интелидженс Сервис" и, скажем, опричниками или янычарами".

Случайно прочтя это интервью, Фернандо и пригласил Балаша к себе. Они нашли общий язык довольно быстро. Наконец, Базотти спросил:

– Ты знаешь, как бороться со спецслужбами?

– Знаю. Для этого нужно создать еще одну спецслужбу. Но совершенно новую. Единственную в своем роде. Абсолютно секретную. С жесткой структурой и единым центром. С огромным опережением в технике и информационном обеспечении. С полномочиями выше любого президента, выше всех международных советов, организаций, сообществ, включая ООН. Примерно так.

– Спецслужба с полномочиями Господа Бога, – улыбнулся Базотти. И грустно добавил, пробормотав себе под нос: – Международное гестапо... А эта спецслужба сможет заодно покончить с мафией и коррупцией?

– Разумеется! – обрадовался Балаш хорошему вопросу. – Борьба с коррупцией, с организованной преступностью и контроль за спецслужбами – это же просто неразрывно связанные задачи. Все это мы будем осуществлять одновременно... Только, простите, ведь для организации такой спецслужбы потребуются огромные деньги.

– Деньги у меня есть, – сказал Базотти уверенно.

– Вы, наверно, не понимаете о каких деньгах идет речь, – усомнился Балаш.

– Хорошо, уточните порядок величины.

– Это будут ежегодные расходы, сопоставимые с госбюджетом крупной европейской державы. Единовременные расходы окажутся еще больше. – Балаш задумался, боясь ошибиться. – Раза в четыре.

– Это для меня вполне доступно, – спокойно произнес Базотти. – Правда из политических соображений имеет смысл подключить к нашей программе федеральные средства некоторых передовых стран, таких как США, Великобритания, Франция. Но вообще, друг мой, вам надлежит беспокоиться не о деньгах, а о самой идее.

Мафиози не обманывал правозащитника. В его распоряжении действительно были уже триллионы долларов, анонимно вложенные в крупнейшие торговые, промышленные, финансовые, страховые компании всего мира. Многие очень знаменитые фирмы, процветающие, дающие шумную рекламу в десятках стран, реально принадлежали Базотти целиком. Зачастую об этом знали даже не все фиктивные совладельцы предприятий. Да им и не надо было. Базотти их не обижал при распределении прибыли. Он вообще старался никого не обижать. Пока не обижали его.

Балаш загорелся. Через несколько дней был готов черновой, но весьма подробный проект создания Международной спецслужбы. Проект был, разумеется сверхсекретным, для официальных лиц написали второй вариант, а на поверхность выплыл и вовсе усеченный, подготовленный для прессы документ об учреждении Фонда Базотти – Международного фонда по контролю за спецслужбами и борьбе с организованной преступностью и коррупцией. Вот такое длинное название. Коротко его называли обычно Фонд Би-Би-Эс. По именам трех главных учредителей – Базотти, Балаша, и Спрингера. Тимоти Спрингер, один из лучших физиков-экспериментчиков того времени, англичанин по происхождению, ставший доктором в двадцать четыре года, а в двадцать восемь – участником Манхаттанского проекта, теперь должен был возглавить суперсекретную лабораторию Фонда Базотти, призванную обеспечить постоянное и подавляющее техническое превосходство новой международной спецслужбы над всеми спецслужбами мира. Был у Фонда и четвертый учредитель, не вошедший отдельной буквой в аббревиатуру названия – госдепартамент США. Такой учредитель был удобен Базотти и для

комфортного размещения штаб-квартиры Интернэшнл Контрол Сервис в Майами, и для строительства секретной лаборатории в Колорадо, и для базирования спецподразделений и технических объектов службы ИКС на всей огромной территории планеты, в значительной части своей контролируемой Соединенными Штатами.

Где-то при посредничестве американской администрации, где-то пользуясь иными каналами и связями, Базотти заручился поддержкой президентов и правительств большинства стран мира, гарантировавших ему беспрекословное подчинение своих национальных спецслужб сотрудникам службы ИКС. Точно так же Базотти сумел поставить себя над Интерполом и несколькими другими аналогичными международными организациями. Он согласился отчитываться лишь перед специальной комиссией ООН (не просто специальной, а специально созданной для этого), да еще из чувства уважения и благодарности – лично перед президентом США.

Легко догадаться, что в пятьдесят девятом году всевластие Базотти не могло быть абсолютным. Оставался совершенно неподконтрольный и чудовищно сильный Советский Союз, а вместе с ним так называемый социалистический лагерь, где особенно неприятной для глаза огромной кляксой выделялся Китай. Ну, и конечно, не все в порядке было на Ближнем Востоке. Причем в равной мере непокорными оказались и неистовые в своем религиозном фанатизме мусульмане, размахивающие зелеными знаменами, и рафинированные блестяще образованные профессионалы из израильской разведки Моссад.

И тем не менее Базотти верил, несмотря на свой уже не юный возраст, что еще успеет подчинить себе всех, что еще будут под его официальным и неофициальным контролем и хитрые евреи, и самые дикие арабы, и загадочные китайцы, и подавляющие своей миллионной численностью агенты МГБ, и матерые волки ГРУ (этих он особенно уважал), защищающие интересы все той же давно сошедшей с ума державы. Базотти верил в успех своего великого начинания и веру эту подкреплял делами.

Все новые и новые страны охватывал он своим контролем, а там, где контроль был в принципе невозможен (в СССР, например) агенты Базотти просто наводили мосты, готовили почву для будущего, устанавливали горизонтальные связи, в частности для перекрестного контроля тех государств, где их позиции были не слишком сильны. Конечно, с Политбюро ЦК КПСС Базотти разговаривать было не о чем, но с советскими резидентами и даже с их начальством диалог получался зачастую весьма продуктивным. Ведь на каком-то уровне профессионализма именно профессиональная общность оказывается превыше всего: исчезают не только языковые и культурные барьеры – стираются национальные, религиозные, классовые, идеологические противоречия. "Грушнику" гораздо легче понять "цээрушника", чем американскому журналисту американского же полицейского, или итальянскому священнику итальянского же бандита с католическим крестиком на груди. В общем о чем-то они там договорились – служба ИКС и советские бойцы невидимого фронта – еще в шестидесятых, при Хрущеве, но главные события были, конечно, впереди.

Чем, собственно, занималась служба ИКС (или для непосвященных фонд Би-Би-Эс)? Да, ничем. Самосозиданием, расширением своей агентурной сети, укреплением собственной власти, научными разработками, статистическими и социологическими исследованиями. Занимался ли Фонд собственно контролем, собственно борьбой со злоупотреблениями властью, с неогестаповским беспределом спецслужб, с коррупцией, с массовым бандитизмом? Нет. Во всяком случае, в первые десять лет было явно не до этого.

Балаш периодически начинал чувствовать себя попавшим в ловушку. "Боже! – восклицал он патетически. – Известный правозащитник и гуманист опутывает мир какой-то фашистско-бандитской сетью! До чего я докатился!" Базотти успокаивал его, объясняя, что приступить к серьезной работе, можно лишь тогда, когда ты уверен в своих силах. "Нас еще слишком мало, – убеждал он Балаша, – мы еще слишком молоды как организация. Знаешь, почему наши

"подконтрольные", а на самом деле наши конкуренты и даже злейшие враги, не трогают нас? Да потому, что не принимают всерьез. Мы им не мешаем. Любая организация предпочитает, чтобы ее контролировали, не вмешиваясь в ее дела. А мы так и поступаем. И такой контроль все любят и уважают. Им выгодно иметь такой контроль, и только такой контроль. Пусть думают, что мы всегда будем вести себя именно по-сегодняшнему. И тогда они помогут нам набрать силу, полную силу. Тут-то мы и остановим всех одновременно, весь чудовищный процесс разрушения нашей планеты прекратим одним точным ударом, с легким едва заметным поворотом корпуса в сторону противника и упором на толчковую ногу! Ты понимаешь, Дьоро, что я хочу сказать?"

Так, на итальянский манер произносил он имя Балаша, когда начинал нервничать.

Балаш понимал, но не очень-то верил в эту грядущую победу. А вести свою игру он бы, может, и рад был, но чувствовал, что не по силам ему тягаться с Базотти. Теперь-то он уже хорошо знал с кем вместе учредил величайший в истории благотворительный фонд. Базотти был циничен, он особо и не скрывал свое бандитское прошлое. Если портрет откровенного фашиста Франко чеканят на монетах вполне демократической теперь Испании, которой он благополучно управляет по-прежнему, почему бы откровенному мафиози Фернандо Базотти не возглавить международный гуманистический фонд?

Бывшие подельники и конкуренты, увидев до боли знакомую фамилию на первых полосах крупнейших газет, должны были проникнуться священным трепетом или животным страхом перед могуществом Хозяина. Интерполовцы и прочая полицейская шелупонь, естественно, уже смекнули, что им до Базотти теперь не дотянуться. Спецслужбы всех стран по определению должны уважать учредителя Фонда Би-Би-Эс. А остальные... Остальные ничего не знают о прошлом Базотти. Узнают по слухам, по скандальным публикациям, а это лишь добавляет дутой славы в массах и грозного авторитета у посвященных.

Шли годы, сменялись президенты и правительства, где мирным, а где и не очень мирным путем, начинались и заканчивались войны, перекраивалась помаленьку политическая карта мира, мигрировали народы, делались эпохальные открытия, неуклонно возрастал жизненный уровень, осваивался космос – людьми и глобальными ракетами – медленно но верно гибла природа, американцы испытывали новейшее химическое оружие на вьетнамцах, а русские как всегда издевались над своими: плодили уродов в районе Семипалатинского ядерного полигона, жгли в адском пламени неудачных запусков обслуживающий персонал Байконура, пытали инакомыслящих в Казанской спецпсихушке и принудительно кормили всемирно известного академика в Горьком. Весь мир куда-то стремительно катился, сходя с ума, изламываясь, взрываясь, трескаясь по всем швам, меняясь с непривычной ошеломляющей быстротой. И только Фернандо Базотти со своей службой ИКС, со своим пресловутым Фондом, оставался все тем же – холоден, спокоен и неколебим, как скала, он взирал на кошмар и хаос цивилизации с отрешенностью буддийского монаха. А щупальца его меж тем вытягивались, ветвились и проникали все глубже, глубже, глубже...

Балаш устал от этого процесса. Собственно, он давно отошел от активных дел и был не очень в курсе последних акций службы ИКС. Сам иногда, пользуясь положением, помогал братьям-диссидентам в коммунистических странах и прочим порядочным людям, а в большую политику лезть остерегался. Несколько раз он подкатывал к Базотти с просьбой предотвратить ту или иную войну, тот или иной приход к власти жестокой хунты, но Базотти только отмахивался: "Я же объяснял: нельзя историю по-топорному исправлять. Войну не остановишь, только отодвинешь чуть-чуть, а службу нашу погубим".

Дьордь Балаш умер в конце восьмидесятого. От сердечного приступа. Тяжелый выдался год: Афганистан, Польша...

А в восемьдесят втором, по слухам, Базотти встречался с Андроповым. Ни подтвердить, ни опровергнуть эту информацию до сих пор не удалось. Фернандо – человек скрытный, и есть

вещи, которых он не рассказывает никому. Но важнее другое. В том же восемьдесят втором Базотти познакомился с Малиным, от которого и получил прозвище "Дедушка". Но только это уже совсем другая история.

Вот такой краткий курс истории партии, то бишь спецслужбы Базотти, изложил мне Тополь солнечным утром двадцать первого августа в дороге, по ходу тренировки на спецбазе, во время обеда и после, в перерывах между инструктажом и многократными проверками моих физических возможностей. Уровень мастера по самбо, бросившего активные занятия семь лет назад, оказался, конечно, слабоват, рядом с его блестящим владением кон-фу и двухлетним опытом службы в отдельном батальоне спецназа. Даже разница в годах не выручала. И все-таки Тополь меня похвалил.

– Думаю, – сказал он, – месяца три плотных занятий с тренером, и тебя можно будет отправлять на серьезную операцию. Остальное придет с опытом.

Беда заключалась в том, что на операцию, и притом весьма серьезную, меня отправляли не через три месяца, а прямо нынче же вечером. Они не могли отменить эту операцию и не могли взять никого вместо меня. Это была какая-то очередная подставка. Может быть, очередной психологический тест. Но мне уже было все равно. Для всех родных и друзей я умер. Оставалось умереть для Вербы и Тополя. Что ж, я был готов, хотя и не хотелось.

Ближе к вечеру приехал гример и долго делал что-то с моим лицом и прической. С прической было особенно интересно, потому что под занавес мне хорошенько попрыскали голову из спрэя. Я думал, это лак для волос, а оказалось – зеленая нитрокраска.

– Так страшнее, – загадочно пояснил Тополь на мой недоуменный вопрос.

Потом появился психолог, Кедр – тот самый мужичина из "Жигулей" с большой дороги. Было довольно трудно привыкать к его новой роли. Но я все-таки смирился с тем, что этот боксер-тяжеловес дает мне советы, внимательно выслушал все рекомендации, и даже вполне сносно научился воспроизводить характерные жесты и типичную мимику Сергея Малина. Потом мне подробно объяснили, как управляться с тяжеленным четырехствольным "браунингом", заряженным какой-то усыпляющей химией, и на этом экспресс-подготовка закончилась.

Пора было выдвигаться в район проведения операции. Уже стемнело, и начал накрапывать дождь.

Глава седьмая ОПЕРАЦИЯ "ЗОЛТАН"

В мокрых после дождя кустах было не то чтобы холодно, а как-то очень неудобно, и когда Кирилл из бригады наружного наблюдения, наконец, позволил нам с Тополем перейти в машину, я облегченно вздохнул.

– Мы только что получили подтверждение, – сказал Кирилл. – Он уже двадцать минут торчит на восемьдесят девятом километре. Похоже, ждет кого-то.

– А может быть, с машиной что, – предположил я.

– У Золтана? – хмыкнул Кирилл. – Вряд ли. Он же не на "Москвиче" ездит.

– На самом деле может быть все что угодно, – раздумчиво проговорил Тополь. – Допустим, он сидит там сейчас и решает, ехать ему сюда или не ехать.

– А если не приедет? – поинтересовался я.

– Не приедет, значит перенесем встречу в другое место. Куда он от нас денется? Но вообще-то у этого парня удивительное чутье на ловушки. Потому и жив до сих пор.

Мы уже сидели в "ниссане", где на заднем сидении, уютно свернувшись, дремала Татьяна.

– Что, поймали? – спросила она, едва приоткрыв глаза.

– Угу, – сказал Тополь. – Восемь комаров и одну чудовищного вида жабу, бородавчатую, как смертный грех.

– А-а-а, – сонно протянула Татьяна.

– Показать? – спросил Тополь.

– Кого?

– Ну, жабу, конечно, комаров-то я уже по щекам размазал.

– Не надо, – сказала Татьяна. – Я их не боюсь.

– А кого ты боишься, Танюшка? – это уже я спросил.

Она призадумалась и ответила как-то очень серьезно:

– На этом свете я боюсь только одного человека – Седого.

– А кто такой Седов?

– А, значит, я тебе еще не рассказывала. Ну, во-первых, он не Седов, а Седой...

– А во-вторых, – перебил Тополь, – он вообще лысый, как коленка. Ребята, о чем вы говорите? Нет на свете никакого Седого. Ерунда это все.

– Вот мы и говорим о ерунде, – поймал я его на слове. – Согласно пункту шесть Инструкции Горбовского для сотрудников Службы ИКС полагается: "Во время выполнения задания разговаривать между собой только о ничего не значащих вещах, шутить, рассказывать анекдоты"!

– Курсант Разгонов! Объявляю вам благодарность за примерное знание уставов. А ты, Вербочка, нарушаешь!

– А я, Тополечек мой, нарушаю, – она зевнула и снова легла.

До меня не совсем дошел смысл этого короткого диалога, и мы помолчали, слушая, как барабанят по крыше "ниссана" капли дождя, срывающиеся с деревьев.

– Тополь, – предложил я, – а давай ты тоже нарушишь?

– В каком смысле?

– Расскажи о себе. Как дошел до жизни такой и вообще выдай краткую биографическую справку. Ну, типа информации к размышлению. Ладно? А то сегодня утром не успел, хоть и обещал. Это будет не слишком серьезный разговор?

– Да ну, что ты! Это будет ужасно смешная история, почти анекдот – обхохочешься. О том, как еврей стал генералом КГБ, молодой перспективный ученый отказался защищать гото-

вую докторскую диссертацию, а освобожденный от армии по состоянию здоровья командовал батальоном спецназа... Короче, слушай.

Вайсберг Леонид Андреевич, 1946 года рождения, уроженец Москвы. Мать – еврейка, отец – юрист. Или наоборот. Потому что оба они евреи и юристы. Отец – член Московской коллегии адвокатов, мать – следователь районной прокуратуры. Сын по стопам родителей не пошел. Здоровье с детства имел слабое, а интеллект выдающийся. Поэтому рано начал заниматься спортом, а в школе учился плохо. Зато поступил в Физтех и с успехом его окончил, несмотря на занятия футболом (первый разряд), боксом (кандидат в мастера) и дзюдо (мастер). Совокупность травм, полученных во всех этих видах, позволяла уже не служить в армии. По жизни такая справка не понадобилась, но родители, панически боявшиеся армии и не понаслышке знавшие изобретательность наших законотворцев, считали, что береженого Бог бережет. В общем освобождение от армии у меня было, но в восемьдесят первом, сам понимаешь, куда я его засунул. Матери уже не было в живых. Отец понимал меня прекрасно. А с женой я развелся. Однако не буду забегать вперед.

Распределили меня на жутко секретный оборонный ящик. И пятнадцать лучших лет жизни занимался я системами связи. Напоминаю, интеллект у меня выдающийся. Отсюда: двадцать восемь изобретений, защищенных авторскими свидетельствами и кандидатская диссертация в двадцать пять лет. А еще через три года была готова докторская. Но тут-то и появились симпатичные такие и очень таинственные граждане с неординарными предложениями. Тематика была моя, и они переманили меня в другой институт не столько деньгами, сколько этими увлекательными инженерными задачами. Я просто балдел от таких неразрешимых задач. И разрешал их в итоге и балдел еще сильнее. Я так увлекся самим процессом, что поначалу даже и не понял: уплыла навсегда моя докторская, а работаю я теперь в "восьмерке" – в Главном техническом управлении КГБ СССР.

Параллельно продолжалась спортивная жизнь. Я забыл рассказать об одном значительном персонаже в моей биографии. Университетский друг Чжоу цзе Линь (звал я его, конечно, просто Линь, а иногда просто Карась). Линь остался в Союзе после событий шестидесятых. Это он приобщил меня к кон-фу. Именно кон-фу помогло мне вылечить все мои травмы и по сей день сохранить отличную форму.

Наверно, до какого-то момента я был очень правильным человеком: спортом занимался не для рекордов, а для здоровья, науку двигал из чистого энтузиазма, женился, только защитив диссертацию, а ребенка мы позволили себе вообще лишь с моим переходом на новую хорошо оплачиваемую работу. Костик родился в семьдесят пятом. А уже в восьмидесятом я перестал быть правильным мужем и отцом. Нет, бабником я никогда не считался, и адюльтер у меня был только с работой, да только работа становилась все более своенравной, а, по понятиям Валя – так просто гнусной. Валя вышла из типичной диссидентской среды: врачи, литературоведы, физики-лирики, в общем, любители поэзии, гитары у костра и самиздата. Я это тоже все любил, а на работу угодил известно куда. Противоречие это не могло не выстрелить рано или поздно. Восьмидесятый год стал решающим. Уж больно все обострилось: Польша, Афган, Иран, бойкот Олимпиады, стрельба по Римскому Папе, интеллигенция валом повалила за океан... И Валя заявила, что не хочет больше жить с кагэбистом под одной крышей. Я вяло отбивался, объясняя, что политическим сыском не занимаюсь и в покушении на Папу лично участия не принимал, напомнил что деньги в семью приношу. Деньги ее еще больше разозлили. Привязанности между нами тогда уже не было, сына я любил, конечно, но устраивать из-за него спор считал безнравственным. Граждане судьи удовлетворились формулировкой "не сошлись характерами", а в действительности расторжение брака получилось все-таки политическим, хоть это и может показаться смешным.

Развод подействовал на меня сильнее, чем я думал. Жить было где, и было чем заниматься, но я утратил самоуважение. Вот что удручало. И тут предлагают командировку в

Афган. Никто, разумеется, не рвется. Все просто хотят остаться живыми и отлынивают под любым предлогом. А я отлынивать не стал. Личная жизнь не сложилась – значит, надо делать карьеру, ну, а гэбэшную, так гэбэшную. Гадостей я никому не подстраивал, доносов не писал, а система – она везде система, только здесь я непонятно чем занимаюсь, а там, на войне хоть кому-нибудь нужен буду, да и звания на фронте быстрее идут. Ну, и поехал. Больше двух лет проектировал линии связи, осваивал новую аппаратуру, руководил радиоперехватом, и конечно, пули свистели, и снаряды рвались, и живых "духов" видел, как тебя сейчас, и на поле боя оказывался не раз и не два. И однажды во время страшной мясорубки под Асадобадом, когда уже никто не понимал, в Пакистане мы, или все-таки в Афганистане и чья авиация ревет над нашими головами так низко, да в общем-то это было и неважно, ракеты и бомбы убивают без разбора своих и чужих, а так хотелось выжить – так вот, в той мясорубке на границе я, связист, вдруг оказался единственным офицером в отдельной роте спецназа, и пришлось принять командование на себя. Никто не верил, что можно стать боевым офицером без специальной подготовки в тридцать семь лет, а я стал. И даже научился командовать батальоном. Чудес тут никаких: просто почти два года я наблюдал, как это делают другие, а такая, брат, школа похлеще всех "академиев".

И еще один опыт дал мне Афган. Я лишь там, вдали от Москвы, где принято безумно тосковать по Родине (а я, кстати, и тосковал по ней) – я лишь там, лишь тогда словно проснулся и понял, в какой ужасной стране мы живем. Короче, из спецназа Леня Вайсберг вернулся законченным антисоветчиком. И с удивлением обнаружил, что в теперешнем КГБ через одного такие люди. Открытие это настолько потрясло меня, что я фактически не хотел и не мог больше работать по специальности. Да в общем-то было уже и не надо.

Меня перевели во Второе главное управление (контрразведка и все такое прочее), звание дали теперь подполковник, и фамилию дали новую – Горбовский, а подчиненных было – видимо-невидимо, вот только на кого и зачем работать, сделалось окончательно непонятным.

Так завершилась моя научная карьера и началась карьера политическая. И тут на сцене появляется Ясень. Ясень всегда и всюду появлялся вовремя. Был уже 1988 год. И познакомились мы на Девятнадцатой партконференции. Смехота. Я там за всю технику отвечал, а он уже был начальником сверхсекретного Двадцать первого главка, о котором мы даже и не слыхивали. Представился же мне Малин личным представителем генсека по вопросам безопасности – этакая странная новая должность. Но при Горби много новых должностей появилось, так что удивляться было нечему. Ну, мы и разговорились. Будущие сотрудники службы ИКС узнавали друг друга всегда безошибочно. Если речь шла о высшей категории причастности. Потому что высшая категория – это уже нечто мистическое. Это как те самые браки, которые совершаются на небесах. Мы чувствуем предопределенность. Тревожный, холодноватый ветерок судьбы. Дуновение вечности. Ты понимаешь, о чем я говорю, Разгонов? Ты нечто подобное чувствуешь?

– Я?... – (В этот момент в полумраке за стеклом замаячила фигура Кирилла.) – Я чувствую, что пора заканчивать разговоры, даже самые смешные и приступать к действиям.

Тополь посмотрел на меня долгим и грустным взглядом, потом произнес загадочно:

– Наверное, юмор в чем-то выше поэзии. И это правильно...

– Готовность номер два, товарищ генерал, – сообщил нам Кирилл, наклонившись к приоткрытому окошку и обращаясь персонально ко мне, – объект выдвинулся в направлении цели. В машине он один. В доме двое – они заблокированы. Скорость движения объекта позволяет предположить его прибытие через шесть-семь минут.

– Вас понял, лейтенант, мы заступаем, – откликнулся я входя в роль, и добавил, повернувшись к Тополю: – Вставай, Леонид, пора.

И мы снова затаились в уже изрядно поднадоевших мокрых кустах жасмина. Ах, каким долгим было это ожидание. И, ах, какой скоротечной получилась операция "ЗОЛТАН"!

Личная охрана киллера нас не заметила – это представлялось однозначным. Двое головорезов не обучались хитростям – они просто стреляли без предупреждения при малейшей опасности. А точка наблюдения в кустах подобрана была с умом: максимально далеко от главной входной двери и максимально близко к окну в спальне Золтана. Оставалось только надеяться, что окно это окажется не бронированным, потому что мой путь к победе пролегал именно через стекло.

– Пора, – одними губами шепнул мне Тополь, когда на его часах мигнула крошечная красная точка светодиода. Сигнал, означающий, что Золтан прошел в дом, поздоровался с обоими охранниками и теперь остался один, во всех смыслах один – и в комнате, и в доме. Охранников "сняли" ребята Тополя. Не насмерть, но никакой роли в дальнейшей операции они уже играть не могли.

– Пора, – сказал я сам себе и, сделав три широких шага, нырнул в окно, как в омут, выбросив вперед сжатые в кулаки руки в перчатках.

Я так и не понял, отчего разбилось стекло: от моего удара или от его выстрела. Все-таки Золтан был профессионалом высочайшего класса. Услышать меня он не успевал чисто физически. Увидеть? Крайне маловероятно. И, наконец, при любой выучке ведь сколько-то секунд все равно требуется, чтобы выхватить оружие, поднять руку и спустить курок. И, тем не менее он выстрелил навстречу моему прыжку. Он почувствовал опасность. Именно это умение отличает настоящего профессионала от просто хорошо обученного бойца.

А мне просто сказочно повезло, что Золтан промахнулся.

Я выполнил кульбит, выхватывая "браунинг" в процессе кувырка и автоматически наводя его в сторону прозвучавшего выстрела. Но Золтана там уже не было, он метнулся в сторону, разворачиваясь и держа в двух руках какую-то небольшую, но убойную штуку, кажется, "беретту". Но второго залпа не случилось. Золтан застыл в совершенной ошарашенности и сказал как-то совсем по-детски:

– Чур меня, чур!

Этой паузы вполне хватило бы для ответной атаки, но по сценарию я должен был сначала проорать дурным голосом заученные слова. И я их проорал, срываясь на хрип и крик:

– Тебе конец, Золтан! Бросай оружие!

А дальше пошло не по сценарию. Началась просто какая-то чертовщина. Словно взрывом, причем абсолютно бесшумным меня подбросило в воздух. Но уже в следующее мгновение я понял, что это не взрыв, а землетрясение, потому что в воздух я полетел вместе с полом комнаты, на котором стоял. Теперь-то уж я, конечно, выстрелил, вот только заряд ушел в потолок, не причинив Золтану никакого вреда. Падая назад, я видел, как Золтан прыгает вниз, образовавшийся разлом и одновременно отстреливается непонятно от кого, посылая пули из своего автоматического пистолета веером в противоположную мне сторону. Потом раздались еще два хлопка, видимо это ребята из группы поддержки палили с той стороны дома. И в этот момент я понял, какого рода землетрясение мне довелось пережить: движимая потайным устройством, подо мною вздыбилась специальная во всю ширину комнаты плита, словно открылась гигантская крышка погреба. Не дожидаясь, пока эта крышка примет вертикальное положение и расплющит меня о стену, я вскарабкался на ее край и успел увидеть, как Золтан, выпустив последний заряд огневого прикрывания (теперь уже вверх и почти в меня), захлопывает со звонким щелчком металлическую дверь в стенке погреба. Затем послышалось низкое трансформаторное гудение, словно удравший киллер отправился в преисподнюю на тяжелом грузовом лифте, а уже в следующую секунду меня настигло ядовитое облако собственного выстрела, которое, расплывшись вначале под потолком, теперь стекало зыбкими ключьями вниз. Я поперхнулся на вдохе, закашлялся, и разжав пальцы, свалился на руки Тополя, уже стоявшего внизу. А проклятая крышка погреба была заклинена старинной и могучей дубовой тумбочкой, которую Тополь успел уронить между стеной и полом.

– Я проиграл! – выдохнул я и закашлялся еще сильнее, теряя сознание.

– Ты не проиграл, – сказал Тополь.

Мы уже сидели на траве возле "ниссана", продышавшиеся, промывшие глаза и даже закурившие.

– Ты не проиграл, Ясень. Ты все сделал как надо. Большого от тебя никто не ожидал. Просто сработал "вариант два" – опознание, испуг, бегство. Честно тебе скажу на "вариант один", то есть захват, я вообще мало надеялся. А "вариант три" – бегство от неизвестного противника – был бы самым бестолковым.

– А "вариант четыре", – поинтересовался я, – повторное убийство Ясенья?

– Не предусматривался, – спокойно ответил Тополь.

– Но ведь такое могло случиться!

– Могло. Мы на работе, Ясень, давай о морали подискутируем в другой раз.

Я понял вдруг, что он прав, и так и сказал ему:

– Я понял, Тополь, ты прав.

Потом посмотрел на длинную сигарету "Мор" в его длинных пальцах, догоревшую уже почти до фильтра, и словно проснулся:

– А мы что уже куда не торопимся?

– Пока никуда. Наш этап операция "ЗОЛТАН" завершен, а ловить человека, ушедшего через секретный туннель, – это задача совсем других людей.

– Почему? Что такое секретный туннель?

– Спецсооружение бывшего КГБ СССР. Их называли еще "скороходами", "эвакуаторами" или на одном из жаргонов – "линяторами", а разрабатывали и строили ребята из Пятнадцатого главка. В больших городах этого добра полно: закамуфлированные входы соединяют внешний мир с канализацией или метро, а вот здесь, в дальнем Подмосковье обнаружить подобную штуку – дело совсем иное. Заставляет задуматься. Например, о близком соседстве с президентской дачей.

– А откуда ты знаешь, что это строило КГБ?

– Знаю, – сказал Тополь, улыбнувшись, – я этот подпол внимательно осмотрел. В Пятнадцатом, где лепили весь железобетон и гидравлику для подземок, я, конечно, не работал, даже доступа туда не имел, но ведь электроника и электрика там вся – "восьмерочная". Нет, ну, разумеется, в наши дни всякое возможно. Совершеннейшая техника КГБ уже не первый год служит черт знает кому: другим спецслужбам, мафии, вора в законе, просто богатеньким частным лицам. Но вот это и предстоит нам теперь выяснить. И, смею заверить, выяснять будет гораздо проще, имея в своем распоряжении такой диковинный объект, как дача Золтана.

– погоди, а почему его будут теперь ловить другие? И кто эти другие?

– Мы сдали Золтана МВД за незаконное хранение оружия и прочую ерунду. Так интереснее. Во-первых, у нас уже есть два пленных охранника, которые будут долго и невнятно объяснять, кто они такие и как попали сюда. А во-вторых, Золтан в лапах Тверского РУВД – это примерно, как Аль Капоне в центральном отделении милиции Улан-Батора. Это – атас! Это теперь вся Россия-матушка на ушах стоять будет, и не только Россия, а мы возьмем процесс стояния на ушах под свой контроль. Просто под контроль – и все. Ох, и пикантная получится ситуация, если мы докажем, что Золтан работал на ФСБ! Эта штука будет посильнее "Фауста" Гете!

Тополь вдруг необычайно возбудился, унесясь мыслями столь далеко вперед, что я при всем желании не смог бы поспеть за ним.

– Ты сделал все совершенно правильно, Ясень. Лично мне здесь и сейчас не нужен этот мясник Золтан ни живым, ни мертвым. Ну, что бы он нам рассказал, если б мы его взяли? Что инструктировал его человек в маске, предложивший сказочно большую сумму денег, что

позвонили ему, сославшись на школьного или армейского друга, что дача раньше принадлежала начальнику калининского областного УКГБ или еще какой-нибудь местной сволочи? Ну, что еще бы он нам рассказал? Он же тупой, как пробка. Он же ни во что носа не совал, он ведь не знал даже своих хозяев. Потому и жив до сих пор. Пока. Да... Может быть, уже и не жив. Сейчас Верба придет, сообщит последние новости. Если этого гада сегодня не поймают, его скорее всего уберут сами заказчики. В любом случае, отработал свое великий маэстро Золтан Мясорубов. Кликуха у него была такая. А настоящее имя... Да ну его на хер! Не достоин этот человек своего настоящего имени. Пусть так и подыхает с кликухой. Пусть!

– Успокойся, Тополь, – попытался робко встрять я, даже не надеясь, что он услышит.

Но он тут же откликнулся:

– Да, да, конечно, нельзя так заводиться. Просто ты еще не понимаешь, Ясень, а мне ужасно нравится сегодняшнее стечение обстоятельств.

Из темноты, негромко произнеся цифры пароля, вышла Верба.

– Ребята обнаружили выход из туннеля, – сообщила она. – Разумеется, это на берегу Дойбицы. Естественное такое углубление в обрыве, очень мелкая заводь и на дне крышка люка, имитированная под большой камень. Внизу стояла лодка с мотором. Ее уже засекли в километре ниже по течению. Золтан сошел на берег в совершенно диком месте. Странно он подставляется! В общем мы направили туда две эмвэдэшных "вертушки".

– Правильно, – согласился Тополь.

– Это Седой, – сказала вдруг Верба после паузы.

– Что?! – встрепенулся Тополь. – При чем здесь Седой?

– Туннель-то гэбэшный.

– Ну и что? Его построили года три назад, максимум пять. Правда, по электроприборам наверняка этого не скажешь, однако, если провести оценку вымывания грунта...

– Тополь, иди ты в жопу со своей наукой! Какая разница, сколько лет туннелю? Я сейчас о другом. Понимаешь? Они давно охотились на Ясеня. И это точно Седой. Я знаю. Только он один умеет так долго водить свою жертву. И следующей буду я. Ты понимаешь, Тополь? Настало время самим переходить в наступление.

Тополь смотрел на Татьяну совершенно округлившимися глазами, и я почувствовал себя до жути неудобно, я почувствовал себя единственным нормальным человеком среди окончательно спятивших психопатов.

Тополь упорно молчал. Потом достал миниатюрный передатчик и вызвал Кедр.

– Пошли в машину, – кивнул он мне. – Надо срочно поговорить вчетвером. Потому что здесь четверо Причастных. Пошли, Верба. Иначе, еще немного, и мы все сойдем с ума.

Кедр появился скоро.

– Ну, вот что, ребята, обыск дал результат практически нулевой. Документов никаких такие люди в доме не держат, тем более писем. У этого идиота даже ни одной книги не было. Точнее, почти ни одной. Мои орлы обнаружили только телефонный справочник, расписание международных авиарейсов из Будапешта, Библию и почему-то Кодекс законов о труде бывшего СССР.

– Кодекс на всякий случай пусть возьмут с собой. Он мог использоваться для шифровок.

– Ты думаешь? – усомнился Кедр, но рацию включил и распоряжение отдал. – Ладно, – продолжил он. – Вы слушайте дальше. Я уже связался по ВЧ с Ходынккой, и наши друзья из ГРУ заверили меня, что Генштаб сегодня никакого отношения к объекту "Золтан" не имеет. Более того, до недавнего времени они вели наружное наблюдение за объектом 27 (по классификации соответствующего отдела ГРУ), и им известно, что это спецсооружение Б-502/6 Пятнадцатого главка КГБ-ФСБ. Наблюдение было снято в апреле по личному указанию начальника Генштаба, завизированному – внимание, это полный бред, ребята! – руководителем администрации президента. Комментарии излишни: присутствующие здесь дамы и господа помнят,

что Золтан купил эту дачу именно в апреле сего года. Тополь, по-моему, пора звонить в ФСБ. Я хочу, чтобы это сделал ты. Позвони самому Григорьеву и прямо сейчас.

– А может быть, прямо в администрацию президента? – вскинулась Татьяна.

Для меня это все звучало чистейшим абсурдом, но они все трое серьезно задумались.

– Нет, – сказал, наконец, Тополь. – Мы все так же, как и ты, нежно любим руководство ФСБ, но действовать надо все-таки последовательно.

Совершенно неожиданно для меня Татьяна сразу согласилась и еще более неожиданно добавила:

– Тогда подъем – и пошли. Только разговаривать будет Ясень.

– Что?! – оторопел я, но вопрос был пропущен мимо ушей, мимо всех трех пар ушей, ответом мне было напряженное задумчивое молчание.

– А это правильно, – улыбнулся, наконец, Тополь, как мне показалось, ехидно.

– Но я...

– Ты выучишь текст, – пояснил Тополь со своим обычным спокойствием и повернулся к психологу. – Последнее слово за тобой, Кедр.

– Я – за, – сказал Кедр, – но, во-первых, это значит, что мы пока никуда не идем, а во-вторых, быстро начали обсуждать! Время дорого. И любые сомнения оставить здесь, в машине. На улице мы молчим по определению, а внутри дома, сами понимаете, все реплики строго по легенде. Приступили.

Я слушал, как они ведут этот мозговой штурм и балдел. Пулеметная скорость генерации идей, формулировок, способов решения, четкая отшлифовка каждой детали, ни одного лишнего слова, но при этом блеск остроумия, и, наконец, потрясающее взаимодополнение, вплоть до того что одну фразу они иногда выдавали без запинки, произнося ее составные части по очереди, как заученные стихи на школьном пионерском утреннике:

– Хуже всего у Разгонова (Тополь)

– С буквой "с", но это (Верба)

– Не самое страшное, потому что (Кедр)

– По ВЧ свистящие так четко не различишь. Интонации, (Верба)

– Главное – интонации и каких-нибудь (Кедр)

– Два-три любимых словечка. А картинка будет отличная. (Тополь)

Они понимали друг друга, как молочные близнецы, нет – лучше, как настоящие двойники. Это была фантастика. А я еще, дурак, недоумевал, кто же среди них главный. Номер второй после Ясеня, как я уже знал, была Верба. Старший по званию и должности в официальной структуре – Тополь. Он же, как самый опытный в боях, явно руководил первым этапом операции. Но второй этап, вне всяких сомнений, вел Кедр. И я, наконец, понял, что у них действительно нет начальников. Кто-то уже говорил мне об этом, Татьяна или Горбовский – не помню, я тогда не поверил, но теперь видел своими глазами и слышал своими собственными ушами, как, каким образом это возможно. Они были действительно совершенно особыми людьми, людьми какой-то новой касты – *высшей категории причастности* – так они это называли. Интересно, причастности к чему? К страшной тайне? К высшему знанию? К вечности? К иной реальности? Стоп. Это уже во мне проснулся писатель-фантаст. А Тополь ведь ясно сказал, что в службе ИКС обошлось без зеленых человечков. Не надо торопиться с наивными догадками. Они же обещали ничего не скрывать от меня. Просто всему свое время. Свое время... Время.

– Прошло восемь минут и сорок секунд, – объявил Кедр. – Неплохо. Но надо еще быстрее.

В последние две минуты я отвлекся, перестав успевать за ходом их мыслей и увязая в плотности произносимого текста. Теперь возникла пауза, и я понял, что обязан включиться. Кедр заговорил нарочито медленно:

– Еще десять минут на обучение новоявленного Ясеня десятку фраз, которые ему надлежит произнести, а также инструктаж по поводу вариантов ответа. Если Разгонов не справляется, симулируем разрыв связи. Возражений нет? Приступаем.

Я не знаю, называется ли это гипнозом, но после Кедрра мне было очень легко повторять предложения с интонациями и фонетикой настоящего Ясеня. Ну, а на память я пока еще не жаловался, так что мы действительно были готовы через десять, ну, может быть, через пятнадцать минут.

Шел уже первый час ночи, и древовидные мои боялись, что господин Григорьев, зам. директора Федеральной службы безопасности России, вот-вот отправится почивать. В наши планы не входило поднимать этого важного чиновника с постели. Будучи злым спросонья, он вряд ли разобрался бы что к чему, и неадекватность первой реакции осложнила бы нам анализ его истинного впечатления от увиденного и услышанного.

В последнем пристанище Золтана (во всяком случае, Тополь считал его последним), разумеется, обнаружилась и телефонная правительственная связь, причем кто-то не поленился сделать отводку от главного завидовского кабеля и протянуть сюда именно АТС-1, то есть установить на даче один из элитных четырехзначных номеров, ранее принадлежавший кому-то из заведующих отделами ЦК, если не члену Политбюро. Но мы все-таки предпочли позвонить генералу Григорьеву по ВЧ. Во всяком случае, у Золтана именно к ВЧ-аппарату была в "автомате" подключена видеосвязь, и мы надеялись, что у Григорьева техника работает по той же схеме. Тополь (единственный из нас, кто был у Григорьева дома), припоминал, что телевизор у него стоит, разумеется в спальне, работает в слипинговом режиме, и подключено к этому ящику все, что только может быть подключено. Мы очень надеялись на первый внезапный эффект картинки. Все-таки моя внешность была главным козырем, а имитация голоса – запасным.

– Слушаешь меня, товарищ генерал Ясень? – громко сказал Тополь по-заученному, когда вошел в дом, обращаясь сразу ко всем "жукам" в стенах, дверных косяках, мебельных гвоздиках и засохших гвоздиках в вазочке, или где еще эта гадость была напихана. – Ребята мои сегодня собрали новую информацию, и, представляешь, полностью подтверждается наше с тобой первое предположение. Человек, проходящий в операции под именем "Золтан" и непосредственно связанный с Новой Тверской группировкой, оказался на контакте с ГБ. Думаю, надо немедленно связаться с директором или кем-то из его замов. Разрешаешь выйти на связь?

– Да, мой генерал, – ответил я. – Похоже, что это уже серьезно. Соедини-ка меня с Григорьевым. Поговорю с ним лично. Без ансамбля.

– Неужели уйдет, сволочь?! – выдала Татьяна задуманную по сценарию жутко эмоциональную реплику, причем еще и оглушительно свистящим шепотом. Она мне объяснила потом, что в усилителях прослушивающей аппаратуры такой "тембр" голоса превращается в форменные радиопомехи. Реплика относилась, разумеется, к Золтану, но в первый момент прослушивающий мог подумать, что речь идет о Григорьеве, и это было весело.

Тополь пощелкал клавишами на сложном многоцелевом пульте, передающая камера замигала красным глазком и, наконец, раздались длинные гудки. Один, два, три, четыре... Я приблизил лицо к объективу камеры.

– Говорите! – распорядился властный баритон.

Экран монитора слабо мерцал, что означало, как мне потом объяснили, одностороннюю видеосвязь: очевидно, высокий сановник не хотел показываться перед нами в пижаме, но меня видел. Видел!

Тополь молча кивнул, дескать, это его голос, натуральный, и на какую-то секунду сделалось страшно, холодок пробежал по рукам и ногам: Боже, неужели я просто не смогу открыть рта?

Ты должен, скотина, должен!

Я нервно облизываю губы и выпаливаю со всей мыслимой небрежностью:

– Геннадий Петрович? Приветик! Догадаться, откуда я звоню. Даю три попытки.

– Малин?! – выдыхает динамик на пульте, почти не скрывая удивления.

– Вы догадались, кто я. А я просил догадаться, откуда. Вторая попытка.

– Малин, прекратите паясничать. Взгляните на часы.

– На них-то я и смотрю. Классные такие часики на пульте управления Вселенной. Ладно, не надо третьей попытки. Я звоню с того света. – Я делаю внушительную паузу. – Почти.

Григорьев мудро молчит, переваривая, слышится только его тяжелое сопение.

– Малин, вы для чего мне звоните? Что-то случилось?

– Я вам звоню со спецобъекта Б-502/6.

Снова долгая пауза. Потом вопрос:

– И что?

Тополь улыбается и показывает мне большой палец. Я ничего не понимаю и шпарю дальше по тексту:

– А то, что я спугнул отсюда Золтана. А вчера его люди обстреляли мою машину. На кого работает Золтан, Петрович? Не знаешь?! – я нарочито перехожу на "ты", а он упорно молчит.

– Вы абсолютно уверены, Малин, что это были его люди?

Тополь готов расхохотаться и показывает мне уже два больших пальца. Он находится вне поля зрения камеры.

– Да, – торжественно завершаю я свою роль. – Тут от меня неподалеку стоит Горбовский, он у нас специально занимался этим вопросом, так что, как говорится, передаю ему трубочку. Доброй ночи вам, Геннадий Петрович.

Я делаю два шага – назад и влево – и достаю сигарету. Я совершенно мокрый. Я шарю по карманам, и нигде нет ни зажигалки, ни спичек. Вербка подносит мне огонек. Я жадно затягиваюсь.

– Здравия желаю, товарищ генерал-полковник, – начинает свои объяснения Тополь. – Позвольте мне...

И тут начинается стрельба. Близкая, оглушительная, страшная.

– Ложись!!! – кричит Тополь хриплым голосом комбата-афганца, но господин-товарищ генерал Григорьев этого уже не слышит, потому что Кедр, обладающий поистине боксерской реакцией, разрывает связь одновременно со звуком первого выстрела.

Глава восьмая

БЕЗНАДЕЖНО БОЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Менты свалились на нас внезапно. Не люблю этого слова, но там были именно менты. Начальник отряда вообще не хотел думать (может быть, и не умел этого в принципе), он хотел только стрелять – первым, сразу, без предупреждения и, наверно, мечтал стать героем, не исключено, даже прославиться.

В общем, дача стояла на охране в милиции. Замечательный штрих ко всему, что мы уже знали об этой даче. Вот уж отмазка так отмазка! Прикрытие по первому разряду. Эмведешники охраняют дачу, где скрестились интересы нескольких самых могущественных организаций мира, охраняют, разумеется, не подозревая об этом совершенно. Придумано красиво, только ментов жалко. Со Службой ИКС им сильно повезло. Окажись на этом месте, допустим, наши коллеги из Моссада, перебили бы к черту всех до единого – просто на всякий случай. А Вася Долькин только орал до хрипоты:

– Госбезопасность! Не стрелять!! Госбезопасность!!!

А потом поднял руку и пальнул в небо красной сигнальной ракетой. Тут-то ему и сделали дырку в предплечье.

Ошалевшие омоневцы ничего не слышали, они сами орали: "Сдавайтесь, бандиты, вы окружены!" или что-то вроде. И непрерывно стреляли, не жалея боезапаса.

Точку в этой истории поставил Кедр, связавшийся по ВЧ через Москву с региональным управлением по борьбе с организованной преступностью, а уже оттуда ментам по рации дали отбой. Однако один из них, самый горячий, успел рвануться на штурм дома, не дождавшись приказа о братании с предполагаемым противником. Встретил этого штурмовика наш Виталий и в темноте был немного неосторожен. Омоновец напоролся на собственный штык-нож. Виталию сделали устное взыскание. Наказывать всерьез было не за что. Бывает такое и у самых опытных специалистов. Ну, а врач в нашей команде, конечно, был.

Проводили милицию без почестей, но сдержанно: не до них было. При других обстоятельствах могли бы и оплеух навешать, чтобы помнили барскую руку. В прежние времена милиционеры при слове "госбезопасность" сразу на вытяжку становились, а нынешние разболтались, собаки. Но, честное слово, в тот момент не до них было.

Григорьев позвонил сам. Не взирая на ночное время. И долго разговаривал с Горбовским о давешнем нападении на малинский, то бишь мой "ниссан". Выяснились забавные для меня подробности. Оказывается, задержанные службой ИКС четверо бандитов признались в нападении на машину по заданию лидера тверской группировки – Шайтана. Сами боевики, конечно, и знать не знали, кто сидит внутри "ниссана", им таких вещей по определению знать не надо, а Шайтан, очевидно, что-то знал, потому что боевики были предупреждены о бронестеклах и оружие взяли соответствующее. (Могли ли они знать, бедняги, какие именно бронестекла им попадутся?) Связь Шайтана с Золтаном была отслежена и доказана давно, и сведения об этом еще неделю назад были переданы руководству ФСБ по спецканалам. Горбовский с Григорьевым обсудили достоверность этой информации, и последний вынужден был признать, что Шайтан действовал по наводке Золтана.

Юмор ситуации заключался в том, что оба знали наверняка: это совсем не так. Горбовский еще накануне объяснил мне, что Шайтан пытался убрать нас, считая сотрудниками спецотдела ФСБ, направленными в область для борьбы с его командой. И Золтан тут был совершенно не при чем. Григорьев тем более был уверен, что Золтан не натравливал тверскую группировку на ИКС, по той простой причине, что профессиональный киллер Мясорубов один раз уже убивал хозяина этой машины, этого "ниссана" с желтым номером. Допустим, он знать не знал кто такой Малин (очевидно, так и было), но он прекрасно помнил его машину и не

мог отдать приказ Шайтану мочить наследников, друзей или хотя бы просто сотрудников убитого. Такой приказ означал бы явную подставу. Григорьев понимал это. А об убийстве Малина руками Золтана он знал. Точно – знал. Это уже было на уровне чутья. Тут и у Тополя и у меня ощущение было одно и то же. Даже психолог Кедр, даже эмоционально чуткая Верба, не сказали бы наверняка, отдавал ли сам Григорьев приказ о физическом уничтожении Ясеня, или ему просто вовремя сообщили о свершившейся акции, но в одном сомнений не было ни у кого: он знал, что Ясеня убили (точнее, должны были убить, а потом доложили об исполнении).

Теперь, когда всем и все стало ясно, дальнейший разговор двух генералов, обладавших непредставимой для нормального человека властью, походил уже просто на изысканную шахматную партию, на этакий обмен любезностями между двумя уставшими от борьбы гроссмейстерами. Они говорили совершенно ни о чем, и Григорьев словно бы уже между прочим поинтересовался, что такое случилось на объекте в тот момент, когда прервалась связь.

– Какие-то левые мужики понаехали, пытались захватить объект, – в тон ему небрежно сообщил Тополь.

– Кто именно? – уже более заинтересованно спросил Григорьев.

– А мы не успели разобраться, – очень серьезно и грустно ответил Тополь. – Они все были в штатском и без документов. Может быть, это чекисты, может, ГРУ, а может быть, и «Хезбалла». Мы их всех уже перебили для спокойствия, а тела сбросили в Дойбицу. Это такая речка. Впадает в Шошу. А Шоша впадает в Волгу. А Волга впадает в Каспийское море. С нашей стороны потерь нет.

– Что ты несешь, Горбовский?! – словно встряхнулся вдруг Григорьев.

– Шучу, – сказал Тополь невозмутимо. – Это был ОМОН. Областной. Накладочка вышла. Жертв нет. Двое раненых. Но мы уже все вопросы сняли. Осталось вам разобраться, какого черта спецобъект ГБ охраняет областная ментура.

Григорьев замолчал надолго. Он даже на шутку не обиделся.

И вот тогда я окончательно понял, осознал, как говорится, кто такой Тополь. Он мог себе позволить вот так шутить с самим Григорьевым, и наверно, с руководителем администрации президента – тоже, быть может, и с самими президентом. Это было всерьез. Это было на самом деле.

– Мы разберемся, Горбовский, – проговорил, наконец, Григорьев. – Позовите Малина.

– Малин занят, – сказал Тополь жестко.

– Ну, пусть тогда он позвонит мне завтра утром, – бросил Григорьев, явно собираясь повесить трубку, ни с кем не попрощавшись.

И прежде, чем связь прервалась, Тополь успел ответить, оставив последнее слово за собой:

– Если сможет.

А Кедр добавил уже под гудки отбоя, впрочем, давая себе отчет в том, что слова его будут услышаны в соответствующих инстанциях:

– И если будет кому звонить.

Потом мы улыбнулись друг другу и вышли на улицу, чтобы расслабиться. Закурили все, даже Кедр, который вообще-то не курил в тот период.

– Думаешь, его убьют? – спросила Татьяна.

– Кого, Золтана? – переспросил Кедр.

– Да нет, Григорьева.

– Могут. Но, скорее всего, не сегодня. Григорьев, конечно же, играет против нас, но существуют три варианта. Первый: против нас работает ФСБ. Это – тривиально. Потому что очевидно. Мы сами работаем против ФСБ, а их контора просто защищается. Григорьев – один из них. Второй вариант: Григорьев ведет свою игру, создавая внутри ФСБ мощную оппозицию

службе ИКС. И, наконец, последний: Григорьев работает на некую третью организацию, возможно, даже не подозревая об этом.

– Я склоняюсь к последнему варианту, – выбрал Тополь, – хотя он и самый скверный для нас.

– Да, – согласилась Татьяна и добавила, как бы уже ни к кому не обращаясь: – Григорьев работает на Седого. Это же ясно как Божий день.

Тополь даже не стал комментировать эту реплику, а Кедр произнес тихо:

– Это не конструктивная гипотеза, Танюшка. Все равно речь идет о некой третьей организации, назовем мы ее службой Игрек, бандой Седого или слугами дьявола.

– Но ты чувствуешь здесь присутствие третьей силы, психологический ты наш? – спросила Татьяна.

– Да, мне это тоже кажется наиболее вероятным.

– Тогда давайте принимать решение, – резюмировал Тополь. – Наше редкое единогласие позволит сделать это быстро.

– Решение предельно простое, – поведал Кедр, – уматывать отсюда как можно скорее. Мы приехали сюда первыми, Золтан – вторым, менты – третьими. Но, уверяю вас, не последними. Скоро здесь будут ребята из ФСБ, ГРУ, ЦРУ и, честное слово, если мы тут засидимся, дождемся палестинской разведки "Фарах" или дудаевской службы безопасности. Надо уматывать. Второе. Ясень отлично прошел первый этап испытаний. Я бы сказал удивительно гладко. Я считаю, что в связи с этим его надо как можно скорее убирать от дел. На месяц. А может быть, месяца на два. От греха. Легенду подготовим. И пусть учится. Пусть бумаги изучает. В языках натаскивается. А на оперативку не надо больше. Ну, не искушайте судьбу, мужики и дамы! Ну, не надо! Кто-то против?

Я еще не очень понимал, о чем речь, но я не был против. Потому что я не хотел на оперативку. Я просто элементарно хотел жить. И я мечтал отдохнуть. Я еще в той прежней жизни отдохнуть собирался – и вот, пожалуйста, отдохнул. Конечно, задуманный роман писать теперь было поздно. За каких-нибудь два дня картина существующего вокруг мира преобразилась сильнее, чем за минувшие десять лет. Но я уже был готов писать новый роман, абсолютно новый и страшно интересный для всех трудящихся и прочих граждан моей безумной страны. Вот только я боялся, что у меня теперь совсем не будет времени на литературную работу. А жаль.

Я вдруг вспомнил об одном своем приятеле, бывшем литераторе и журналисте. Он тоже, как и я, участвовал во Всесоюзном (слово-то какое!) семинаре молодых писателей, работающих в жанре фантастики и приключений имени И.А.Ефремова (буквально так это все и называлось), а ныне стал едва ли не вторым по значимости человеком в одной зарубежной стране, имя которой – Украина. Должность его я, честно вам скажу, подзабыл, да и фиг бы с ней, с этой должностью, тем более что называется она как-то по-хохлацки, а я на этом языке, кроме "пыва", ничего не знаю. Дело не в должности, дело в том, что человек занимается теперь большой политикой, и нет больше такого писателя – Олексея Кречета... Ах, Лешка, Лешка! Какие славные рассказы писал ты для журналов «Химия и жизнь» и «Знание – сила»!.. Черт возьми, вот так же грустно подумал я и о себе.

Литература кончилась – началась политика.

А другие в этот момент (или чуть позже) подумали обо мне еще грустнее. Для них я умер. Михаил Разгонов умер. Перестал существовать *de jure* и даже *de facto* – для всех, кто был не в курсе. Остался на свете какой-то Джеймс Бонд N007, какой-то Штирлиц из НКГБ, какой-то кацин из службы "Шабака", прости Господи... И на хрена мне, как говорится, такая жизнь?..

– Золтана взяли, – вдруг четко произнес Тополь.

И я словно проснулся. Задумавшись, я перестал слушать их разговоры.

– Только что принял сообщение Клена из Москвы.
– Что, везут его в Белокаменную? – поинтересовался Кедр.
– Да нет, зачем же? Он теперь в Твери посидит, – улыбнулся Тополь. – Нечего ему в Москве делать.

– Ну, вот и славненько, – сказала Татьяна. – Поехали. Поздно уже.

И мы поехали, отдав приказ младшему персоналу и загрузившись вчетвером в малинский "ниссан". Полная машина одних генералов. За руль почему-то посадили меня. Наверно, как самого младшего по реальной степени причастности. Два джипа сопровождения с охраной двигались впереди и позади нас.

Мы ехали в Москву, но не доезжая до Солнечногорска, остановились по просьбе Татьяны.

– Что случилось, девочка? – спросил Тополь.

– А что-то должно было случиться? Или мы куда-то торопимся? – вопросом на вопрос агрессивно откликнулась Татьяна.

– Пока нет.

– Тогда давай постоим немного. По лесу погуляем...

– Шиза грызет? – заботливо поинтересовался Кедр. – Там же дождик.

– Триш генерал, ршите обратиться. А разве под дождиком нельзя гулять?

Я не понял, кого она спрашивала, все вокруг были генералы. Да это и не важно было: Татьяна не ждала никакого ответа. Она приоткрыла дверцу, выглянула наружу и вдруг запела:

– С Пешавара идут моджахеды!
А с Кабула подходят свои.
Ну, скажите, какого же хера
С Гиндукуша сбежали ручьи?!

– Ну, все, – сказал Кедр. – Станция Березань. Кому надо – вылезай. Тополь, у нас есть что-нибудь выпить?

– Есть, – ответил я за Тополя. – "Хэннеси" тебя устроит?

– Мне не надо, – пояснил Кедр. – Татьяне налей.

Татьяна кивнула.

– Это наша "Афганская весенняя", – прокомментировала она и исполнила еще один куплет:

– Из-под снега появятся трупы,
Не понять, где друзья, где враги.
Снова мчатся мобильные группы,
И "вертушки" рисуют круги.

– Пойдем действительно погуляем, Леня, – предложил Кедр.

Тополь выпростал из машины ноги, согнутые под острым углом, затем, по разделениям, извлек остальные части своего нестандартного тела и неожиданно быстро, как складной нож, распрямился.

– Пошли, – бросил он Кедру, и они оба растворились в мокрой темноте придорожных кустов.

Мы остались вдвоем с Татьяной. Совсем, как два дня назад, в ночь знакомства. Только теперь все стало по-другому. Слишком по-другому.

– Это Матвей написал за месяц до смерти. Плесни коньячку-то, Серега.

Какой Матвей? Что за бред?! Я как-то даже не сразу въехал, что она обращается ко мне, восприняв последнюю фразу как строчку или название песни. По крыше забарабанили капли усиливающегося дождя.

– Куда они поперлись? – рассеянно спросил я.

– У них зонтик есть, – не совсем на вопрос ответила Татьяна. – А у меня до сих пор нет коньяка. Ты же обещал налить!

И придвинувшись ко мне, она легонько щекотнула губами мою шею.

Я вздрогнул, посмотрел ей в глаза и грустно спросил:

– Зачем?

– Чтобы выпить, – ответила Татьяна бесцветно, ни всерьез, ни в шутку, а так, как отвечают на вопрос "Сколько времени?"

– Ты что, уже не можешь не пить?

– Могу. Но не хочу. Иногда обязательно нужно выпить. Слишком большой перенапряг в мозгах. Кроме коньяка уже ничего не помогает.

– Но ведь это же все равно...

– Алкоголизм? Дуся, не смешите меня, я человек, измученный нарзаном. Ты еще слишком мало знаешь про нас и про меня в частности. Алкоголиком я не стану, даже если очень захочу. У меня уже совсем другие отношения с собственным организмом. Я не могу попасть в зависимость от него, просто потому, что давно владею одной древней восточной методикой восстановления физического здоровья, суть которой – именно полный контроль над организмом. Причем я владею этой штукой лучше их всех. Может быть, потому, что раньше других начала заниматься спортом, может быть, карате помогло, а может, просто я такая гениальная от природы. В общем ты за меня не беспокойся, у меня болезней не бывает. Физических. А вот с головой... С головой у нас у всех плохо.

– То есть?

– Ну, помнишь, ты сказал, что мы шизики. Так и есть.

Татьяна уже достала бутылку "Хэннеси", аккуратно вынула пробку и хлебнула прямо из горлышка.

– Не надо, Верба, я сейчас дам стакан.

– Два, – поправила она.

– Я же за рулем.

– Ты, что, дурак? С твоими документами можно на бэтере по Красной площади кренделя выписывать.

Она сказала по-современному – "на бэтере", а не как говорили раньше – "на бэтээре", и этот молодежно-солдатский слэнг, эта лихая фраза так резко контрастировали с ее уставшими глазами и вдруг необычайно четко прорисовавшимся морщинками на лице, бледном, прямо-таки зеленовато-сером в неверном свете внутрисалонных лампочек, что мне сделалось страшно. Я взял у нее бутылку и тоже отхлебнул из горлышка.

– Мы психи, Разгонов, мы безнадежно больные люди, – резко сменив тон, заговорила она. – Когда-нибудь ты напишешь об этом. Когда-нибудь, если останешься жив и если у тебя еще будет время писать. И желание. Главное – желание. Я очень сомневаюсь, что тебе вообще захочется писать после всего, что тебя ожидает. Тополь писал научные статьи. Кедр писал книжки по психологии. Ясень писал стихи. Я писала картины. Ты написал замечательный роман. Но если станешь до конца нашим, у тебя тоже крыша съедет, и писать ты больше не будешь. А собственно какие уж тут если! Куда ты теперь, на хрен, денешься. Ты уже стал Причастным, хотя и не понимаешь еще, что это значит. А это значит, Мишик, огромная власть, чудовищная власть и такая же дикая, лютая ответственность, которая давит тебя, давит постоянно, без перерывов на обед, без выходных и отпусков, давит и выкручивает, как мокрую тряпку, только течет с тебя не мыльная вода, а кровь пополам с дерьмом и потом... И вот,

когда становится очень больно, до тошноты, до красного тумана перед глазами, тогда можно немножечко глотнуть. Даже нужно. Иногда помогает. Ясень тоже так делал. А стихи он до самых последних дней писал. Может быть, он единственный из нас сумел остаться собой даже на самой вершине этой проклятой пирамиды. Он никогда, никогда не был жестоким и мечтал не делать НИКОГДА НИКОМУ НИКАКОГО намеренного зла. Это оказалось... невозможно.

Татьяна замолчала, словно вдруг выдохлась. А я уже расплескал коньяк в знакомые пластиковые стаканчики, и по второй мы выпили как люди.

– Ну и что, – спросил я, – Ясень тоже был псих?

– Конечно! – воскликнула Татьяна с чувством. – Он-то и был среди нас самый главный псих. Неформальный лидер дурдома. Кто больше всех в новые мессии рвался?! Тоже мне, новоявленный Христос! Дон Кихот свинячий. Мартин Лютер Кинг из спецназа. Джон Леннон с генеральскими погонами. Разве это не дурдом? Какого черта нужно было создавать всю эту Армию Спасения? Кого спасать? Человечество? Да человечество не хочет, чтобы его спасали. Человечество хочет жить так, как хочет. Одни привыкли, что у них все плохо, другие привыкли, что у них все хорошо. И тут нельзя ничего переделать. Когда очередной сумасшедший меняет этих людей местами, просто льется крови больше, чем обычно, а потом все возвращается на круги своя. "...И род приходит, и род уходит, и заходит солнце, и восходит солнце, а Земля пребудет во веки веков... И все это суета сует и ловля ветра..." И в чем ты пытался их убедить? В том, что они Люди? А им наплевать на это. В том что слезинка той девочки Достоевского важнее, чем бутерброд с икрой за завтраком? Так в этом ты их никогда не убедишь. Потому что от слезинок девочки бывает несварение желудка, а икра очень полезна для здоровья, особенно за завтраком. И они правы, Ясень.

Я вдруг понял, что это она ко мне обращается, словно я и есть тот самый Ясень. Которого убили. Стало немного жутковато, но я не прерывал Татьяну, я продолжал слушать всю эту дичь, которую она несла складно и с выражением, будто читала лекцию или выступала на митинге. Нет – будто пыталась доказать, что она и на самом деле сумасшедшая. По крыше и стеклам барабанил дождь. Ветра не было, и дым от наших сигарет расплывался зыбкими слоями внутри машины.

– Они правы, Ясень, – говорила Татьяна. – Потому что нормальный здоровый человек должен сидеть спокойно и жрать икру. Сначала, конечно, заработать на нее, а потом сидеть и жрать. Ну, и заботиться о своих ближних, самых ближних – о родителях, о жене, о детях. И все. Таких людей большинство, подавляющее большинство. С этим ничего, ничего нельзя поделать. И не нужно. Только полные идиоты – такие как ты, Ясень – решают вдруг переделывать мир. Сама идея изменения мира – это симптом болезни. Здоровому человеку подобные мысли в голову не приходят. Поэтому-то во все века мир и переделывали только сумасшедшие. Ну, и что у них, у несчастных больных людей, могло получиться? Очередной вариант дурдома, более или менее масштабного.

Как ты думаешь, безумный иудейский пророк Иешуа догадывался о грядущих кострах инквизиции и крестовых походах? Думаю, что нет. И Карлуша вряд ли предвидел лагеря смерти и геноцид. А вот Вовка Ульянов, наверно, обо всем этом уже имел представление, и даже порепетировал немного с массовыми убийствами по классовому признаку. Вообще реформаторы становились год от года циничнее. Самым откровенным был Адольфик. Он с самого начала знал и даже не скрывал, чего хочет: пятьдесят процентов людей уничтожить физически, сорок пять сделать рабами, а оставшиеся пять будут жрать черную икру за завтраком и нежно заботиться о детях и домашних животных. В общем ни у кого из них ничего не получилось. Мир не изменился. Нормальные люди все равно в итоге побеждают и жрут икру или хотя бы мечтают об этом. А психи, такие как ты, в итоге жрут свинец, а от него бывает не только несварение желудка, но и другие неприятные вещи, например, дополнительные отверстия в голове или остановка сердца...

Зачем я говорю тебе это? А? Зачем? По-моему, ты мне сам все это и говорил когда-то. Прости меня, Сергей. Они убили тебя. Я знала, что так и будет, но что я могла сделать, что?! Вот теперь, я знаю, что делать. Теперь я буду убивать ИХ. Я помню, ты говорил, что нельзя, но теперь все стало по-другому. Теперь можно. Правда, Сергей?

– Нет, – сказал я. – Все равно нельзя.

Татьяна вздрогнула, уронила сигарету, глаза ее как-то странно сверкнули, рот приоткрылся напряженно – она явно хотела что-то сказать, но вдруг закрыла лицо ладонями и, уткнувшись мне в плечо, зарыдала.

Потом мы выпили еще. Я – совсем чуть-чуть, а она полный стакан.

– Извини, Мишка. Мне правда иногда кажется, что ты – это Сергей. Но это же полный бред. А Горбовский говорит, что так и должно быть.

– Я не знаю, – сказал я, – я не знаю, что тебе ответить. Мне сейчас очень тяжело. Может быть, тяжелее, чем тебе. И от того, что я теперь все понял, мне легче не стало.

– Что ты понял, дурачок?

Я помолчал. Я думал сразу о многом. Я не имел ввиду только наши отношения. Но она сейчас думала именно об этом.

– Ты любила его? – спросил я, хотя уже знал ответ.

– Да, – сказала Татьяна. – Я л ю б и л а его. И больше я никого и никогда в жизни не любила. Правда. Неужели теперь, я полюблю тебя?

– Не надо, – сказал я.

– Ты думаешь?

– Мне так кажется.

Татьяна подобрала с пола еще не потухший бычок и раскурила. А я зачем-то открыл дверцу и вышел под дождь. Дождь был холодный и противный. Шагах в двадцати в слабом свете подфарников виднелись две размытые фигуры под одним большим зонтом.

– Иди ко мне, – шепнула Татьяна, открыв окошко, – промокнешь, дурень.

Я залез обратно в машину и Татьяна сообщила мне доверительно:

– Трахаться сегодня не будем.

– Хорошо, – сказал я рассеянно. Я как-то не думал об этом.

– Чего ж тут хорошего? – возразила Татьяна. – Просто времени, похоже, не остается.

И в подтверждение ее слов в окно просунулась усатая морда Кедр.

– Мы приняли сейчас радиogramму от Платана, – поведала морда. – На квартиру Малина заезжать не стоит, лучше сразу двигать в аэропорт. Тем более, что через полтора часа есть удобный рейс из Внукова.

– Из Внукова? – переспросила Татьяна. – Это что, пилить через всю Москву? Шереметьево же ближе.

– Но из Шереметьева рейс на Лондон только утром.

– А спецрейс? – спросила Татьяна.

– Не тот случай, – отрезал Кедр.

– А-а, – протянула Татьяна. – Понятно. Полтора часа, говоришь? Ну, и как же мы поедем? По кольцевой со скоростью двести пятьдесят?

– Послушай, Верб, – вмешался Тополь, – ну, что ты сегодня такая ершистая. Давай лучше снова песни петь. Ну, не поедем мы по кольцевой, не поедем. Я кольцевую с детства ненавижу!

– Для справки, – вставил Кедр, – когда Леня был маленьким, никакой кольцевой еще не построили.

Пропустив эту реплику мимо ушей, Тополь сообщил не совсем понятно:

– Я вызвал рассекателей. – И добавил. – Кедр, иди за баранку. Сам господин Малин за рулем – нас пограничники не поймут.

– Простите, а кто из нас летит в Лондон? – робко поинтересовался я, когда мы уже разогнались по трассе километров до двухсот.

– Ты, – сказал Тополь не оборачиваясь.

– Хорошо, – сказал я и не стал задавать никаких вопросов.

Собственно, мне уже было все равно. Если бы за те же полтора часа меня доставили не во Внуково, а в Плесецк и оттуда – на Луну, я бы тоже не слишком удивился. На деньги этого дона Корлеоне, или как его там, можно, наверно, и на Марс слетать, если того потребует Святое Дело Службы ИКС. Кажется, я уже вполне усвоил странную лексику этих "безнадежно больных людей", а вот логику их святого дела пока еще понимал слабо.

– Тебя там встретят. Прямо в аэропорту, – соизволил сообщить мне Тополь. – И все расскажут. Для начала по-русски. А сейчас, Мишель, можно я немного посплю? Кедр тоже лучше не отвлекай разговорами. Дорога мокрая.

А мне и не хотелось ни с кем разговаривать. Я просто смотрел в окно на дождь и слушал, как тихо и уютно посапывает Верба. Она была такая крошечная, что, поджав ноги и положив голову мне на колени, ухитрилась буквально свернуться калачиком.

У моста через канал на въезде в Москву с нами поравнялись, приветственно мигая, два милицейских «форда-виктория». Кедр сбросил скорость и, не останавливая машину полностью, выслушал доклад старшего по званию, после чего одна из машин оглушительно сигналила, рванула вперед, а вторая стала прикрывать нас сзади. С этими «рассекателями» мы и пропороли Москву насквозь со скоростью выше ста восьмидесяти, притормозив лишь раз, у поворота с Тверской на Манежную под запрещающий знак, и на коротком отрезке до Каменного моста, двигаясь против потока, конечно, не разогнались на всю катушку. Во Внуково прибыли за десять минут до взлета и, отпустив «рассекателей», проехали прямо на летное поле через какие-то двойные ворота, любезно раскрываемые перед нами. Невероятно, но всем охранникам, таможенникам и пограничникам оказалось достаточно номера нашей машины, а может быть, знакомых лиц за ветровым стеклом. Джипы сопровождения остались по эту сторону ворот. Мы ехали почти не останавливаясь, и только один строгий майор попросил у Тополя и Кедр их удостоверения и внимательно изучил. Мои же документы были вообще никому здесь не нужны.

Верба поцеловала меня еще раз, уже стоя на последней ступеньке трапа, перед самым входом в самолет. Я долго не отпускал ее губ, внезапно поняв, что влюбился всерьез, что во всем этом нереальном дурдоме лишь она одна по-настоящему нужна мне, и что я не хочу, не хочу с ней расставаться. И она поняла это все без слов. И сказала:

– Давай не будем разыгрывать финальную сцену из "Итальянцев в России". Сейчас этот трап поедет назад, а ты, Мишик, пойдешь вон туда – где стоит эта симпатичная девушка в фирменном костюме компании "KLM". Ты должен лететь. За меня не беспокойся. Мы скоро опять увидимся! Я даже зуб вылечу! Честно! Все будет хорошо! Я позвоню тебе! Слышишь?! Завтра! Или послезавтра!

Я уже стоял в дверях самолета, а трап с Татьяной на последней ступеньке уезжал от меня как-то ненормально быстро. Или это только казалось мне?

– Excuse me, miss, – извинился я, проходя в салон.

– Ну, что вы, что вы, господин Малин! – ответила на чистом русском языке стюардесса компании "KLM". – Проходите, пожалуйста, я покажу вам ваше место.

Глава девятая

ПОЧЕМУ ВЫ НАЧИНАЕТЕ С ПАРИКМАХЕРСКОЙ?

Сереза возвращался из школы знакомым двором. Он уже распрощался с другом Колькой и был теперь совсем один. До дома оставалось два шага, когда вдруг из-под забора выскочил маленький темно-серый мышонок, сверкнул черными бусинами и отчаянно кинулся через дорогу к спасительной пожухлой траве на клумбе. Серезе захотелось поймать зверька, он резко шагнул вперед и поставил на пути беглеца правую ногу. Юркий мышонок обогнул препятствие и побежал еще быстрее. В охотничьем азарте мальчик вновь преградил ему путь, сделав второй стремительный шаг. И промахнулся. Мягкий комок хрустнул под подошвой ботинка. Сереза отдернул ногу и обмер: мышонок теперь не бежал – он полз на передних лапах, волоча задние, а вместо черной бусинки его правого глаз вздулся нереально большой кровавый пузырь. Мальчик смотрел на полумертвое животное и какую-то секунду был просто не в силах шевельнуться. Ничего более страшного ему еще не приходилось в жизни видеть. Потом созрело решение. Он наступил на мышонка каблуком и навалился на него всей тяжестью тела, зажмурившись и стараясь не слышать жуткого влажного хруста. А затем, не оглядываясь зашагал домой. В подъезде Сереза не выдержал и разревелся. И в квартиру вошел уже весь в слезах. Долго он не мог объяснить маме, что же случилось, пугая ее почти истерическими рыданиями. Потом успокоился и рассказал. Мама поняла. Мама все поняла, и от этого стало немного легче. Но все равно той же ночью он увидел кровавого мышонка во сне.

Это было первое убийство в его жизни. Сереза учился тогда во втором классе.

Через двадцать лет он вспомнит несчастного раздавленного зверька. Когда у здорового, метров двух ростом, негра от прямого попадания в голову точно так же вздуется жутким кровавым пузырем один глаз, но негр будет еще идти, наступать, и его конвульсивно сжатые мертвые пальцы будут давить на спусковую скобу маленького смертоносного «узи», и две пули попадут Сергею в ногу, чтобы остаться там надолго, потому что восемь часов они будут прорываться к своим через проклятые джунгли, и только на побережье, в продувной палатке полевого госпиталя старина Гомеш прооперирует его, и потом, уже в Луанде чудом спасет изуверенную ногу с признаками начинающейся гангрены, а всю дорогу в вертолете он будет бредить и на всех языках, известных ему к тому времени просить окружающих: «Добейте, мышонка! Раздавите его, чтоб не мучился! Добейте мышонка!..»

Это будет его второе убийство. Уже серьезное – убийство человека. А потом будет третье, четвертое, пятое. А потом он испугается. Он испугается потерять счет убийствам. И тогда на торговом судне он удерет в Италию, рассчитывая черт знает на что, на какого-то почти сказочного и скорее всего уже не существующего человека, встреченного им три года назад...

Отец Серезы Малина был физик-ядерщик. Из тех, про кого Михаил Ромм снимал «Девять дней одного года». Николай Федорович успел поработать с самим Курчатовым. Позднее защитил докторскую, а в семидесятом, когда ему только-только отметили пятидесятилетний юбилей, и он только-только начал в своей лаборатории работу над новой сверхсекретной тематикой, а жена его Люда, Серезина мама, только-только сделала себе новую прическу, а сам Сереза готовился с отличием закончить шестой класс, и все они вместе собирались ехать на Юг... В общем в семидесятом, возвращаясь с дачи майским вечером, Николай Федорович вдруг перестал давить на газ, а ручку скоростей почему-то перевел в нейтралку, и уронил голову на руль, который был повернут немного вправо, и машина тихо съехала на обочину и остановилась. Гаишники в те годы работали еще исправно, да и люди добрые не ленились сообщать о происшествиях на дорогах, так что нашли его скоро, но это уже никакого значения

не имело. Смерть наступила мгновенно. Все-таки, девятьсот бэр (или девять тысяч?) Сергей никогда не помнил, какая именно доза радиации является смертельной для человека, он только помнил, что отец получил этих рентген во много раз больше.

Он помнил, как пришел на следующий день в школу и на первой же перемене практически ни за что, придравшись к какой-то ерунде, жестоко побил Ваську Кудина. Васька был задира, но мелкий такой, дохлый, и бить его считалось не совсем приличным. Малин потом извинился, а Васька даже не обиделся – понял.

И было лето семидесятого на даче в Софрино. И он не очень часто играл с мальчишками, редко ходил купаться с ними и мало гонял на велосипеде. Он все больше любил оставаться один. Сидел в доме или в гамаке под березами на участке, или шел на "анизотропное шоссе". В двух километрах от дачи проходила так называемая "бетонка" – стратегическая кольцевая автодорога в радиусе сорока пяти – пятидесяти километров от Москвы, о которой все знали, но которая не была обозначена ни на одной общедоступной карте. Здесь, в районе Северной железной дороги, бетонка была чрезвычайно живописна и ввиду отсутствия вдоль нее (по определению) населенных пунктов навевала романтические ассоциации.

Сергей открыл для себя в то лето "Трудно быть богом" Стругацких и, читая пролог, представлял именно эту, летящую меж полей, зеленых лугов и березовых рощ дорогу. Вот оно – анизотропное шоссе истории. Здесь, бросив под кустами велосипед, он мог подолгу сидеть, глядя на облака в небе, на шумящие кроны деревьев, на редкие машины, проезжающие по бетонке, и мечтать о путешествиях к далеким мирам, о фантастических изобретениях, о машине времени. О машине времени он особенно часто мечтал. Он так хотел вернуться в прошлое и забрать оттуда отца, чтобы они снова были вместе. И он верил, что анизотропное шоссе – это волшебное место, что рано или поздно, здесь начнут исполняться все желания, надо только дождаться этого момента, надо иметь терпение. Он был уже не маленький, он понимал, что чудес на свете не бывает, но страшно любил фантастику, а с помощью фантастики можно было объяснить все, и притом не сказочным, а строго научным образом. И это было здорово. Да, он понимал, что все чудеса – обман, но вместе с тем верил, искренне верил и в машину времени, и в бескорыстную помощь инопланетян, которые умеют воскрешать людей. И особенно сильна была его вера здесь – на обочине "анизотропного шоссе". В этом состояла его маленькая тайна, о которой он никому, никому не рассказывал.

Тем же летом он придумал вечный двигатель.

А осенью учитель физики объяснил ему, почему любой вечный двигатель, в том числе и придуманный Сережей Малиным невозможен, но после разговора с мальчиком физик вызвал маму и посоветовал ей отдать Сережу в математическую школу. Сама идея его изобретения была крайне любопытна, а то, как семиклассник вел научный спор, вообще поразило старого опытного учителя.

Следующий, восьмой класс начался для Малина в физико-математической школе, куда он попал, с блеском пройдя собеседование. Никакой особой любви к математике и вообще к точным наукам Сергей не испытывал. Уже тогда он начал писать стихи и больше всего на свете любил поэзию. Но в математическую школу перешел охотно. Если бы существовали биологические школы, он бы и туда пошел с энтузиазмом, химические, исторические – пожалуйста, литературные – еще лучше, но таких школ не было, а учиться по обычной программе ему было скучно.

В новой школе учились почти одни мальчишки, и все очумительно умные. Девчонок было двое, не настолько умных, зато очень симпатичных, и на первое же Восьмое марта мужская половина класса, пользуясь своим численным превосходством, подарила им по огромному плюшевому медведю и по огромной же "бабаевской" шоколадке впридачу. А Сережа сочинил еще и поздравительные стихи для обеих. На следующий год он уже пел им под гитару. Это было его новое увлечение, не чуждое, кстати, и еще нескольким вундеркиндам из их класса.

Одновременно с этим все повально болели шахматами, затаив дыхание следили за успехами гениального Бобби Фишера, прорабатывали, повторяя ход за ходом, его партии со Спасским, устраивали шахматные турниры между классами, даже между школами, а Сергей ухитрился еще и разряд по шахматам получить. Третьим увлечением чокнутых юных математиков было изучение языков. Незнание английского на уровне свободного чтения без словаря считалось между ними просто неприличным, а сверх того полагалось знать хотя бы еще один язык. Пришедшие из французских, немецких и испанских школ пользовались особым уважением. Сергей учился семь лет в простой английской, и в отчаянной попытке взять реванш, принялся изучать арабский. Так в школе началась мода на экзотические языки. Один брался за финский, другой уже бойко лопотал на фарси, третий таскал повсюду учебник португальского, кто-то рискнул заняться хинди, а кто-то – даже японским. Наконец, всех добил Микола (Николай, конечно, но все его так и звали – Микола) Нечипоренко, взявшийся изучать иврит.

А потом школа кончилась. И сразу все сделалось непонятно. Мама, конечно, хотела, чтобы он поступал на мехмат или в физтех и шел по стопам отца. А Сергея совсем перестала привлекать наука. Он боялся в этом признаться не только маме, но и себе. Школу-то он закончил с отличием, несмотря на все обилие посторонних увлечений, среди которых был еще и спорт.

К ужасу мамы, он занялся боксом и за неполные два года получил первый разряд, каким-то чудом даже не испортив свою внешность. Так вот. Летом семьдесят пятого подающий надежды юноша с физико-математическим складом ума мечтал одновременно о трех вещах: первое – стать великим писателем и поэтом (влияние огромного количества прочитанных книг и умение сочинять стихи и песни); второе – стать разведчиком, работающим на все разведки мира (результат увлечения языками и эффект трижды просмотренного сериала "Семнадцать мгновений весны"); третье – сделаться профессиональным спортсменом (влияние тренера по боксу). Теоретически все это было совместимо, в обратной последовательности, разумеется: спортсмен, разведчик, писатель. А вот карьера физика-ядерщика никак не вписывалась в вожаденную схему. По схеме следовало поступать в МГИМО или уж сразу в Высшую школу КГБ. Но жизнь не терпит схем, и все получилось иначе – не по его и не по маминым планам.

Был выпускной вечер. Сначала в его физматшколе, а потом в той первой, где он проучился восемь лет и куда не мог не прийти, потому что там осталась Рита Тагилова, его любовь с шестого класса.

О, какое это было прекрасное время! Когда они ходили зимой на Чистяки, а весной и осенью в Сад Баумана или Сокольники, когда он провожал ее до дома каждый день после школы и нес ее сумку, и читал ей стихи, свои и классиков. Как они разговаривали часами обо всем и ни о чем, как смотрели друг на друга! А в седьмом классе впервые поцеловались. По-настоящему. Это была очумительная любовь. И ревность была, и интриги. В Риту влюбились сразу трое мальчишек: Сергей, Виталик и Колька. В шестом классе они все дружили, чаще гуляли одни, чем с девчонками и делились друг с другом переживаниями и детскими мечтами. В седьмом начали соперничать. Сергей вышел победителем и нажил себе врагов. Теперь они уже по-серьезному дрались. А потом все кончилось. Малин перешел в новую школу, со старыми друзьями встречался редко, Риту он как бы и забыл, началась новая полувзрослая жизнь с боксом, шахматами, гитарой, с напряженной, как в вузе, учебой. Девушек в его жизни совсем не стало. Их вдруг заменили героини книг, фильмов, популярные спортсменки, он засматривался на теле- и кинокрасавиц, всерьез мечтая о знакомстве с ними. Но однажды совершенно случайно встретил Риту. Им было уже по шестнадцать. Рита стала почти женщиной. Он стал уже почти мужчиной. Совсем новое чувство проснулось в нем. Это был взрыв. Но очевидно, односторонний. Он звонил ей несколько раз, она уходила от встреч под разными предлогами. Только один раз они посидели часок в "Севере" на Пушкинской, выпили по бокалу шампан-

ского, съели мороженого. Он планировал признаться ей в любви, но не сумел. И кажется, Рита не поняла, чего он хотел. А он тогда уже хотел всего, всего сразу, по-настоящему, по-взрослому. Но был конец мая, оба они должны были готовиться к экзаменам. И расстались на месяц.

И вот, выпускной вечер. Старая московская школа у Красных ворот. Семьдесят пятый год. Время было пьяное. Взрослость зачастую измерялась количеством выпитого. А на выпускных еще разрешалось пить шампанское, которое, конечно, втихаря из-под стола обильно разбавляли водкой. В общем все быстро делались веселыми, а в вестибюле обязательно дежурил всю ночь милиционер во избежание массовых пьяных драк. Сергей появился внезапно. И сразу все понял. Как же он, дурак, раньше не догадался. У Риты теперь был Роберт. "И давно вы знакомы?" "Да уж скоро год. Он пришел к нам в десятом классе". "И что, это серьезно?" "Очень серьезно". "А как же я?" "Не знаю. Тебя я тоже люблю". "Что?!" Они все были пьяные. И Рита с Сергеем до одурения долго целовались. Пока не пришел Роберт. Роберт был на голову выше и в полтора раза шире в плечах.

– Не надо, Роберт, – сказала Рита. – Я сама виновата.

– Надо, – сказал Роберт. И добавил шуточно: – Надо, Федя, надо.

Но очень скоро стало не до шуток. Федя, то есть Сергей разбил противнику лицо тремя точными ударами, и поединок был прекращен Ритой за явным преимуществом перворазрядника по боксу. Роберт был в глубоком нокдауне, весовая категория не помогла. Но удивительнее всего оказался финал этой истории: Рита ушла с Робертом, буквально плача от жалости к нему, а Сергей остался один. Он стоял у окна в темном классе своей родной школы, вытирал носовым платком окровавленные кулаки и думал о том, что никогда больше не будет заниматься боксом.

Никогда и нигде в животном мире самка не уходит с побежденным самцом. Только у людей. Люди вообще очень неправильные животные. Но раз уж ты человек, ты должен решать все проблемы по-людски. Сила, приятель, это еще далеко не все.

В ту ночь он напился. Мать расстроилась, конечно, но не слишком удивилась, такое с ее сыном случалось уже в третий раз. Зато бокс, на радость маме, он действительно бросил. Это было очень характерно для него – увлечься чем-то, быстро уйти с головой в новое дело, достичь немалых результатов, а потом так же внезапно утратить всякий интерес, к тому, что стало уже почти профессией. А о профессии пора было думать всерьез.

Тут-то и нарисовался у них в доме как бы возникший из небытия дядя Семен, брат отца, геолог, бродяга и романтик по натуре, типичный физик-лирик, шестидесятник диссидентского толка. Сергей видел его последний раз, когда был еще совсем мальчишкой, и теперь дядя Семен просто очаровал юношу. Решение созрело внезапно, но бесповоротно – поступать в геолого-разведочный.

Однако Малин не был бы Малиным, если бы уже через полгода не выкинул следующий фортель.

Один из преподавателей физвоспитания в институте Виктор Гаврилович Карасев оказался опытным тренером по легкой атлетике. В прошлом десятиборец, он был настоящим спортсменом-фанатиком и агитировал всех ходить не на общие занятия, а в его секцию. При первом же знакомстве Малин без ложной скромности поведал ему, что вообще-то имеет второй взрослый разряд по легкой атлетике. Действительно однажды на школьных соревнованиях он прыгнул в высоту на метр семьдесят пять примитивным перекидным способом (про флоп тогда еще мало кто знал) и сам даже не слишком удивился, установив новый рекорд школы – Сергей привык, что у него многое получалось легко и сразу – а учитель физкультуры на Последнем звонке неожиданно поздравил его и вручил значок и удостоверение второразрядника. Было это в общем приятно, но тогда он еще чувствовал себя боксером и быстро забыл о легкоатлетическом успехе. Вспомнил теперь.

Гаврилыч сразу потребовал продемонстрировать прыжок. Сергей с огромным запасом перелетел планку на высоте метр шестьдесят, и Гаврилыч чуть не прослезился, оценив увиденное безошибочным взглядом профессионала.

– И этот прирожденный прыгун два года своей жизни потратил на какой-то гнусный мордобой! – воскликнул он.

В общем, освоив флоп, за неполный месяц Малин довел личный рекорд до метра девяноста (это был уже первый разряд по тем временам), а через год выполнил норму мастера и был заявлен на чемпионат Союза. Внезапная нелепая травма, за которой последовало воспаление надкостницы на голени толчковой ноги, помешала его участию в крупном турнире. И Сергей увидел в этом некий знак. Подступал момент неизбежного расставания с очередным хобби. Да, он страстно любил спорт, он был настоящим спортсменом в душе, но кроме того хотел учиться, и путешествовать, и как можно больше читать, и не только на русском языке, и переводить стихи, и сочинять песни, и петь их под гитару, и развлекаться с девчонками, и гулять на пьяных вечеринках... Все это не слишком хорошо уживалось с жестким режимом профессионального спортсмена.

Малин начал пропускать тренировки. Рост его результатов прекратился, остановившись на однажды показанном во время тренировки и теперь уже недостижимом уровне – два пятнадцать. Сергей перестал отдавать спорту всего себя – опять же на радость маме, но дядя Семен уже начал понимать, что никакого геолога, а тем более ученого, из его племянника не получится. Надо отдать должное дяде, он не считал свою профессию лучшей на свете, да и вообще во главу угла ставил другое – простую человеческую порядочность, честность, доброту и ум. Вот эти качества он в первую очередь и пытался привить талантливому мальчишке, рано потерявшему отца и с нетерпением хватающемуся за все подряд. Бывало они до глубокой ночи просиживали на кухне за чаем и говорили, говорили, говорили уже вдвоем, без сестры Катюхи, ушедшей спать, без мамы, уставшей от их бесконечных философских споров о литературе и политике.

Благодаря дяде Семену Сергей уже в те годы многое понял о стране, в которой ему довелось родиться. Ну, о сталинских-то репрессиях он знал от родителей, и к революции поэтому относился сложно. Романтики в ней пока еще виделось много, но кое-что уже настораживало: жестокость красного террора, разрушение памятников, притеснение религии, запрещение определенной литературы. Запрещенная литература – это было особенно актуально. С нее-то и начался следующий этап его прозрения.

Дядя Семен приносил в дом самиздат. Именно в семьдесят пятом Сергей и узнал впервые, что это такое – самодельно переплетенные тончайшие листы с подслеповатым машинным шрифтом или тогда еще экзотические ксероксы на непривычно плотной бумаге. Перенятые или перепечатанные многократно, читались они зачастую с трудом, но какое это было наслаждение! Ни с чем не сравнимое, потому что через серые и блеклые страницы проступали абсолютно новые незнакомые миры – миры Солженицына и Зиновьева, миры Платонова и Набокова, мир Авторханова – мир безжалостно правдивой нашей истории и завораживающий, ошеломительный мир поэзии Бродского. Но настоящим потрясением стал для Малина Оруэлл – "Ферма животных" и "1984", особенно "1984". Это было уже в семьдесят девятом, за пять лет до обозначенного писателем года, и может быть, великий роман просто стал последней каплей для уже наполненной до краев чаши возмущения и гнева, а может быть сказалось совпадение отдельных мыслей самого Сергея с мыслями Оруэлла – но так или иначе, именно теперь, когда он прочитал о "двоемысли", его собственное "двоемыслие" закончилось раз и навсегда. Очень разные миры очень разных авторов сложились вдруг в единый уродливый неправдоподобно страшный, но удивительно реальный мир, и это был тот самый мир, в котором ему довелось жить. Словно в детской мозаике, нашлось последнее недостающее звено, картинка сделалась цельной, и иллюзий не осталось. Совсем не осталось. Теперь он знал о чудовищной советской

системе примерно столько же, сколько все остальные будут знать лишь через двенадцать лет, когда по Москве прогрохочут танки и развалится "империя зла" – Советский Союз.

Конечно, он был не один такой знающий. Но людей, понимающих ситуацию в равной мере с ним, было крайне мало. И по молодости лет он впал тогда в некую эйфорию, почувствовал себя посвященным в страшную тайную, причастным к элитарному глубоко законспирированному обществу. Потом пришло понимание: людей, посвященных полностью в страшную тайну не только крайне мало, но они еще и крайне разобщены. Собственно, объединение этих людей, было в принципе невозможно. Как объединить высшее партруководство, высшую сволочь, безусловно, знающих и понимающих все, но и готовых на все (абсолютно на все!) ради собственного благополучия и – писателей-диссидентов, творящих в стол в ожидании новых времен или выдворенных за границу; как объединить бегущих из КГБ на Запад лучших офицеров и – бегущих в Израиль евреев – учителей, врачей, ученых – лучших в стране специалистов; как объединить тех семерых, что вышли в шестьдесят восьмом на Красную площадь с лозунгом "За вашу и нашу свободу", чтоб отбывать теперь наказание неизвестно где и – таких как он, Сергей Малин, просто начитавшихся Оруэлла "под одеялом". Впрочем, попытки как раз такого объединения были. Сергей, конечно же, слышал о то и дело образующихся подпольных движениях и партиях. Но если за чтение самиздата сажали очень редко, а за распространение просто чаще, то за создание нелегальных организаций сажали обязательно, всех и очень быстро. И к тому же Сергей теперь знал, куда сажали. И путь в спецпсихушку казался ему принципиально тупиковым.

Конечно, идти против танка с шашкой наголо – это очень красиво, но только до того момента, пока кишки не начали наматываться на траки, ведь трудно увидеть что-то красивое в грязно-кровавом месиве, где мозги уже не отличить от дерьма. Так что проклятый Ильич оказался беспощадно прав, когда просто и четко сформулировал в горячо любимой всеми со школьных лет работе "Партийная организация и партийная литература": *"Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя"*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.